

Международный
научно-практический междисциплинарный журнал

**РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И УПРАВЛЕНИЕ**

№ 1

Январь-июнь 2007

Том 7

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Международный научно-практический междисциплинарный журнал

УЧРЕДИТЕЛИ: *Институт психологии Российской академии наук,
Владимир Лепский (Россия)*

При участии: *Института философии РАН*

Выходит два раза в год на русском языке
(отдельные выпуски – на английском языке)

№ 1, 2007, январь-июнь, том 7

Главный редактор: *В.Е.Лепский (Россия)*

E-mail: lepsky@online.ru

Члены редакционного совета:

*С. Амплеби (США), Б.И.Бирштейн (Канада), А.Л.Журавлев (Россия),
В.П.Зинченко (Россия), В.А.Лекторский (Россия), В.А.Лефевр (США),
В.Ф.Петренко (Россия), Д.А.Поспелов (Россия), В.В.Рубцов (Россия),
В.С.Степин (Россия), А.А.Стрельцов (Россия), Ю.Е.Фокин (Россия),
Ю.П.Шанкин (Россия), П.Г.Щедровицкий (Россия)*

Члены редакционной коллегии:

*Д.Адамс-Веббер (Канада), О.С.Анисимов (Россия), В.А.Бажанов (Россия),
В.И.Боршевич (Молдова), О.И.Генисаретский (Россия),
И.Е.Задорожнюк (Россия), Г.Г.Малинецкий (Россия), С.Ю.Малков (Россия),
В.А.Петровский (Россия), В.Л.Рабинович (Россия), С.П.Расторгуев (Россия),
В.М.Розин (Россия), И.Н.Семенов (Россия), Г.Л.Смолян (Россия),
Т.Л.Томас (США)*

Члены редакционно-издательской группы:

Б.М.Бороденков, В.И.Белопольский (Россия)

*Издание зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам
печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации СМИ ИИ № 77-7309 от 19 февраля 2001 г.*

E-mail: lepsky@online.ru
http: www.reflexion.ru

Перепечатка материалов допускается только по согласованию с редакцией.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От Главного редактора</i>	4
СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ	
<i>Лепский В.Е. (Россия). Исходные посылки совершенствования системы национальной безопасности России (Субъектно-ориентированный подход)</i>	5
ПОЛИТИКА И РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ	
<i>Марков М.С., Царик Ю.Ю. (Беларусь). Проектно-идентификационный подход к идеологии и политическому консалтингу</i>	23
<i>Денисов А.А. (Россия) Нетократия и рефлексия</i>	33
ПОТЕНЦИАЛ САМООРГАНИЗАЦИИ	
<i>Хиценко В.Е. (Россия). Можно ли управлять самоорганизацией?</i>	50
ПСИХОЛОГИЯ	
<i>Петровский В.А. (Россия). Индивидуальность и саморегуляция: метаимпликативная модель</i>	58
РЕФЛЕКСИЯ И МОСКОВСКИЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КРУЖОК	
<i>Семенов Н.Н. (Россия). Фундаментальная роль методологии Г.П.Щедровицкого в междисциплинарном взаимодействии философии и логики с рефлексивной психологией и педагогикой</i>	89
МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРОЦЕССОВ	
<i>Лефевр В.А. (США). Рефлексивный агент в группе</i>	102
СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ НАШИХ КОЛЛЕГ	
Памяти Анатоля Рапопорта	117
Татьяна Архиповна Таран. Слово прощания	120

От Главного редактора

Проблема субъектов российского развития является одной из центральных тем журнала. При этом основное внимание было сосредоточено на диагностике и анализе различных проявлений болезни «бессубъектности».

В данном номере журнала представлен конструктивный вариант лечения этой болезни. Суть рекомендаций состоит в пересмотре методологии обеспечения национальной безопасности, в переходе от «окопной» идеологии, сформированной в период «холодной войны», к идеологии обеспечения безопасности развития. Традиционно безопасность понимается как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Это представление закреплено в законе «О безопасности» и отражает культуру обеспечения безопасности социальных систем, сложившуюся в нашей стране в середине прошлого века. Основные ее признаки проявляются в следующих установках:

- Авторитарность подхода к безопасности, доминанта самодостаточности государства для решения любых проблем безопасности.
- Установка на дистанцирование личности, общества и государства, игнорирование механизмов сборки (субъектообразования).
- Установка на статичность интересов личности, общества и государства.
- Игнорирование проблем легитимности власти.
- Игнорирование проблем идентификации граждан.
- «Окопная логика», фокусировка внимания на состоянии защищенности от угроз, а не на способности адекватно действовать в динамично изменяющихся условиях.
- Игнорирование проблем безопасности инновационного развития (инновационной безопасности).

В моей статье предлагаются исходные посылки для совершенствования системы национальной безопасности на основе субъектно-ориентированного подхода. В центр внимания проблематики национальной безопасности предлагается пометить способность субъектов к социальному воспроизводству и развитию, а также их стратегические проекты. Предварительная экспертиза предлагаемого подхода оказалась весьма позитивной.

Разные аспекты этого подхода рассмотрены в ряде статей данного номера. М.С.Марков и Ю.Ю.Царик обосновывают актуальность проектной идентификации для обеспечения легитимности власти. А.А.Денисов раскрывает все более усиливающиеся скрытые механизмы управления нетократии. В.Е.Хиценко анализирует проблемы управления процессами самоорганизации.

Проблема субъекта в психологии переосмыслена в новом ракурсе в статье В.А.Петровского. В этом же разделе И.Н.Семенов проанализировал роль работ Г.П.Щедровицкого в междисциплинарном взаимодействии философии и логики с рефлексивной психологией и педагогикой.

Украшением данного номера журнала является оригинальная статья В.А.Левефвra «Рефлексивный агент в группе», в которой представлена новая математическая модель, позволяющая предсказывать ограничения, накладываемые группой на выбор агента.

На заключительных страницах представлены слова скорби об ушедших из жизни коллегам Анатоле Рапопорте и Татьяне Архиповне Таран.

В.Е. Лепский

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ

ИСХОДНЫЕ ПОСЫЛКИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ (субъектно-ориентированный подход)

В.Е. Лепский (Россия)

Главный научный сотрудник Института философии РАН,
доктор психологических наук

Бурные изменения современного мира бросили вызов сложившимся в XX веке концепциям безопасности социальных систем. Эти изменения в первую очередь связаны с процессами формирования постиндустриального общества, процессами глобализации, снижением роли государств и увеличением роли «скрытых» субъектов социального управления. Указанные изменения в XXI веке становятся фундаментальными, поэтому и **способность систем к изменениям** должна быть все более глубокой и масштабной. Очевидна при этом постоянно возникающая необходимость «выхода» за рамки нормативного подхода, фактически нормой становится выход за пределы нормы. Отсюда актуальность проблемы динамичной самоорганизации социальных систем – формирования адекватных форм и типов виртуальной субъектности.

В эпоху глобализации философия социальных систем должна быть ориентирована на ценности и смыслы, включенные в широкий социальный контекст, предопределяющие деятельность социальных систем с целью установления гармонизации мирового сообщества. Это должно проявляться в решительном отказе от культа самости и исключительной заботе о себе, в ведущей ориентации на обращение к миру, к «чужому» к другому, и, тем самым – к самому себе, в ведущей ориентации на философию ненасилия.¹

¹ Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль. Ежегодник. – М.: ИФ РАН. 2000.

В обобщенном виде это должно проявляться в формировании культуры стратегических субъектов.² Именно данные соображения должны быть положены в основу организации жизнедеятельности социальных систем XXI века и соответственно организации их безопасности.³

В России концепции и доктрины национальной и отдельных направлений безопасности базируются на законе РФ от 5 марта 1992 г. N 2446-I «О безопасности» (с изменениями от 25 декабря 1992 г.). Безопасность понимается как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Этот закон отражает культуру обеспечения безопасности социальных систем сложившуюся в нашей стране в середине прошлого века; основные ее признаки проявляются в следующих установках:

- Авторитарность подхода к безопасности, доминанта самодостаточности государства для решения любых проблем безопасности.
- Установка на дистанцирование личности, общества и государства, игнорирование механизмов сборки (субъектообразования).
- Установка на статичность интересов личности, общества и государства.
- Игнорирование проблем легитимности власти.
- Игнорирование проблем идентификации граждан.
- «Окопная логика», фокусировка внимания на состоянии защищенности от угроз, а не на способности адекватно действовать в динамично изменяющихся условиях.
- Игнорирование проблем безопасности инновационного развития (инновационной безопасности).

Очевидно, что в начале XXI века эти установки архаичны, в связи с чем остро встает проблема формирования современного методологического обеспечения национальной безопасности России, поскольку она для своего сохранения должна становиться на путь интенсивного развития.

Встает вопрос: Почему не бьют тревогу соответствующие структуры по поводу неадекватности концепций безопасности? Ответ очевиден: сложившийся подход к безопасности выгоден коррумпированным чиновникам и представителям сырьевого бизнеса, такой подход усугубляет болезнь «бессубъектности» России и не позволяет в настоящее время эффективно противодействовать коррумпированным чиновникам.⁴

² Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, № 1, 2002. С. 5-23. (www.reflexion.ru)

³ Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. Подходы к формированию концепции и доктрин национальной безопасности России // Мир и безопасность. № 6. 2002. С. 24-27. (www.reflexion.ru)

⁴ Лепский В.Е. Проблема субъектов российского развития // Рефлексивные процессы и управление. Том 6, № 2, 2006. С. 5-20. (www.reflexion.ru)

Сложившийся подход обеспечивает устойчивость того состояния, в котором находится Россия и, соответственно, устойчивость финансовых потоков поступающих к коррупционерам. Этот подход обрекает Россию на роль сырьевого придатка развивающихся стран и в конечном итоге на потерю суверенитета.

В статье предпринята попытка в контексте субъектно-ориентированного подхода рассмотреть исходные посылы для разработки методологии совершенствования системы национальной безопасности России, адекватной современному состоянию и тенденциям развития нашей страны и мирового сообщества в целом. Это первый шаг, автор не претендует на всесторонний охват проблемы, но надеется, что статья стимулирует специалистов к коллективному поиску концептуальных основ национальной безопасности страны и созданию соответствующей законодательной базы.

Проблема безопасности легитимности субъектов власти

С конца 1960-х гг. во всем мире наблюдается кризис механизма легитимации власти, характерного для модерных обществ.⁵ Это связано в значительной степени со снижением роли государства в связи с процессами глобализации, а также с дискредитацией демократических процедур делегирования властных полномочий гражданами через традиционную систему выборов.

В России с середины 1980-х годов эти тенденции резко усилились в связи с социальными и экономическими изменениями, которые повлекли за собой крайне важные социально-психологические последствия. Для большей части населения все происходящее стало бессмысленным и непонятным. Деидеологизация, распад социальных отношений привели к «атомизации» общества, к разрыву социальных связей между обществом и индивидуумами. Как следствие – массовая потеря позиции человека как субъекта жизни.

Осознание индивидом себя как субъекта или объекта сопряжено и с интерпретацией общества в категориях субъекта и объекта. Большая часть населения стала воспринимать себя как объект по отношению к обществу и государству, которые в свою очередь оказались подвержены «болезни бес-субъектности».

В условиях, когда значительная часть населения оказалась в «пассивной» позиции по отношению к своей роли быть носителем суверенитета и источником власти, создаются благоприятные возможности для осуществления различного рода манипуляций по управлению свободным волеизъ-

⁵ Марков М.С., Царик Ю.Ю. Концептуальная схема механизма легитимации – основа проектно-идентификационного подхода к идеологии и политическому консалтингу // Рефлексивные процессы и управление. Том 7, № 1, 2007. С. 23-32.

явлением народа. А это, в свою очередь, провоцирует к нарушению Конституции Российской Федерации (Статья 3): «*Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону*».

Наибольшее влияние на эти процессы оказали снижение роли государства как субъекта власти, массовое использование политических технологий, бурное развитие СМИ.

Снижение роли государства как фактор снижения легитимности

субъектов власти. Процессы глобализации неразрывно связаны с интеграцией мировых процессов производства и потребления, следствием чего является повышение роли негосударственных субъектов мировой экономики и мировой политики. Как следствие имеет место тенденция нарастающего ограничения функциональных возможностей государства.

В конце прошлого столетия эти тенденции в России были существенно усилены под влиянием доминирования неолиберализма в экономике и политике, способствующего необоснованному по масштабам и деструктивному по способам выводу государства из экономики. Как следствие, Россия сегодня сравнима по эффективности государственного управления лишь с африканскими или островными государствами⁶.

В новых условиях снижения легитимности государства как ключевого субъекта власти гражданин теряет доверие к институтам легального господства, не обеспечивающим минимум инфраструктуры развития. По данным Левада-Центр оценка гражданами России степени своего влияния на то, что происходит в стране: 62% никакого влияния; 35% крайне слабое; 3% довольно большое. Одновременно примерно половина граждан ощущает хоть какую-то ответственность за все то, что происходит в стране⁷. Они начинают искать пути сохранения своей созидательной жизненной позиции и новые ориентиры для идентификации⁸.

Субъектом власти в эпоху рефлексивного модерна⁹ становится тот, кто оказывается способным адекватно осмыслить (либо конструировать) реальность, определять свое место в мире, ставить цели деятельности и развития,

⁶ Всемирный банк опубликовал результаты исследования эффективности государственного управления за последние 10 лет в 212 странах и территориях мира. Как оказалось, Россия сегодня сравнима лишь с африканскими или островными государствами, причем по всем показателям ситуация продолжает стремительно ухудшаться. <http://www.dialog-21.ru/news/digest.asp?id=136317>

⁷ Агеев А.И. Зов истории // Экономические стратегии. 2007, № 1. С. 7.

⁸ Марков М.С., Царик Ю.Ю. Концептуальная схема механизма легитимации – основа проектно-идентификационного подхода к идеологии и политическому консалтингу // Рефлексивные процессы и управление. Том 7, № 1, 2007. С. 23-32.

⁹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. С. 239-441.

формулировать кооперативный проект действия в мире. Сегодня в мире уже зарождаются новые технологии и формы власти, например, нетократия¹⁰. Это видение концептуализируется и получает самоназвание, на базе чего выстраивается «*проектная идентичность*»¹¹.

Как следствие для субъекта власти становится крайне актуальной проблема механизма обеспечения собственной легитимности и соответственно проблема функционирования системы национальной безопасности в целом. Ведь ситуация «позднего модерна» специфична тем, что разрушены все тотальные комплексы норм, на основе которых мог бы выстраиваться механизм легитимации. В этих условиях и национальная безопасность может быть обеспечена лишь эффективным социальным действием власти на основе тех или иных мировоззренческих проектов.

Роль политического PR в дискредитации демократических процедур делегирования властных полномочий гражданами. Важная психологическая проблема в изменяющемся обществе – это проблема стимулирования и поддержки рефлексивного способа существования человека (группы) как субъекта жизни – должным образом не ставится и не решается в обществе, что наглядно проявляется в том месте, которое занимает политический PR.

Оказывать воздействия на свободное волеизъявление граждан можно различными способами. Что касается психологических воздействий, то базовым критерием их «чистоты», а соответственно и «чистоты» избирательных технологий в целом, может выступить их ориентация на один из двух способов существования человека как субъекта жизнедеятельности: реактивный и рефлексивный, а также и использование этой ориентации при выборе или конструировании конкретных программ и процедур выборов.

Ориентация на стимулирование, поддержку и использование «реактивного» способа жизнедеятельности граждан в избирательных технологиях определяется, прежде всего, намерениями организаторов управлять поведением избирателей, управлять их выбором. Основные методы, как правило, базируются на формировании «целевого» сознания, различного рода манипулятивных воздействиях, в том числе на широком использовании воздействий на эмоциональную сферу, провокациях импульсивных действий и др.

Ориентация на стимулирование, поддержку и использование «рефлексивного» способа жизнедеятельности граждан определяется, главным образом, намерениями организаторов сформировать представление избирателей о целях, программах, механизмах их реализации, последствиях для различных типов субъектов, в том числе и для избирателя. Этот способ при-

¹⁰ Денисов А.А. Нетократия и рефлексия // Рефлексивные процессы и управление. Том 7, № 1, 2007. С. 33-49.

¹¹ Castells M. The power of identity / by Manuel Castells. – 2nd ed. – Information age, economy, society and culture, v. 2. Blackwell Publishing, 2004. P. 8-12.

зван помочь в осуществлении сравнительного анализа альтернативных предложений, способствовать повышению «избирательной культуры» граждан и т.п. Основные методы избирательных кампаний базируются на убеждении, на расширении «сферы сознания», на осознании персональной ответственности, на поддержке осознанного свободного волеизъявления. Такая ориентация создает предпосылки для использования психологически корректных избирательных технологий. Однако и при такой ориентации также возможно использование «грязных» избирательных технологий. Требуются дополнительные критерии, выявляющие намерения и конкретные действия организаторов по осуществлению методов рефлексивного управления избирателями, опирающихся на заранее сформированные представления избирателей, на «избирательную культуру», которая была сформирована с целью повышения управляемости избирателей со стороны организаторов избирательных кампаний. Однако до таких изолированных политических технологий PR-щики еще не додумались.

Анализ политического PR в России позволяет утверждать, что ведущей является ориентация на «реактивного избирателя», фактически на превращение избирателя из субъекта свободного выбора в объект манипуляций¹², хотя намечаются достаточно четкие сдвиги в ориентации на рефлексивного избирателя¹³.

Роль СМИ в дискредитации демократических процедур делегирования властных полномочий гражданами. Образ современных СМИ в России дает убедительные основания для оценки их роли в дискредитации демократических выборов процедур¹⁴. Сегодня отечественные СМИ:

- в целом не являются субъектом процессов, ориентированных на обеспечение безопасности и развития России; их концепция в значительной степени базируется на теориях западной журналистики и не соответствует цивилизационной специфике России, а также реально сложившимся механизмам управления;
- могут рассматриваться как самодостаточный субъект рыночной экономики, формирующий в своих коммерческих интересах потребности населения; пассивное же общество становится объектом манипуляций

¹² Лепский В.Е. Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний – стратегия оздоровления общества / Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний / Под ред. А.В.Брушлинского и В.Е.Лепского. – М.: Институт психологии РАН. 1999. С. 6-23.

¹³ Виталий Третьяков. Казахстанский синдром // Московские новости. 24-30.08.2007. С.3.

¹⁴ Лепский В.Е. Субъектно-ориентированная парадигма СМИ: гармония информационной безопасности и развития России / Информационная и психологическая безопасность в СМИ / Под ред. А.И.Донцова, Я.Н.Засурского, Л.В.Матвеевой, А.И.Подольского. – М.: Аспект Пресс, 2002. С. 19-29.

СМИ, а также других субъектов, осуществляющих через них такого рода воздействия в своих интересах;

- являются мощным инструментом, а их возможности более возрастают с развитием информационных технологий; при этом они превращаются, прежде всего, в инструмент в руках тех, у кого есть деньги, рычаги административного управления или иные рычаги воздействия.

Односторонняя критика СМИ и поиск в их лице врагов общества и государства — это не конструктивный путь. Состояние СМИ отражает состояние общества и государства в целом и являясь его порождением; поражены болезнью бессубъектности общество и государство — болеют СМИ. Надо выявлять ключевые причины этой болезни и сформировать новые социальные задачи для СМИ, адекватные специфике организации жизнедеятельности в XXI веке. Общество и государство должны учиться организовывать, поддерживать и контролировать СМИ.

Сегодня актуальной задачей отечественных СМИ является инициирование и поддержка процессов направленных на становление легитимных субъектов общества, ориентированных на решение стратегических задач обеспечения безопасности и развития России. Пока у нас не будет «стратегического вектора развития», пока в обществе не будет субъектов, консолидирующихся вокруг общего вектора развития, нами будут управлять в интересах чужих стратегий развития.

Проблема безопасности системы национальных проектов

Начало XXI века ознаменовалось позитивными для России действиями власти — государство стало инициатором и организатором проектной деятельности по развитию страны. Этим шагом был явно засвидетельствован кризис нелиберального подхода и высокая неопределенность для власти в выборе стратегических ориентиров развития России. Однако недооценка значения рассмотренных выше механизмов «проектной идентификации» граждан, а также отсутствие у власти четких представлений об адекватных для России мировоззренческих проектах привело к бессистемному набору принятых национальных проектов. Системно не связанный набор национальных проектов сам может стать источником различного рода угроз национальной безопасности и в частности создать благоприятные условия для дальнейшего укрепления коррупции.

Системные и обеспечивающие национальные проекты. В системном проектировании различают задачи (проекты) систем основные и вспомогательные (обеспечивающие). Основные задачи связаны с реализацией целей, для которых создана система (миссия системы). Обеспечивающие задачи связаны с обеспечением ресурсов и средств, требуемых для решения основных задач.

Культура системного проектирования предполагает, что все обеспечивающие задачи решаются в интересах основных задач, при отсутствии их формулировки, решать одни обеспечивающие задачи абсурдно: теряется системообразующий фактор.

По аналогии в контексте рассмотрения национальных проектов России имеет смысл различать основные (назовем их стратегическими) и обеспечивающие проекты. Сегодня, когда говорят о национальных проектах России, подразумеваются исключительно обеспечивающие проекты. При этом остается загадкой, какие стратегические национальные проекты они обеспечивают. Стратегические национальные проекты четко не сформулированы и не доведены до граждан. Как следствие мы имеем абсурдную ситуацию мобилизации сил на неизвестно что обеспечивающие «национальные обеспечивающие проекты».

Имеет место естественная несогласованность «национальных обеспечивающих проектов» между собой и более того - порой их явное противоречие с выдвигаемыми Президентом РФ ориентирами развития страны.

Приведем несколько примеров.

1) В то время как Президент РФ последовательно призывает к переходу на инновационный путь развития, что предполагает повышение креативного потенциала страны, реализуемые проектом «Образование», отдельные мероприятия (в частности, ЕГЭ) снижают его.

«Оукливание» проекта «Образование» убедительно демонстрирует мнение экспертов о том, что по специальности, записанной в дипломе, может трудоустроиться только каждый пятый молодой специалист¹⁵.

2) Проекты «Образование» и «Здоровье» явно не состыкованы, поскольку в них доминируют интересы реализующих эти проекты субъектов, а не стратегические системные цели. Эти же проекты, локально решая свои задачи материального стимулирования участников проектов, создают многочисленные конфликты на низовых уровнях, повышая социальную напряженность и одновременно переводя конструктивные конфликты, ориентированные на развитие страны на уровень межличностных конфликтов рядовых участников проектов.

3) Проект «Жилье» при отсутствии стратегических национальных проектов не может автономно определить приоритетные направления развития. Продолжают бурными темпами развиваться мегаполисы, которые не перспективны с позиций как инновационного пути развития России, так и решения демографической проблемы. В то время как без должного внимания остается вопрос создания инфраструктуры малоэтажного строительства, в том числе современных автономных поселений для регионов страны.

¹⁵ <http://www.dialog-21.ru/news/digest.asp?id=136643>

4) Формируемый проект «Нанотехнологии» также следует отнести к обеспечивающим проектам. Намечающийся перекоп российской науки исключительно в интересах этого проекта, в отсутствие «стратегических национальных проектов» и проекта в сфере науки, может привести к разрушению целого ряда научных школ и направлений. Позднее их восстановление обойдется крайне дорого (в первую очередь это касается гуманитарных направлений).

Таким образом, при отсутствии стратегических национальных проектов набор обеспечивающих проектов потенциально становится источником угроз национальной безопасности – за счет как естественной несогласованности проектных действий, так и создания благоприятных условий для проведения рефлексивного управления (манипуляций) со стороны внешних субъектов и представителей отечественных коррумпированных группировок.

В качестве предложения к обсуждению рассмотрим эскизные варианты двух взаимосвязанных стратегических национальных проектов:

- «Россия – духовный лидер мирового сообщества».
- «Россия – лидер мировых процессов инновационного развития».

Имело бы смысл рассмотреть третий стратегический национальный проект, который условно можно назвать «Россия – образец социальных преобразований для мирового сообщества». В его основу следует положить идеи построения социального государства, формирования конвергированного общества, создание социально-рыночных отношений и др. Основы этого проекта обсуждались в многочисленных публикациях и в наиболее целостном виде в работах К.Х.Ипполитова¹⁶. Однако оставим этот проект за рамками данной статьи.

«Россия – духовный лидер мирового сообщества»

Человечество находится в системном кризисе. Назревают грандиозные межцивилизационные конфликты. Безнадёжно устарели несправедливые механизмы обмена между экономически сильными и слабыми субъектами. Фактически в новых более изощренных формах на планете процветает колониальная политика. Кажется незбылемым представление об «обществе потребления» как безальтернативной и прогрессивной модели общества.

¹⁶ Ипполитов К.Х., Лужков Ю.М. Конвергированное общество. Мечта или реальность? – М. 1999. Ипполитов К.Х. Социально-рыночные отношения как перспектива выхода России из комплексного кризиса // Рефлексивные процессы и управление. Том 6, № 2, 2006. С. 21-30. Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. Том 3. № 1. 2003. С. 5-27 (www.reflexion.ru)

Но все ли люди земли хотят участвовать в бесконечной гонке за все возрастающими материальными потребностями? Куда приведет эта гонка в условиях ограниченных ресурсов планеты? Все ли хотят обменять духовное богатство и свободу на избыточное материальное благополучие?

Если человечество не сконцентрирует свой интеллект и ресурсы для перехода на ноосферную организацию всех сторон жизнедеятельности общества, то оно может оказаться перед лицом глобальной духовно-нравственной катастрофы.

Наш цивилизационный потенциал дает основания утверждать, что Россия может стать духовным лидером мирового сообщества в созидании новых форм жизнедеятельности на планете, которые обеспечат гармонизацию межэтнических, межконфессиональных, межгосударственных, межрегиональных и межцивилизационных отношений.

Культ денег, вера во всемогущую силу богатства определяет духовный мир представителя западной цивилизации, его мироощущение, отношение к обществу, взгляд на государство, право, мораль и нравственность. Оправдывается отсутствие моральной ответственности личности перед обществом, а такая категория, как справедливость, просто исчезает из отношений за ненадобностью.¹⁷

И мы, находясь на стадии, когда совершается грандиозный передел собственности, в том числе и несправедливыми методами, неизбежно должны будем прийти (и во многом уже пришли) к утверждению в обществе культа денег — этого западного символа веры. И нас уже принуждают признать права сильного и богатого. Деньги при такой идеологии превращаются из необходимой составляющей материальной культуры любой нации в ее символ веры. Исключается вся иерархия духовных ценностей. Жажда наживы становится нормой для общества.

По-иному формировался духовный мир русских, наибольшего народа России.

Общинный уклад с давних пор был необходим для отпора захватчикам, взаимопомощи при выживании в трудных климатических и географических условиях. Наши предки осознавали, что сама возможность существования и личного благополучия зависит от защиты и реализации ими общих интересов. Личные интересы соотносились с интересами общества. Эта зависимость от общества наполняла мировоззрение отдельного человека значительным общественным содержанием, в определенных критических обстоятельствах ставила личность перед необходимостью жертвовать личным ради общего.

¹⁷ Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. Духовность и стратегии российского развития // Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16-19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В.Е. Лепского. – М.: Когито-Центр, 2006. С. 77-81.

Если обратиться к истории России, мы обнаружим, что страна ни один раз распадалась, исчезала как единое государство (1237, 1612, 1918 гг.) или же стояла на краю гибели (1709, 1812, 1941 гг.), но всякий раз восставала и становилась могущественнее (1480, 1612, 1920, 1945 гг.). Во всех этих испытаниях удавалось выстоять благодаря чувству национального самосознания соотечественников, их патриотизму, их верности чувству общинности. И до тех пор, пока в народе сохраняется национальный дух, самоуважение, вера в свои ценности, чувство родины — страна жива.

Вера в социальную справедливость является мировоззренческим стержнем нации. Социальная справедливость, благополучие большинства должны быть главными целями любых государственных программ, государственной политики, если мы не хотим, чтобы их постигла участь тех «реформ», которые последние годы чередой проносятся по России.

Важнейшей отличительной чертой русского народа является терпимость. Русская терпимость есть проявление развитого чувства общинности, стремления к дружеским, равноправным отношениям между людьми, где ради общего дела мира, согласия и успеха подавляются частные настроения. Русская терпимость может рассматриваться как основа философии ненасилия. Истина ненасилия с трудом внедряется в сознание и опыт. Если брать намеренно культивируемые формы жизни, она все еще остается маленьким оазисом в пустыне заблуждений. Однако важно, что она твердо заявлена и, по крайней мере, трижды продемонстрировала свою действенность в качестве силы исторического масштаба. В первом случае — как заложенное Л.Н.Толстым начало духовного обновления, отзвуки которого были услышаны во всем мире. Во втором случае — в ходе борьбы за национальную независимость Индии под руководством М.Ганди. В третьем — в борьбе чернокожих американцев за гражданское равноправие под руководством М.Л.Кинга. Здесь мы имеем дело с движением, единым и в идейных основаниях и в исторических проявлениях: М. Ганди испытал сильное влияние Л.Н.Толстого, М.Л.Кинг был последователем М.Ганди.¹⁸

Для морального возрождения нации нужен великий лидер, ибо возрождение и будущее России начинаются с безупречной нравственности руководства. Президент Российской Федерации В.В.Путин в своем первом Послании Федеральному собранию (июнь 2000 года) отметил: «Развитие общества немыслимо без согласия по общим целям. И эти цели не только материальные. Не менее важны духовные и нравственные цели... *Главное — понять, в какую Россию мы верим и какой хотим мы эту Россию видеть*». Со времени постановки этой задачи прошло более семи лет, однако в проис-

¹⁸ История этических учений: Учебник / Под ред. А.А. Гусейнова. — М.: Гардарики, 2003. 911 с.

ходящих и в настоящее время изменениях тактические задачи и цели явно доминируют над стратегическими.

«Россия – лидер мировых процессов инновационного развития». Сегодня у России имеется шанс стать лидером мировых процессов инновационного развития. Этот шанс можно использовать только при условии, если Россия сможет стать лидером формирования и реализации «мягких форм» глобализации. Задача крайне сложная, учитывая, что глобализация является венцом развития капитализма, и сегодня ее плодами пользуются в первую очередь исторически сложившиеся лидеры капитализма.

Основные факторы, определяющие лидерство в процессах «мягкой» глобализации XXI века связаны, в первую очередь, с высоким качеством и динамичностью инновационных процессов, а также с учетом их социальной направленности в интересах всего человечества.¹⁹

Аргументы, дающие основания для оптимизма в становлении России лидером инновационного развития в XXI веке, таковы:

- высокая креативность россиян;
- еще недавно существовавшая лучшая в мире система образования;
- частично сохранившийся задел и кадры в области высоких технологий;
- наличие стартового капитала (стабилизационный фонд, относительно большие запасы и высокие цены на сырье);
- доминирующая в российском обществе социалистическая ориентация может служить потенциалом для формирования «мягких форм» глобализации, а также для стратегического партнерства со становящимися лидерами мирового сообщества (ищущая свой современный образ Европа, Китай, Индия, страны Латинской Америки, исламские страны) и др.

Аргументы, дающие основания для пессимизма в решении данной задачи, следующие:

- бессубъектность как главная болезнь России, поразившая общество и государство, как следствие усложняются проблемы самоорганизации при решении задач инновационного развития²⁰;
- высочайший уровень коррупции, формирующий отсутствие мотивов у коррумпированных чиновников в инновационном развитии страны²¹;
- реально доминирующий в стране курс на превращение России в сырьевой придаток лидеров глобализации;

¹⁹ Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. Том 3. № 1. 2003. С. 5-27. (www.reflexion.ru)

²⁰ Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, № 1, 2002. С. 5-23. (www.reflexion.ru).

²¹ Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16-19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В.Е.Лепского. – М.: Когито-Центр, 2006. 232 с.

- неготовность России к вступлению в ВТО, в частности, связанная с крайне низкой стратегичностью предприятий²² и др.

С учетом приведенных аргументов в условиях современной России при управлении инновационными процессами становятся все более актуальными не технические (предметные), а социальные аспекты инноваций. В первую очередь это должно быть связано с переходом от доминанты сложившегося объектно-ориентированного подхода к доминанте субъектно-ориентированного подхода, а точнее к их гармонии.²³

Сегодня становится крайне актуальной разработка субъектно-ориентированных технологий обеспечения инновационных процессов и на их основе нового поколения соответствующих инфраструктурных образований инновационных процессов. Подтверждение актуальности указанного направления совершенствования инновационных процессов являются многочисленные примеры «замораживания» экономически эффективных и технически грамотных инновационных проектов — в большинстве случаев связанного с конфликтами интересов различных субъектов, с неспособностью организовать «сборку» адекватной инновационному проекту системы субъектов.

Стратегичность социальных систем как базовый критерий обеспечения их безопасности

Стратегичность социальной системы, определяющая ее потенциал готовности к динамичным изменениям и гармоничного включения в глобальную среду, должна рассматриваться как базовый критерий обеспечения национальной безопасности в XXI веке.

Законодательно определенное сегодняшнее представление о безопасности как состоянии защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз провоцирует «окопную» логику постановки проблем обеспечения безопасности. Как следствие, в России имеет место игнорирование аспектов стратегичности социальных систем при постановке проблем обеспечения их безопасности. Это приводит, в частности, к отсутствию адекватных решений проблемы обеспечения национальной безопасности с учетом того кризисного состояния, в котором находится страна. В таком подходе могут быть заинтересованы только те, кого устраивает это кризисное состояние.

²² Лепский В.Е. Стратегичность предприятий XXI века // Экономические стратегии. 2006. № 7. С. 110-118. (www.reflexion.ru)

²³ Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Институт психологии РАН, 1998. 204 с. Лепский В.Е. Субъектно-ориентированные технологии в инновационных процессах // Материалы конференции VIII международного форума «Высокие технологии XXI века. Москва 23-26 апреля 2007 г. С. 277-281.

Нами предлагаются структура основных факторов (см. таблицу), определяющих стратегичность социальной системы.²⁴

Основой целостности любой социальной системы должна стать рефлексия – как саморефлексия, так и рефлексия по отношению к другим социальным субъектам. Именно рефлексивность социальной системы позволит обеспечить ее системную сборку на основе механизмов идентификации (самоидентификации) рефлексивных элементов по отношению к системе и макросубъектам социальной среды.

Анализ цивилизационного потенциала России дает основание утверждать, что в рассматриваемом контексте прообразы стратегичных социальных систем XXI века могут быть сосредоточены в нашей стране. Однако сегодня поиск таких прообразов вызывает большие затруднения. Видимо, это связано со спецификой сложившейся в стране ситуации, характеризующейся тотальной болезнью бессубъектности, высочайшим уровнем коррупции, культом денег, отсутствием про-

<i>Факторы стратегичности социальной системы</i>	
Группы факторов	Базовые факторы
Целостность	Рефлексивность Коммуникативность Идентичность
Социальность	Духовность Этичность Ответственность
Способность к развитию	Самоорганизуемость Креативность Обучаемость

зрачности в управлении социальными системами, стремлением к получению быстрой прибыли и др.

Пересмотр представлений о безопасности социальных систем с позиций обеспечения их стратегичности позволит, на наш взгляд, внести серьезный вклад в процессы развития России и мирового сообщества в целом.

Эскиз определения безопасности социального субъекта

Попытки уйти от «состояния защищенности интересов от угроз» предпринимались различными авторами. К.Х.Ипполитов жестко критикует ориентацию на угрозы. «Акцентирование на угрозе как исходном ключевом элементе понятия и содержания экономической безопасности, как и наци-

²⁴ Лепский В.Е. Стратегичность предприятия XXI века // Экономические стратегии. 2006, № 3. С. 110-118. Лепский В.Е. Стратегичность социальных систем как базовый критерий обеспечения их безопасности // Материалы конференции «Безопасность сложных систем». ИГУ РАН. 2006.

ональной безопасности вообще, делает нас заложниками этих угроз. И это объясняется прежде всего тем, что угроза вторична, она – проявление не опасностей, а чего-то более существенного, порождающего зарождение и развитие опасностей и угроз, как признаков проявления опасностей.»²⁵ Автор предлагает перейти к рассмотрению защищенности отношений между субъектами, определяющих развитие.

П.Г.Белов предлагал рассматривать национальную безопасность как способность нации сохранять определенные состояния. Идеи автора весьма конструктивны, к сожалению, он уделяет недостаточно внимания субъектам их взаимодействиям и их проектной деятельности.²⁶

Опираясь на базовое требование способности систем к изменениям, мы предлагаем следующие рабочие определения.

Обеспечение *безопасности социальных субъектов* – это обеспечение их способности к социальному воспроизводству и развитию в условиях динамично изменяющейся среды, а также защищенности их проектов жизнедеятельности и развития.

Обеспечение *национальной безопасности* – это обеспечение способности граждан, общества и государства к совместному социальному воспроизводству и развитию в условиях динамично изменяющейся среды, а также защищенность стратегических и обеспечивающих национальных проектов.

К вопросу о направлениях безопасности

В настоящее время принято выделение частных направлений безопасности с привязкой к сложившимся областям знания: экономическая, военная, информационная безопасность и др. Очевидно, что корректное разделение безопасности на направления возможно только в том случае если они не пересекаются. Однако, в настоящее время вопрос о пересечении направлений практически не обсуждается. Таким образом, сегодня существует только отчетливая интуитивная неудовлетворенность состоянием изучения «направлений» безопасности.²⁷

Например, в сочетании с понятием «безопасность» будет возникать столько «экономических безопасностей» сколько различных смыслов имеет термин «экономическое». А экономическая безопасность оказывается тесно связанной с военной, общественной и другими видами безопасности.

В середине 1990-х годов по инициативе Совета безопасности РФ нами была поставлена проблема обеспечения информационно-психологической

²⁵ Ипполитов К.Х. Экономическая безопасность: стратегия возрождения России. – М.: РСПБ. 1996. – 263с.

²⁶ Белов П.Г. Методологические основы национальной безопасности России. Часть 1. Базовые категории, методы исследования и обеспечения. СПб.: СПбГПУ. 2004. – 258с.

²⁷ Исследования по безопасности / Под ред. С.П.Никанорова. – М.: Концепт, 1998. – 624 с.

безопасности России.²⁸ Поскольку в центре каждого направления безопасности оказываются индивидуальные или групповые субъекты, то информационно-психологическая безопасность оказалась связанной со всеми направлениями безопасности. Ситуация парадоксальная, из которой следует вывод, что требуются также и другие основания для выделения направлений безопасности.

Исходные послылки совершенствования системы национальной безопасности определяют иные основания для выделения направлений безопасности. От областей знаний необходимо перейти к целостным образованиям: способностям субъектов к социальному воспроизводству и развитию, их отношениям и их проектам. Нам представляется, что эти основания позволяют более корректно выделять направления безопасности.

Роль науки в совершенствовании системы национальной безопасности на основе субъектно-ориентированного подхода

Одна из главных задач в сложившихся условиях, должна быть связана с построением «стратегической вертикали власти», способной организовать проектную работу по развитию России и соответствующее этой работе обеспечение национальной безопасности. Необходимо объединить усилия государства и общества. Для этого нужны специальные технологии и проекты формирования и соорганизации субъектов российского развития.

Эти сложные проблемы бросают вызов и интеллектуальным силам России, которые неоднократно оказывались не готовы к решению аналогичных проблем и уступали чиновникам право бесконтрольного управления страной. Сегодня крайне актуальна проблема разработки научного обеспечения для создания адекватных технологий социального управления, развития и обеспечения безопасности этих процессов. Российская наука имеет опыт успешной мобилизации для решения стратегических проблем в трудные для страны времена. Однако в те времена наука и государство были союзниками, а в период «перестройки» имело место планомерное разрушение отечественной науки и в первую очередь Российской академии наук.

Несмотря на остаточный принцип финансирования российской науки и практически полное отсутствие государственного заказчика на решение

²⁸ Аносов В.Д., Лепский В.Е. Исходные послылки проблематики информационно-психологической безопасности // Проблемы информационно-психологической безопасности / Под ред. А.В. Брушлинского и В.Е. Лепского. – М: ИП РАН, 1996. Емельянов С.В., Лепский В.Е., Стрельцов А.А. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3. Лепский В.Е. Информационно-психологическая безопасность субъектов дипломатической деятельности / Дипломатический ежегодник – 2002. Сборник статей. Колл. авторов. – М.: Научная книга. 2003. С. 233-248.

актуальных проблем развития и обеспечения безопасности страны в последние годы рядом научных коллективов и сетевых сообществ разнопредметных специалистов активно ведутся исследования по данным направления.

Важно отметить, что в основу методологического обеспечения кладутся идеи постнеклассической науки, в центре внимания которой оказались субъекты познания и социальных преобразований. А лидером системной интеграции работ выступает философия. На этих основаниях стартовали процессы интеграции в интересах решения проблем социального управления, развития и безопасности различных областей естественнонаучного и гуманитарного знания. Образованы заделы для разработки технологий: создания сред поддержки генерирования и реализации стратегических проектов; сборки, модерирования и разборки сетевых субъектов; обеспечения стратегичности социальных субъектов; рефлексивного анализа, управления и программирования полисубъектных систем и др.²⁹

Ссылки на объективные и субъективные трудности неуместны, надо брать на себя ответственность, разрабатывать и внедрять научно обоснованные технологии консолидации всех сил общества для возрождения России.

Заключение

Страна располагает относительно небольшим ресурсом времени для продолжения поисков выхода из кризисного состояния. В этой связи нельзя рассчитывать на стихийное формирование механизмов развития и обеспечения ее национальной безопасности. Необходимо срочно сформировать субъектов, которые взяли бы на себя эти функции и смогли бы продуктивно их реализовать. Головную роль в этих процессах мог бы взять на себя Совет Безопасности РФ, после принципиального преобразования его фактически в центр обеспечения стратегического развития страны.

Несколько лет назад нами была выдвинута идея создания сетевой структуры стратегической элиты России, которая могла бы способствовать консолидации государства и общества в решении проблем российского развития³⁰. Такой подход позволит осуществить консолидацию всех структур общества, решить проблему, которая сегодня в России кажется неразрешимой.

²⁹ *Степин В.С.* Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с. Проблема субъектов социального проектирования и управления / Препринт под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского. – М.: «Когито-Центр», 2006. – 240 с. *Малинецкий Г.Г., Осипов В.И., Львов Д.С., Митин Н.А., Гусев А.В. и др.* Кризисы современной России: Научный мониторинг // Вестник РАН. 2003. № 7, с. 579-593. *Расторгуев С.П.* Система отношений информационных субъектов // Рефлексивные процессы и управление. 2006, № 2. С. 93-99. *Анисимова С.А., Малков С.Ю.* Учет рефлексивных аспектов принятия решений при анализе рациональных стратегий сдерживания военных конфликтов // Рефлексивные процессы и управление. 2006, № 2. С. 41-53. *Хиценко В.Е.* Можно ли управлять самоорганизацией? // Рефлексивные процессы и управление. 2007, № 1. С. 50-57 и др.

мой. Президент Российской Федерации и Совет Безопасности РФ могли бы получить мощнейший механизм стратегического управления и обеспечения национальной безопасности. При соответствующем использовании которого в качестве государственно-общественного стратегического контура управления страной, возможно в короткие сроки решить проблемы борьбы с коррупцией, подготовки национального кадрового резерва и многие другие проблемы в системе обеспечения национальной безопасности.

Среди первоочередных задач совершенствования системы национальной безопасности на основе субъектно-ориентированного подхода следует отметить:

1. Формирование государственного заказа на разработку методологических, методических и технологических основ субъектно-ориентированного подхода к совершенствованию системы национальной безопасности.
2. Разработка на основе субъектно-ориентированного подхода проектов концептуальных и законодательных документов для системы обеспечения национальной безопасности.
3. Организация на основе субъектно-ориентированного подхода переподготовки кадров в системе национальной безопасности.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ,
исследовательский проект 05-03-03473а*

³⁰ Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, №1, 2002, С. 5-23, www.reflexion.ru. Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. Том 3, № 1. 2003. С. 5-27. (www.reflexion.ru). Манифест российского развития. (www.reflexion.ru)

ПОЛИТИКА И РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ПРОЕКТНО-ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКОМУ КОНСАЛТИНГУ

М.С. Марков, Ю.Ю. Царик (*Беларусь*)

Марков Марат Сергеевич, аспирант
кафедры идеологии и политических наук
Академии управления при Президенте
Республики Беларусь

Царик Юрий Юрьевич, выпускник
Белорусского государственного
университета, координатор Сети
мирового развития

Введение

Современный кризис представительной демократии, зафиксированный многочисленными исследователями, порождает необходимость разработки схемы механизма обеспечения легитимности субъекта власти в эпоху позднего («рефлексивного») модерна. В первую очередь это связано с необходимостью выявления общих причин, которые обусловили кризис старых форм политического процесса. Осознание исходных точек кризиса и выявления особенностей этого механизма позволят, при наличии такой схемы, вести разговор о возможных (и оптимальных) путях развития политических технологий.

Современный кризис представительной демократии, насколько можно судить, отражает, прежде всего, глубинную трансформацию политического процесса как такового¹. В свою очередь политические технологии – это по определению технологии, обеспечивающие осуществление политического процесса. Поэтому осмысление этих трансформаций в форме построения

¹ См. например Crozier M., Huntington P.S., Watanuki J. The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. New York University Press. 1975.

схемы механизма легитимации субъекта власти является необходимой предпосылкой исследования и проектирования новой парадигмы политических технологий, адекватных современным условиям.

В предварительной выработке такой схемы и состоит цель настоящей статьи.

В качестве эмпирической базы были выбраны, прежде всего, работы британского социолога Э. Гидденса с фундаментальными установками его исследовательской программы: снять противоречие между «понимающей социологией» и «сильной теорией общества». Задача выявления и фиксации связи между самоидентификацией членов общества и обеспечением легитимации субъекта власти полностью вписывается в нашу исследовательскую программу.

Дуальность структуры и воспроизводство социальности

Для рассмотрения связи между идентичностью индивида, протеканием социального воспроизводства и обеспечением легитимации субъекта власти, используем модель, основанную на понятии дуальности структуры.

Суть такой структуры как механизма воспроизводства социальности заключается в том, что актер, находясь в определенной социальной роли и совершая действие, ожидаемое от него в этой роли, обеспечивает им воспроизводство социальной структуры, в том числе условия его дальнейшей деятельности. Многократное воспроизводство таких причинно-следственных цепочек образует рутину, целостность которой обеспечивается дуальностью структуры в случае, если выполняется условие сохранения онтологической безопасности.

Онтологическая безопасность — это совокупность «базовых экзистенциальных параметров самости и социальной идентичности», удостоверяемых на основе принципа соответствия ожиданиям контрагента в социальном взаимодействии². Иначе говоря, имея имплицитные (на уровне практического сознания) представления о своем Я и о своем социальном Я, актер, вовлеченный в рутину, находит подтверждение этим представлениям в форме ожидаемых реакций контрагентов в ходе социального взаимодействия и предсказуемых последствий своих действий в системном плане, что обеспечивает поддержание высокого уровня онтологической безопасности.

Это значит, что для воспроизводства рутины действия акторов должны порождать предсказуемые последствия. Когда их ожидания акторов оправдываются, когда возрастает или остается на одном уровне онтологическая безопасность, воспроизводство рутины осуществляется на уровне практи-

² Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. С. 499.

ческого сознания (нерефлексивно, без «рационализации действия»).

Если же имеется несоответствие между ожиданиями акторов и фактическими результатами их действий, это ведет к уменьшению онтологической безопасности и разрыву рутины, что заставляет акторов тематизировать несоответствия между своими ожиданиями и реальными результатами действий, осмыслять их дискурсивно (имеет место «рационализация действия», актер прибегает к рефлексии)³.

Фактически в предлагаемой схеме онтологическую безопасность следует рассматривать в качестве одного из критериев устойчивости социальных отношений в обществе. Понятие дуальности структуры позволяет снять противоречие между методологическим индивидуализмом и системным подходом в социологии. Чтобы построить адекватную абстрактную схему механизма легитимации в эпоху позднего (рефлексивного) модерна, необходимо рассмотреть историческую эволюцию типов легитимации, выделить ключевые элементы этого механизма и проанализировать их трансформацию в современных условиях.

Историческая эволюция механизма легитимации

Как указывает Э.Гидденс, «во времена, когда общество в большей степени управлялось обычаями и традициями, люди могли следовать установленными путями и совершать поступки, ни секунды не раздумывая о них. Для нас же многие аспекты жизни, которые прежними поколениями принимались просто как само собой разумеющиеся, связаны с необходимостью открытого принятия решения»⁴.

Таким образом, для традиционного общества характерен высокий уровень рутинизации повседневности и низкий уровень рефлексивности. При этом нерефлексивность жизни в нем вытекает не только из отсутствия разрывов рутины, но также из актуально низкого уровня социальной рефлексивности: актуально низкий уровень рефлексивности предотвращает рост рефлексивности. Ключевыми для этого характеристиками традиционного общества являются, во-первых, низкий уровень образованности подавляющего большинства населения и, во-вторых, то, что на уровне нормирования социальной жизни — в культуре — закреплены такие правила, которые исключают рефлексию по поводу структуры (прежде всего, власти и политического устройства). Власть имеет сакральный характер и освящена традицией («всякая власть от Бога» и т.д.).

³ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. С. 239-441.

⁴ Гидденс Э. Социология / При участии К.Бердсолл: Пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. -М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 585.

Все это создает ситуацию, когда существует «монополия на социальную рефлексивность» — только относительно узкий круг лиц (придворные и церковные служащие) имеют право, возможность, достаточную образованность (и зачастую — обязанность) работать над проблемами власти и общественного строя.

В таких условиях ключевой политической конфликт — это конфликт между «жрецами» и «правителями», противостояние политической власти, черпающей свою легитимность в традиции, и религиозного авторитета, уполномоченного этой традицией управлять. Наиболее ярко эта борьба проявилась в Западной Европе в период борьбы монархов и пап.

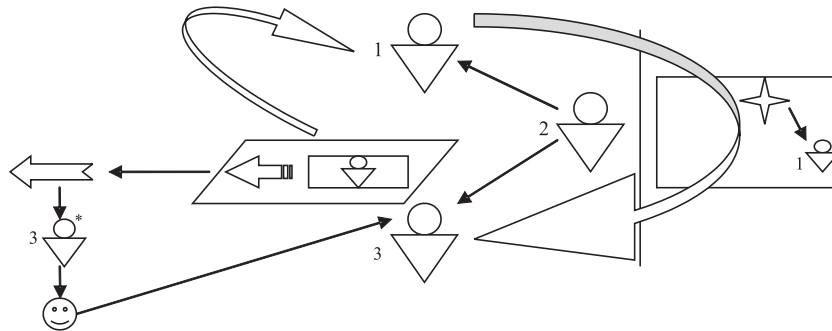

Схема 1

Механизм легитимации субъекта власти в традиционном обществе

На схеме 1 изображен механизм легитимации субъекта власти в традиционном обществе.

Субъект власти — правитель (позиция 1), подвластные лица — народ (позиция 3) и представитель религии — жрец (позиция 2) разделяют единый комплекс норм, традицию, которая не является предметом рефлексии (блок традиции вне ситуации действия на схеме). Одним из ключевых элементов этого комплекса норм является положение о власти как божественном, священном установлении, что и отражено внутри блока традиции.

Правитель, навязывая свою волю народу, вынужден всегда апеллировать к традиции и опираться на нее, что накладывает соответствующие ограничения на свободу его действия — содержательные (соответствие традиции по содержанию) и формальные (необходимость освящения божественности власти жрецом, как монопольным проводником традиции).

Кроме того, жрец отвечает за навязывание (в широком смысле) традиции народу. Результатом его деятельности является отождествление актором (представителем народа) себя с принадлежностью к традиции (образ

себя как образ лица, принадлежащего к традиции – например, «правоверный христианин») и его готовность придерживаться образа действий, диктуемого традицией (в том числе в этот образ действий важнейшим элементом входит требование подчинения светской власти).

Осуществляя действие на основе этого образа себя и образца поведения (изображенных на схеме в табло сознания позиции 3), рефлектируя результаты такого действия (позиция 3*) и получая при этом удовлетворительный результат, актер (представитель народа) повышает свою онтологическую безопасность. Это, с одной стороны, обеспечивает воспроизводство структуры и закрепление его социальной роли (в том числе в нашем случае – роли подданного, который отвечает субъекту власти подчинением его воле), а с другой – интернализует социальную роль актера и укрепляет его идентификацию себя с тем образом, который диктует жрец от имени традиции.

В условиях традиционного общества и монополии на социальную рефлекссию основным источником разрыва рутины и разрушения механизма легитимации становится, во-первых, борьба между правителями и жрецами, и во-вторых, «третье сословие», своеобразный новый субъект, в своем стремлении к власти готовый подвергать критике не только позицию непосредственно правителя, но и ту традицию, которая выполняет функцию единой нормировки для всех позиций в обществе, а также роль жреца, как обусловленную и имеющую смысл лишь при наличии такой традиции⁵.

Пройдя через ряд переходных этапов, в первой половине XX столетия механизм легитимации принимает следующий вид.

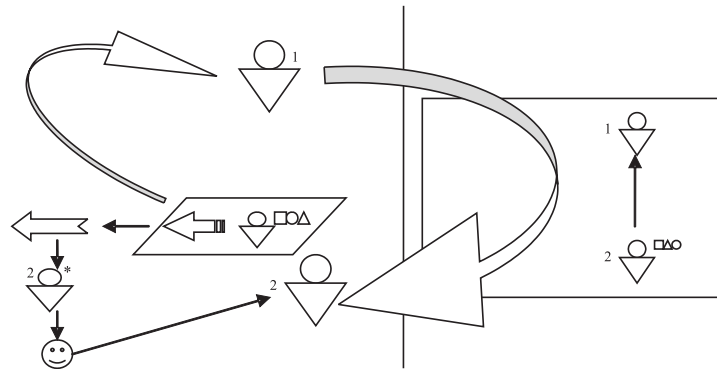

Схема 2
Абстрактная модель механизма легитимации субъекта власти в обществе эпохи модерна

⁵ Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Пер. с англ. под ред. В.Л.Иноземцева. – М.: Ладомир, 2004. С. 18-52.

На схеме 2 приведено изображение абстрактной модели механизма легитимации правителя (позиция 1) в обществе эпохи модерна.

Правитель и народ (позиция 2) разделяют единый комплекс норм (идеологию, заменившую традицию), которая не является предметом рефлексии. Ключевой элемент этой идеологии состоит в положении о том, что актор (представитель народа) становится субъектом власти (правителем) в силу того, что подвластные ему лица — граждане (народ), обладающие определенными атрибутами (прежде всего, набором прав и свобод) — выбирают его в этом качестве. Причем, центральное значение для этой схемы имеют как атрибуты гражданина (права и свободы), делающие его субъектом политического действия, так и сама процедура выборов. Поэтому правитель осуществляет свое политическое действие, апеллируя к своей избранности большинством граждан посредством надлежащей процедуры. При этом на него возлагаются соответствующие ограничения: его политическое действие не может быть направлено на уничтожение прав и свобод граждан или на нарушение процедуры избрания как основных условий политического процесса.

Осуществляя действие на основе подобного образа себя и образца поведения, рефлектируя результаты соответствующего им действия и получая при этом удовлетворительный результат, актор (гражданин) повышает свою онтологическую безопасность. Это, с одной стороны, обеспечивает воспроизводство структуры и закрепление его социальной роли (в том числе в нашем случае — роли гражданина, который отвечает субъекту власти подчинением его предписаниям), а с другой — интернализует социальную роль гражданина и укрепляет его идентификацию себя с тем образом, который существует в идеологии.

С конца 1960-х гг. наблюдается кризис механизма легитимации, характерного для современных обществ (как и самих этих обществ в целом, их политической организации). Этому способствует два фактора. Во-первых, рост возможностей манипулирования общественным мнением (связанный с развитием СМИ и политических технологий) дискредитирует демократические процедуры и разрушает сам образ «политического человека» — гражданина — как основание самоидентификации индивидов. Во-вторых, **кризис государства всеобщего благосостояния**. «Особую роль в кризисе легитимности играет все большая неспособность государства самостоятельно выполнять функции государства всеобщего благосостояния из-за интеграции производства и потребления в глобально взаимозависимую систему. В самом деле, государство всеобщего благосостояния в его различных проявлениях, которые в каждом обществе зависели от конкретных исторических обстоятельств, было основным источником политической легитимности в ходе становления государственных институтов после Великой депрессии и Вто-

рой мировой войны»⁶. В данной ситуации следование тому образцу политического действия, который сложился на этапе модерных обществ, перестает обеспечивать воспроизводство онтологической безопасности актора.

Неолиберализм и уход государства из экономики ставит граждан перед новой проблемой — обеспечения своего доступа к минимальному уровню инфраструктуры существования и развития. Этот вызов является нетипичным в условиях государства всеобщего благосостояния, где благоприятные социально-экономические условия бытия рассматривались как часть рутины (подразумеваемая данность). Однако в новых условиях⁷ индивид теряет доверие к институтам легального господства, не обеспечивающим минимум инфраструктуры развития, и начинает искать новые пути сохранения своей онтологической безопасности и повышения жизненного статуса⁸.

Таким образом, перед индивидом встают две ключевые проблемы: 1) надлежащего образа действия для обеспечения его достаточно высокого жизненного статуса. 2) самоидентификации — выбора или сознательного конструирования того образа, через самоотождествление с которым индивид может ответить на вопрос «кто Я?» (в том числе и прежде всего — в политическом плане).

В то же время, эти две проблемы оборачиваются проблемой и для субъекта власти — проблемой механизма обеспечения собственной легитимности. Ведь ситуация «позднего модерна» специфична тем, что разрушены тотальные комплексы норм, на основе которых мог бы выстраиваться механизм легитимации. Они разрушены не только постмодернистской деконструкцией, но и самой реальностью — тем, что формальная приверженность каким-либо декларируемым нормам более не дает гарантии достойного жизненного статуса. Последнее обеспечивается лишь эффективным социальным действием на основе тех или иных мировоззренческих проектов.

Ключевое требование к основанию идентификации с точки зрения обеспечения воспроизводства социальности в условиях позднего (рефлексивного) модерна заключается в том, чтобы из этого образа следовал проект действия в мире, обеспечивающий сохранение или повышение уровня онтологической безопасности и жизненного статуса членов общества. Имен-

⁶ Navarro V. Gobernabilidad, desigualdad y estado de bienestar. La situación en Estados Unidos y su relevancia para Europa. - Institut d'Estudis Socials Avancats, Barcelona. 1995. P.58.

⁷ Следует отметить, что подобные испытания для классической представительной демократии возникали исторически раньше наступления «эпохи позднего модерна» (в том смысле, в каком ее понимает Э.Гидденс) и на них были найдены мощные проектные ответы: рузвельтовский «новый курс» в США, сталинский проект социализма в отдельно взятой СССР.

⁸ Мы вводим понятие жизненного статуса в дополнение к понятию онтологической безопасности в целях обозначения объективно доступного для индивида уровня социальной и материальной инфраструктуры.

но эта особенность становится причиной возникновения и развития новых форм устройства общества и подлежит учету при построении нами **абстрактной схемы механизма легитимации субъекта власти** в эпоху рефлексивного модерна.

Абстрактная схема механизма легитимации в эпоху рефлексивного модерна

На схеме 3 представлена модель механизма обеспечения легитимности субъекта власти в эпоху рефлексивного модерна как основа проектно-идентификационного подхода к идеологии и политическому консалтингу.

Субъектом власти (правителем) в эту эпоху становится тот, кто оказывается способным адекватно осмыслить (либо конструировать) реальность, определять свое место в мире, ставить цели деятельности и развития, формулировать кооперативный проект действия в мире. Это видение концептуализируется и получает самоназвание, на базе чего выстраивается «проектная идентичность» (по М.Кастельсу)⁹. Классический пример – это «коммунист» (или «строитель коммунизма») как образ «Я» и построение коммунистического общества во всем мире как тот проект, который составляет содержание действия «Я» в мире и в истории¹⁰.

Видение реальности, образованное субъектом в позиции 1 на основе осмысления окружающего мира, образ себя, цели и проект действия, вытекающие из него (табло сознания позиции 1), предлагаются субъектом власти (а также навязываются) обществу – гражданам в позиции 2. Принятие или неприятие этого проекта зависит от целого ряда факторов, обсуждение которых требует рассмотрения в отдельной статье¹¹.

На основе предложенного мировоззренческого проекта (при достижении консенсуса по поводу него) осуществляется определенное действие. При этом субъект власти и народ ставятся в условно равные позиции, а иерархическое разделение заменяется функциональным разделением в интересах наиболее эффективной реализации проекта (важные замечания о замене социальной и имущественной дифференциации функциональной дифференциацией приводит в своих работах Никлас Луман)¹².

В дальнейшем результаты деятельности становятся предметом рефлексии. В случае положительной их оценки мировоззренческий проект и субъект, его выдвинувший, становятся объектом доверия (которое ранее по отношению к легальным институтам и процедурам прошлого было утрачено). В случае же отрицательной (понижение уровня онтологической без-

⁹ Castells M. The power of identity / by Manuel Castells. 2nd ed. – Information age, economy, society and culture, v.2. Blackwell Publishing. 2004. P.8-12.

¹⁰ Об идентичности как «рефлексивном проекте» в условиях позднего модерна говорит и Э.Гидденс. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press. 1991. P.1-5, 32-35.

опасности) предложенный мировоззренческий проект проблематизируется, подвергается сомнению сам статус субъекта власти, его компетентность в выдвижении подобных проектов.

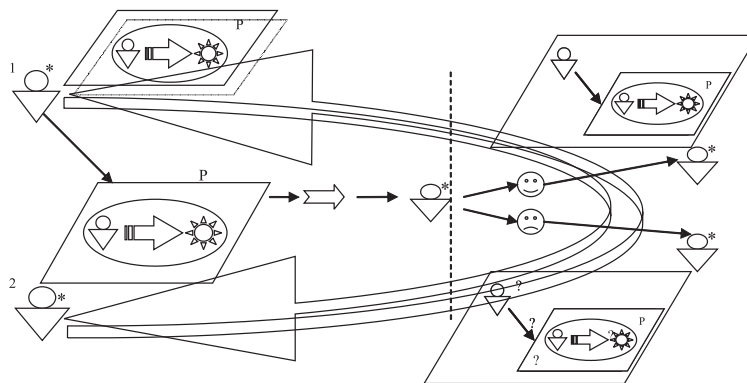

Схема 3

Механизм обеспечения легитимности субъекта власти в эпоху рефлексивного модерна

Однако ни один из исходов рефлексии действия в соответствии с мировоззренческим проектом не дает конечного результата в плане закрепления социальной структуры. В силу того, что любое, даже наиболее просчитанное, социальное действие порождает значительное количество непредвиденных последствий, рефлексивность становится неотъемлемой чертой любых жизнеспособных социальных практик¹³. Так, успешность проекта не исключает его коррекцию, а негативный исход проектного действия не уничтожает полностью легитимность субъекта власти. Все зависит от способности данного субъекта организовать устойчивую конструктивную коммуникацию по поводу стратегических целей развития общества, канализировать недовольство и т.д.

Принципиальным моментом предложенной схемы является отражение в ней деятельностной природы механизма легитимации в условиях позднего модерна. При отсутствии тотальных нормировочных систем (традиции, идеологии), к которым мог бы апеллировать субъект власти, ключевым ресурсом обеспечения его легитимности становится социальная эффективность предлагаемого им проекта и его способность организовать коммуни-

¹¹ Предварительно см. например, главу «Принцип двойного субъекта» в Проблема субъектов социального проектирования и управления / Препринт под ред. В.И.Аршинова и В.Е. Лепского. – М.: «Когито-Центр», 2006. С.112-114

¹² Luhmann N. The Differentiation of Society. -New York: Columbia University Press. 1982.

кацию по поводу этого проекта с большинством населения. Поэтому правая часть абстрактной схемы отделена штриховой вертикальной линией: на место выключенной из ситуации и не подлежащей рефлексии традиции (или идеологии) становится коммуникативная рефлексивная площадка, на которой субъект власти и народ осмысливают и корректируют результаты своей деятельности.

В случае многократного подтверждения компетентности субъекта власти, он приобретает определенный ресурс доверия, дающий ему более широкие возможности для действия. Однако этот ресурс ни при каких условиях не обретает статуса свободной от рефлексивной критики традиции (или идеологии). Поэтому механизм легитимации субъекта власти в условиях рефлексивного модерна связан с дискурсивным осмыслением целей развития общества и выстраиванием стратегического диалога по поводу этих целей.

Заключение

Выделив исторические типы механизмов легитимации в их связи с самоидентификацией членов общества, мы построили абстрактную схему обеспечения легитимации субъекта власти в эпоху «рефлексивного модерна». Безусловно, предпринятая нами историческая реконструкция является методологической модернизацией («... модернизация — это и есть распространение современных форм сознания и современных организованностей деятельности на такие этапы и периоды истории, когда их еще не было»)¹⁴ и в этом смысле не может претендовать на то, чтобы адекватно отражать явления и процессы соответствующих эпох в терминах этих эпох. Однако подобная модернизация являлась абсолютно необходимым первым шагом на пути к построению абстрактной схемы самоидентификации.

Сама эта схема допускает ряд вариантов конкретизации, анализ которых составляет отдельную задачу.

¹³ См. Крупнов Ю.В. Рефлексивные практики, инфраструктуры и государственность — основа реконструкции России. <http://www.krupnov.ru/pubs/2003/09/14/10042/>

¹⁴ Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. В 3 кн. Кн. I. Структура знака: смыслы, значения, знания: 14 лекций 1971 г. / Г.П.Щедровицкий; Сост. Г.А.Давыдова. — М.: Вост. лит., 2005. С. 396-399.

НЕТОКРАТИЯ И РЕФЛЕКСИЯ

А.А. Денисов (Россия)

Институт конструкторско-технологической информатики РАН, старший научный сотрудник, кандидат технических наук

Массовое распространение компьютерных технологий привело к возникновению в мире совершенно нового общества, которые мы привыкли называть информационным или постиндустриальным. Однако часто упускается из виду, что приход нового общества сопровождается социальной революцией и передачей власти от старого правящего класса к новому.

Социальная революция представляет собой кардинальную ломку *всех* основ старого общества, включая и механизмы власти. При этом старый правящий класс не просто уходит — власть добровольно не отдают. Он ее теряет, не имея более возможности защищать себя. То есть терпит поражение в конкурентном столкновении с новым правящим классом, который уже освоил новые технологии власти.

Собственно говоря, побеждает не новый правящий класс, а новые технологии управления оказываются настолько эффективнее старых, что все, кто еще пытается пользоваться старыми технологиями терпят поражение от тех, кто по какой-то причине смог своевременно на практике освоить новые технологии.

Когда значительная часть представителей старого правящего класса вовремя заинтересуется новыми технологиями власти и озаботится их освоением, необходимости в политической революции не возникает и социальная революция принимает мирные формы. Старый правящий класс постепенно, эволюционным образом преобразуется в новый, а сама социальное развитие приобретает характер сходный со сменой и/или обновлением поколений правителей.

Если же старые правители настолько закоснели в прежних формах власти, что начисто отказываются от новых знаний, происходит короткая и жес-

токая революция, вызывающая к жизни систематический административно-правовое и даже физическое насилие против старого правящего класса.

Новый правящий класс постиндустриального общества в мире уже возник. Он назван – нетократия, как производное от слов net [сеть] и scatio [править]. Его интенсивно изучают во всем мире, пытаясь в первую очередь понять, что нужно сделать, чтобы окончательный переход к постиндустриализму не сопровождался такими ужасными войнами и страданиями сотен миллионов людей, как это было во времена становления индустриального общества.

Постиндустриальный парадокс «открытого общества и власти»

В работе, посвященной нетократии [1], я рассмотрел семь основных признаков нового мирового правящего класса постиндустриального общества. Разумеется, ими такое сложное явление как новая мировая правящая элита не может быть исчерпано. Имеется много других важных характеристик нетократии, включая новые принципы и цели.

Совершенно очевидно, что власть не может существовать без тайны. Однако массовое распространение и доступность информационных технологий уже создали на первый взгляд абсурдную ситуацию, при которой практически любой желающий с минимальными издержками может получить полный объем информации, необходимой для принятия правильных управленческих решений. В том числе такой информации, которая еще совсем недавно относилась к категории секретной, совершенно секретной, а в ряде случаев – и особой важности.

Это поразительное положение дел ставит в тупик абсолютное большинство специалистов как в области разведки и контрразведки, так и высших должностных лиц государственных организаций, топ-менеджеров корпораций и банков и т.д. Ставит в тупик настолько, что они не всегда осмеливаются даже просто обсуждать эту тему, осознавая всю губительность такого положения дел, но не понимая практического выхода из него.

Я даже не говорю о современных возможностях несанкционированного съема информации с электронных носителей или о последствиях ее потери вместе с компьютерами. Любой желающий может зайти, например, на сайт www.suptogsm.ru и ознакомиться с шокирующей подборкой материалов на эту тему, собранной на основе сообщений мировых информационных агентств и публикаций СМИ.

Но и без этих явно криминальных или просто несчастных случаев засекретить ключевую информацию, необходимую для принятия эффективных управленческих решений, сегодня практически невозможно. Например, технологии деловой разведки [2, 3, 4], то есть поиска и анализа прикладных данных в электронных гипербиблиотеках вроде Lexis-Nexis (Ин-

формационная служба Конгресса) или Dialog, позволяют добывать настолько чувствительные данные, что, *как правило*, лицо получающее подобную информацию из этих источников (например, на самого себя) испытывает откровенный шок. Дескать, это лицо полагало, что оно все делает в тайне, а оказывается буквально весь мир уже давно знает не только о его замыслах, но и о наиболее вероятном будущем сценарии развития его проекта, то есть о том, чего это лицо само еще не всегда хорошо понимает. А эта информация уже «выложена» в открытом доступе!

В гипербиблиотеках накапливаются гигантские объемы данных от мировых информационных агентств и ведущих СМИ всех стран мира, маркетинговые отчеты и отчеты компаний и банков, открытые материалы слушаний по различным вопросам, проходящими в правительственных органах разных стран мира, прогнозы ведущих финансовых институтов, открытые регистрационные данные по компаниям, по недвижимости и т.п. Достоверность первичных документов защищена лицензионными соглашениями, что делает невозможным их опровержение. А в сопоставлении между собой они позволяют, не выходя из своего кабинета и всего за 500 долларов в месяц получать более 99% сведений, нужных для управления конкурентной борьбой в бизнесе или борьбой за власть в политике. Какое уж тут засекречивание!

Итак, власть и богатство не могут существовать вне тайны. А засекретить ничего невозможно. Получается парадокс: «Казнить нельзя помиловать». С той разницей, что в реальной жизни, где хочешь, там запятую и ставь, а итог все равно будет одним и тем же — никаким: засекретить все равно ничего не удастся.

Указанный парадокс правильным было бы назвать постиндустриальным парадоксом «открытого общества и власти». С одной стороны, массовое распространение информационных технологий не позволяет вести эффективное засекречивание, что как ни странно, ставит всех людей в равные условия друг перед другом. С другой стороны, власть без тайн и секретов не может существовать. Это должно привести либо к тому, что никакой правящей элиты в постиндустриальном обществе нет и быть не может, либо мы чего-то не понимаем, упускаем из виду.

Разрешение парадокса «открытого общества и власти»

Конечно, логическая абсурдность описанного выше парадокса является лишь видимостью. Этот парадокс легко разрешается, если принять в общем-то вполне логичное утверждение: появление новых технологий конкурентной борьбы в бизнесе и во власти неизбежно кардинально изменяет принципы и цели засекречивания. То есть описанный парадокс указывает лишь на то, что старый правящий класс, возникший в индустриальную эпоху, уже потерял возможность вести эффективное засекречивание на всех

уровня своей активности. Иными словами, он уже фактически лишился реальной власти, поскольку власть и тайны нераздельны.

Но тогда возникает следующий вопрос. Если нетократию к монополии на власть и на материальное богатство приводят новые технологии управления конкурентными столкновениями, то какие же новые принципы и цели засекречивания эти технологии приносят с собою? В чем заключается главный секрет нетократии? (Ведь он не в том, *что* именно секретится, а в том, *как* это делается.)

Это — очень важный, ключевой признак нового правящего класса постиндустриального общества. Его корни лежат в понимании особенностей новых технологий власти, которые создают исключительные конкурентные преимущества нетократии перед ее менее удачливым соперником — старой элитой индустриализма.

Краткая история развития технологий власти

Итак, власть не может существовать без тайны. Массовое распространение цифровых коммуникаций, характерное для начального этапа создания постиндустриального общества, создает непомерные возможности для разведки, но не для засекречивания. Сегодня уже нет практически никакой технической возможности «закрыть» каналы обмена информационными сообщениями, причем перехват и расшифровка сообщений нынче доступна практически любому желающему.

Этот аспект начального этапа постиндустриального общества означает разрушение тайны как таковой. Давняя мечта высоких умов эпохи Просвещения: жизнь без тайн и секретов, честность и открытость как основе отношений между людьми. Но это же породило и такие уродливые явления, как массовое помешательство людей вокруг возможности выставить напоказ буквально любые стороны своей жизни и отношений с окружающими. Включая и свои личные любовные отношения.

Нетократия, добиваясь монополии на власть, будет вынуждена радикально решить вопрос о восстановлении тайны как таковой, причем решить его исключительно в своих узкокорыстных интересах. Для всех остальных слоев и страт общества «достижения» цифровых коммуникаций будут сохранены.

Поэтому главным признаком нетократии, без реализации которого нет и не может быть никакого правящего класса, является новый механизм защиты тайны или засекречивания, который отделит на информационно-технологическом уровне новый правящий класс от старого.

Источник этого механизма лежит в сфере новых технологий власти. Он оттуда происходит, там его корни и там почва, которая его питает соками жизни. А основой этих технологий всегда были, есть и будут технологии

управления поведением выбора. В конечном итоге, именно в этом-то и состоит власть – управлять выбором, который совершают люди. Поэтому очень важно рассмотреть, как развивались эти технологии и какие изменения вносило их развитие в механизмы власти в различные исторические эпохи. Поняв логику этого, мы, наконец, определим эволюцию принципов и целей засекречивания, которые, изменяясь при переходе к новому этапу технологического развития общества, неизбежно приводили к возникновению нового правящего класса

На сегодняшний день известно большое количество различных вариантов и технологий управления поведением людей. Многие из них происходят из времен глубокой древности, и создавались жрецами, магами или великими философами. Затем к делу подключилась наука, сперва переоткрыв, а точнее переосмыслив, старые знания в новых системах категорий и понятий, затем привнеся много нового, прежде казавшегося невиданным и невозможным. Все эти технологии в конечном итоге можно классифицировать на два предельных класса или же полярно противоположных случая:

1. Класс технологий реактивного управления поведением, или реактивное управление;
2. Класс технологий рефлексивного управления поведением, или рефлексивное управление.

Оба предельных класса технологий управления поведением определяются просто и вполне логично через свою целевую функцию:

Реактивное управление основывается на полном уничтожении способности человека совершать выбор в пределах, подвергающихся внешнему управлению, оно имеет целью осуществлять управление путем сведения поведения человека к схемам «стимул-реакция», то есть к безропотному исполнению приказов.

Рефлексивное управление имеет целью осуществлять воздействие на выбор человека при условии, что невозможно разрушить его способность осознать и совершать этот выбор.

Таким образом, в реактивном управлении проблема управления поведением выбора просто снимается, так как разрушается сама способность человека это совершать. В этом смысле рефлексивное управление является предпосылкой гуманизации власти, поскольку не требует разрушения такой фундаментальной потребности человека как потребность к свободе, к совершению индивидуального выбора.

Кроме того, рефлексивное управление гораздо более эффективно, поскольку позволяет управлять поведением выбора в гораздо более широком спектре ситуаций, ведь далеко не во всяком случае можно разрушить способность выбора. Например, этого нельзя сделать в случае игры на бирже.

В свою очередь каждый из предельных классов имеет по два подкласса, по моменту возникновения которых можно точно датировать последовательное наступление разных эпох современной технологической цивилизации. Таким образом, можно выделить четыре укрупненных этапа развития технологий управления поведением выбора, которые соответствуют четырем этапам развития общества:

- абсолютизму, времени властвования доиндустриальной земельной аристократии;
- индустриализму или капитализму, эпохе, когда у власти находилось технократическое чиновничество — государственное и корпоративное;
- началу построения постиндустриального общества, то есть современной нам эпохе массового распространения цифровых коммуникаций, характеризующегося всеохватывающими процессами разрушения основ индустриального механизма управления обществом; это эпоха либерализма, эпоха последовательного отказа от государственного патернализма, достижений социальной защиты и деиндустриализации наиболее передовых стран мира;
- собственно постиндустриализму, времени, когда нетократия достигнет монополии власти (рис. 1).

Рис. 1. Классификация основных этапов развития технологий управления поведением выбора

Доиндустриальное общество, или время власти земельной аристократии

Первый этап развития современной технологической цивилизации — абсолютизм — возник с появлением реактивного управления посредством управления содержанием межличностного обмена. Этот вид управления представляет собой не что иное как цензуру, сопровождающуюся обязательным *принуждением* людей и жесткими, шокирующими наказаниями за нарушения в сфере содержания межличностного обмена. Например, если некто *думал* о религиозных доктринах не так, как предписывает католическая церковь, то его объявляли еретиков и сжигали на костре. В более близкие к нам времена если кто-то *думал* или *говорил*, что царская власть была лучше власти большевиков, то его подвергали политическим репрессиям.

Эта система технологий управления поведением впервые была создана Католической церковью в XIII веке во времена альбигойских крестовых походов, когда Ватикан был вынужден вести смертельную борьбу против катарских ересей. Появление данного типа технологий связано с созданием Святой Инквизиции. В Инквизиции указанный тип реактивного управления был впервые институализирован. С тех пор эти технологии почти не изменились, учитывая, что политические репрессии большевиков были выстроены в полном соответствии с канонами этой системы технологий.

Индустриализм: время власти технократического чиновничества

В основу второго подкласса реактивного управления были заложены математические модели коллективного выбора, например, принцип и парадокс Кондорсе* [5] и тому подобные. Это была эпоха всемирного триумфа нового общественного строя, который принято называть капитализмом.

Математические модели дали возможность управлять итогами коллективного выбора, изменяя формальные, бессодержательные правила организации процедур совершения коллективного выбора. При этом содержание межличностного обмена становится второстепенным; это означает, что существенно уменьшается необходимость вторгаться в личную жизнь рядовых людей, манипулируя содержанием их мыслей и межличностного общения.

Объектом оперативного интереса особых служб и внимания власть имущих в этот период становятся не люди, а организации и объединения людей. В среде нового правящего класса, в первую очередь технократического чиновничества быстро распространяется и закрепляется мнение, что «один

* Маркиз Кондорсе был членом масонской ложи «Девяти сестер».

в поле не воин», что личность — ничто перед дисциплинированной организацией, и так далее.

Рассмотрим для примера парадокс Кондорсе. Предположим, что некоей группой лиц производится рейтинговое голосование, в котором производятся парные сравнения предпочтений.

<u>Итоги голосования</u>	<u>Парные сравнения</u>
23 человека: $A > B > C$	$B > C = 42$
17 человек: $B > C > A$	$C > A = 35$
2 человека: $B > A > C$	$A > B = 33$
10 человек: $C > A > B$	$A > C = 25$
8 человек: $C > B > A$	$B > A = 27$

В этом случае в соответствии с принципом Кондорсе имеют место три утверждения:

$$B > C; \quad C > A; \quad A > B.$$

Но вместе эти утверждения противоречивы. В этом и состоит *парадокс* Кондорсе или парадокс голосования: оказывается невозможным принять какое-то согласованное решение и определить волю большинства.

Приведенный численный пример — лишь одна из возможных форм существования парадокса Кондорсе. В другой форме он возникает при поставленном голосовании некоторого постановления или закона, когда каждая из статей закона принимается большинством голосов, а поставленный на голосование закон в целом отвергается, иногда даже стопроцентным большинством.

Еще одной версией парадокса голосования является принятие таких коллективных решений, которые на индивидуальном уровне не поддерживает никто. Пусть у нас имеется три человека, голосующих по трем вопросам. Первый из них голосует «да-да-нет», второй — «да-нет-да», третий — «нет-да-да». Суммарный итог голосования подсчитывается как соотношение сумм голосов «да» и «нет» по каждому из вопросов. В рассмотренном случае суммарный итог голосования будет «да-да-да», хотя этот итог не отражает мнения ни одного из голосовавших и, естественно, не удовлетворяет никого из них*.

Парадокс Кондорсе наглядно показывает, каким образом общее мнение смиряет волю. Каждый отдельный человек имеет собственное представление о выборе, имеет свои интересы и обладает волей для следования цели. Но будучи объединенными в группу, которая пытается выработать путем голосования цели общее поведение, воля отдельного оказывается настолько нивелирована, что может возникнуть ситуация, когда коллективное решение в принципе противоречит устремлению каждого из отдельного ее участников.

Более того, парадокс голосования показывает, что формирование итогового предпочтения путем голосования полностью определяется не интересами отдельных людей или даже групп, а формальными правилами голосования. *Именно поэтому демократическая машина индустриального общества должна быть деидеологизированной.*

Применение принципа и парадокса Кондорсе возможно в любой области общественной деятельности, а не только в политике. На их основе может работать совет директоров корпорации, сконструирована торговая система и так далее. Однако чем более распространено голосование по любому поводу, чем чаще люди вовлекаются в голосование ранжированием предпочтений — что, кстати, легко можно превратить в увлекательную игру, — тем эффективнее действует этот механизм, лишая коллектив возможности сформироваться на основе целенаправленного объединения индивидуальных волей, желаний или негодования.

Из принципа и парадокса Кондорсе со всей очевидностью следует причина приоритета индивидуального над коллективным, которым отличается современная публичная демократия. Действуя на индивидуальном уровне, человек в полной мере осознает наличие собственной воли, точнее, права и возможности совершить выбор. Но на коллективном уровне люди, подчиняясь принципу и математическому парадоксу, полностью подчиняются формальным правилам голосования (ранжирования). Управление осуществляется на коллективном уровне, который неподготовленный индивидум не осознает. Он осознает лишь свою собственную возможность делать индивидуальный выбор, при этом совершенно не понимая, что на системном уровне выбор существует только в руках того, кто контролирует правила голосования.

Либерализм и начало построения постиндустриального общества

В середине 60-х годов XX века возникла третья система технологий управления поведением, основанная на математических моделях морального выбора, созданных трудами В. Лефевра [6], его коллегами и учениками — рефлексивное управление.

По существу, основное содержание рефлексивного управления в том варианте, который появился сразу вслед за открытиями Лефевра, состоит в управлении *осознанием личного выбора* на основе манипулирования способностью к межличностному информационному обмену.

Этот вид управления находит свое выражение в схеме рефлексивного управления (рис. 2).

* В современной истории России в середине 90-х годов XX века уже был пример голосования, при котором на референдуме гражданам было предложено осуществить подобный выбор

Предположим, в конфликте интересов столкнулись две стороны: Синие и Красные. Синие не могут разрушить способность Красных делать осознанный выбор. В этом случае они осуществляют манипулирование осознанием выбора, для чего искусственно формируют дополнительный поток информационных посылок Красным. Он добавляется к тому потоку, который существует от Синих к Красным, что называется, естественным порядком, то есть без сознательных манипулятивных действий со стороны Синих. Отсюда, кстати говоря, видно, почему иногда рефлексивное управление называют «математикой лжи». Ведь совершенно очевидно, что информационные пакеты могут содержать истинные данные лишь в качестве частного случая.

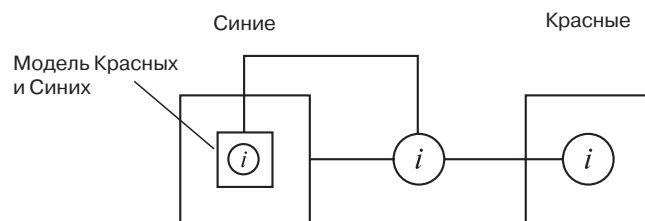

Рис. 2. Исходная схема рефлексивного управления (Левевер, 1966)

Рефлексивное управление, схема которого показана на рис.2, было положено в основу практически всех эпизодов «холодной войны». Оно свойственно и процессам управления шоковыми воздействиями на финансовые рынки. Когда журналисты рассказывают о Дж.Соросе как о гении финансовых спекуляций, они не учитывают специфики биржевой игры. Ее исход нельзя предсказать. Но рефлексивное управление позволяет, математически смоделировав поведение ключевых игроков, осуществить скрытное управление их поведением и привести, казалось бы, неуправляемую биржевую игру к заранее запланированному результату. А потом запустить «легенду» о гениальной финансовой прозорливости Сороса, которая замаскирует факт применения им рефлексивного управления. Ларчик то просто открывается, если знать, что за ключик для этого нужен. Сам же Сорос фактически рассказал о своих методах работы, написав книгу «Кризис мирового капитализма» [7] и назвав в ней новую модель финансовых рынков *рефлексивной*.

Постиндустриализм: время монополии власти нетократии

Четвертая система технологий управления поведением появилась в середине 90-х годов XX века. Ее название — *психоинжиниринг*. [8].

Психоинжиниринг основывается на концепции многослойности сознания человека. Это его уникальная особенность, отличающая его от всех дру-

гих научных концепций и теорий, описывающих индивидуальное или коллективное поведение.

В психоинжиниринге каждый слой сознания находит свое выражение в совершенно специфической системе интерпретаций данных органов чувств и образов реального мира. В этом смысле каждый слой можно условно представить как особую квазиличность (или квазисознание), обладающую специфической картиной видения мира. Человек может как бы «переключаться» с одного слоя на другой, становясь, тем самым, на время то одной квазиличностью, то другой, всякий раз изменяя используемые им системы интерпретаций. В свою очередь каждая из систем интерпретаций находит свое выражение в формировании своей особой матрицы ценностей. В этом смысле матрицы ценностей становятся производными от систем интерпретаций.

Психоинжиниринг не является противопоставлением рефлексивным моделям, созданным Лефевром. Он — дальнейшее их развитие, хотя в несколько иной сфере. Рефлексивные модели описывают закономерности *взаимодействия сознаний* и влияние этих взаимодействий на процессы принятия решений выбора (Лефевр называет их «моральным выбором»). Психоинжиниринг же основное внимание уделяет изучению закономерностей формирования *внутренней структуры* самого сознания. При этом закономерности взаимодействия между разными сознаниями или между различными внутренними слоями внутри одного и того же сознания описываются рефлексивными моделями Лефевра. Это расширяет применимость рефлексивных моделей на новый круг явлений и приводит к формированию рефлексивного управления в его развернутой форме.

Область практического применения психоинжиниринга — модели безинформационного межличностного обмена. Иными словами, данная система моделей позволяет описать скоординированные изменения состояний людей-членов группы или общества, причем сделать это при условии, что наблюдатель не может по каким-то причинам создать модели информационного обмена между ними. В сущности, психоинжиниринг — не более чем специфический метод моделирования, но он интересен тем, что позволяет приступить к прямому инженерному проектированию коллективных сознаний со свойствами, не встречавшимися в природе. В свою очередь это открывает мало известные до сей поры возможности управления конкурентной борьбой, что уже сейчас превращает психоинжиниринг в один из технологических инструментов нетократии в ее борьбе за монополию власти в постиндустриальном обществе.

Объединение рефлексивного управления в его первом варианте, который был создан около 40 лет назад, с технологическими возможностями психоинжиниринга, как подвида рефлексивного управления, завер-

шает становление технологической основы монополии власти нетократии и, тем самым, является базовой системой технологий управления поведением выбора постиндустриального общества. Именно благодаря, а точнее вследствие такого синтеза возникают новые принципы и цели засекречивания, которые позволят нетократии позитивно разрешить парадокс «открытого общества и власти», восстановив тайну как основу своей собственной власти.

Рис. 3. Последовательность четырех основных этапов развития технологий управления поведением

Эволюция принципов и целей засекречивания

Итак, развитие технологий управления поведением и связанные с ним изменения в механизмах власти всегда вызвали революционные преобразования всего общества. С этим же процессом было связано и совершенствование принципов засекречивания, без которого невозможно обладать *реальной* властью (см. табл. 1). Однажды возникнув в самом ядре правящего класса, новые принципы быстро распространялись на все области деятельности людей. Тот слой или та страта, которая не успевала вовремя на практике освоить новые принципы засекречивания, неизбежно либо погибала, либо превращалась в часть нового низшего класса со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так к середине XX века произошло в СССР с ремесленничеством, в высшей, наиболее творческой и профессиональной части которого всегда были весьма тонкие тайны мастерства.

Каждый новый этап развития общества сохранял и продолжал совершенствования методов засекречивания.

Постиндустриализм, сменяя индустриальное общество, переходит к новому принципу засекречивания, основанному на довольно простой идее. Если доиндустриальное общество засекречивало содержание информационных посылок, а индустриальное – трафик, модели и технологии обмена ими, то постиндустриальное структурирует и затем засекречивает способности людей к восприятию и интерпретации информационных сообщений.

Первый этап развития постиндустриализма уже начался, и он характеризуется стремительным созданием тотальной (всемирной) технологии влияния на результирующую сумму внешней валюты коллектива, или общества активности отдельных людей. Этот подход основан на опубликованной в конце 60-х годов статье Лефевра, Лепского и Баранова «Внутренняя валюта в рефлексивных играх» [9].

Вот как описывают постановку задачи авторы статьи:

«Предположим, что некоторый исследователь изучает конфликт, участники которого *X*, *Y*. Предположим, что исследователю удалось схематизировать этот конфликт как некоторую матричную игру. И еще предположим, что исследователь обнаружил, что один из игроков, например, *X*, играет неоптимально. Если у исследователя нет оснований сомневаться в разум-

Таблица 1

Принципы и цели засекречивания на различных этапах развития технологий управления поведением выбора

	Реактивное управление (первый подкласс) <i>Доиндустриальное общество. Абсолютистские монархии</i>	Реактивное управление (второй подкласс) <i>Индустриальное общество. Буржуазная представительная демократия</i>	Рефлексивное управление (первый подкласс) <i>Начало строительства постиндустриализма. Разрушение основ индустриального общества (либерализм)</i>	Психоинжиниринг (второй подкласс) <i>Постиндустриальное общество, всевластие нетократии. Сетевые сообщества</i>
Цели засекречивания	Засекречивание информационных пакетов	Засекречивание трафика и каналов обмена информационными пакетами. Засекречивание моделей и технологий обмена информационными пакетами	Засекречивание матриц ценностей	Засекречивание картин видения мира (систем интерпретации данных органов чувств человека)
Примеры	Инквизиция. Тайные оккультные общества. Криптография. Политическая разведка	Тайные каналы финансирования террористов. Техническая разведка – анализ трафика.	Шоковые воздействия на финансовые рынки. Управление противником. Методы внутренней валюты в рефлексивных играх.	Кастанеда описал принципиально иную для обычного человека картину видения мира у мексиканских индейских шаманов (абстрактных магов)

ности X , то он должен придти к выводу, что та матрица, которую он построил, не является той «подлинной» матрицей ценностей, которой определяется деятельность X . Этот игрок решает иную задачу оптимизации, не ту, которую «видит» исследователь, имея матрицу в некоторой канонической валюте, скажем, в рублях».

Таким образом, метод внутренней валюты позволяет математически исследовать акты нелогичного социального поведения и производит количественную оценку их вклада в общую валюту коллектива или общества.

Поэтому главной целью засекречивания в это период становится матрица ценностей, которой оперирует игрок X и которую силится понять «исследователь», поскольку ему необходимо определить в какие «игры» играет этот X и к чему они приведут в конечном итоге. Может быть X , действуя тайно, принесет большую пользу коллективу или обществу. Тогда ему не нужно препятствовать. А может он своими действиями снизит общую валюту игры, что равносильно нанесению ущерба.

Рандомизация матриц ценностей

Следующий этап становления постиндустриального общества, на котором нетократия, собственно, и достигнет монополии власти, будет связан с внедрением в практику жизни общества и в первую очередь самой нетократии полномасштабной социальной технологии засекречивания. Она основана на формировании в сознании избранных людей таких непатологических и непатогенных картин видения мира, которые существенно отличаются от общепринятых, искусственно навязанных остальным членам общества, не относящихся к новой элите. По этой границе и пройдет линия, на самом глубоком уровне отсекающая элиту от остального общества.

Еще раз повторю, что основой нового принципа засекречивания является синтез рефлексивного управления и психоинжиниринга. Ранее я уже упоминал, что психоинжиниринг основывается на концепции многослойности сознания человека. Каждый слой выражается в совершенно специфической системе интерпретации данных органов чувств и образов реального мира. Каждый слой можно представить как особую квазиличность или квазисознание, обладающие особыми картинками видения мира.

Человек, владеющий способностями к оперированию с различными картинками видения мира, то есть системами интерпретации, может как бы «переключаться» с одного слоя на другой, становясь, тем самым, на время то одной квазиличностью, то другой, всякий раз изменяя системы интерпретации. В свою очередь каждая из систем интерпретаций находит выражение в формировании особой матрицы ценностей. Таким образом, *матрицы ценностей становятся производными* от систем интерпретации. Систе-

ма интерпретации задает правила, закономерности формирования матриц ценностей.

В результате возникает процесс своего рода «листания» матриц ценностей, выбор которых становится для внешнего наблюдателя как бы случайным, спонтанным. Этот эффект можно условно назвать «рандомизацией матриц ценностей».

По этой причине, полагаю, становится понятным, что

1. Главным предметом, целью и задачей засекречивания в постиндустриальном обществе на его развитом этапе становятся не матрицы ценностей как таковые, а картины видения мира;

2. Основой технологией (принципом) засекречивания является рандомизация матриц ценностей

Практическое освоение основного принципа постиндустриального засекречивания автоматически превращает человека, смогшего этого добиться, в часть нетократии, а саму нетократию приводит к монополии на власть.

Помимо сказанного, использование таблицы 1 позволяет понять принцип достижения стойкого засекречивания. Операции с картинами видения мира стойко засекречивают матрицы ценностей. Операции с матрицами ценностей стойко засекречивают трафик, модели и технологии обмена информацией с трафиком позволяют стойко засекретить содержание информационных посылок.

Власть и богатство как Искусство бесследности

Попытаемся более наглядно представить, что такое «раскрытие матрицы ценностей», иными словами как можно на практике вскрыть матрицу ценностей, оперируя с картинами видения мира. Возьмем пример из современных фильмов о поимке маньяка-убийцы. Чтобы поймать подобного преступника, герою фильма нужно предсказать его дальнейшие шаги, место будущего преступления и так далее. Для этого герой-сыщик должен «влезть в шкуру убийцы», проникнуть в его чувства и мысли, понять, что заставляет такого изощренного преступника делать то или иное. Это — один из способов вскрытия матрицы ценностей благодаря использованию иной картины видения мира. Подобный прием расследования основан на методе эмпатии. Впрочем, есть и другие не менее эффективные приемы.

Рассмотрим более сложный случай. Что будет если преступник настолько психически инороден обычному человеку, и сыщику в том числе, что в его «шкуру» влезть невозможно? Или возможно, но тогда сыщик сам, восприняв картину видения мира маньяка, потеряет контроль над своим сознанием и окажется полностью поглощенным ею? В последнем случае сыщик сам становится точно таким же маньяком, «копировщиком», что не раз было

смоделировано в современном кинематографе (например, в некоторых сериях «Секретных материалов»). В таком случае преступления маньяка перестают быть раскрываемыми, так как любой, кто использует метод эмпатии, сам становится маньяком-«копировщиком», а на основе обычных приемов уголовных расследований поймать маньяка можно разве что случайно, что наблюдалось на примере поимки знаменитого маньяка-серийного убийцы Чикатило.

Предложим следующий гипотетический пример. Представим себе, что картины видения мира «листают» не преступник, а некий индивид, который преследует свои цели, при этом уклоняясь от демонстративных экстраординарных конфликтов с окружающими, то есть хотя бы не убивает их с особыми признаками жестокости. Тогда его действия становятся совершенно неклассифицируемыми для внешнего наблюдателя: общество не может противопоставить ему экстремальных методов сдерживания, использующих очень небольшие ресурсы специально подготовленных людей и способных работать с инородными картинками видения мира.

На практике это означает, что обычный внешний наблюдатель воспринимает результаты действий такого индивида как единичные события, не подчиненные сквозной логике далеко идущего плана. Для такого наблюдателя реально существующая последовательность шагов, предпринимаемых нашим индивидом, представляется как некоторое множество не связанных между собой, случайно возникших эффектов. Наблюдатель не может связать их в единую цепочку событий, понять логику планирования индивида, предсказать его возможные будущие шаги и выстроить свой альтернативный план действий, то есть план конкурентного противостояния.

В рассматриваемом примере индивид становится для внешнего наблюдателя необнаруживаемым, невидимым, превращается в человека-призрака, в тень. В этом заключается главная особенность, так сказать психотехника подавления конкурентов со стороны нетократии как нового правящего класса. Другое название этой совокупности моделей поведения – «Искусство бесследности».

И последнее: сегодня «Искусство бесследности» стало частью технократического способа мышления, поскольку берет свое начало в рефлексивном управлении, то есть в технической кибернетике второго уровня, описывающей системы с самосознанием. Его невозможно освоить, не получив хорошего базового инженерного или физико-математического образования. К сожалению, постиндустриализм – это общество технократов, но технократов совершенно новой генерации, «кибернетической».

Литература

1. *Денисова А.А.* Нетократия как стратегический субъект 21 века // Проблема субъектов российского развития. – Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16-19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В.Е.Лепского. – М.: «Когито-Центр», 2006. С. 48-57.
2. *Лиходеев Н.П., Товстых Л.Е.* Информационные ресурсы для бизнеса. – СПб: Электроника, бизнес, информатика. 1998.
3. *Майк Бьер.* Интеллектуальное ведение и сопровождение бизнеса. М.: Кудиц-Образ. 2005. (Издано при содействии IBM East Europe/Asia.)
4. *Кравец Л.Г., Обрезанов С.А.* Интеллектуальные ресурсы конкурентной разведки. – М., «Права человека», 2004.
5. *Собянин А.А., Суховольский В.Г.* Демократия, ограниченная фальсификациями. Выборы и референдумы в России в 1991-1993 гг.// Проектная группа по правам человека. – М., 1995.
6. *Лефевр В.А.* Алгебра совести. //Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2003.
7. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / Пер с англ. – М.:ИНФРА-М, 1999.
8. *Денисов А.А.* Новые перспективы применения управления знаниями в управлении стабильным развитием // Рефлексивные процессы и управление. Тезисы V Международного симпозиума 11-13 октября 2005г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского – М.: Институт философии РАН, 2005. С. 73-78. Денисов А.А.. Новая комплексная технология повышения капитализации и конкурентоспособности компаний // Материалы конференции VIII международного форума «Высокие технологии XXI века – 2007. Москва, 23-26 апреля 2007 г. – С. 285-288.
9. *Лефевр В.А., Баранов П.В., Лепский В.Е.* Внутренняя валюта в рефлексивных играх. // Известия Академии наук СССР. Техническая кибернетика. № 4, 1969, с. 29 – 33. (Переиздана в журнале Рефлексивные процессы и управление, т. 6, № 2, 2006, с. 96-102.)

ПОТЕНЦИАЛ САМООРГАНИЗАЦИИ

МОЖНО ЛИ УПРАВЛЯТЬ САМООРГАНИЗАЦИЕЙ?

В.Е. Хищенко (Россия)

Новосибирский государственный технический университет, доцент, к.т.н.

Если определить социальную самоорганизацию как *спонтанный процесс возникновения и сохранения порядка в свободном взаимодействии людей*, то это вещь неуправляемая. Однако, что мешает запускать и осторожно координировать самоорганизацию, культивируя желательное развитие и сдерживая негативные тенденции на пути к этому порядку? Легко найти исторические примеры удачных и неудачных подобных вмешательств в социальную эволюцию. Разберемся с терминологией и попробуем показать принципиальное различие слов «координация» и «управление».

Можно произнести нужное слово в нужное время, предложить правила взаимодействия, скажем, десять заповедей. Мудрость этих слов и правил умственно измерять длительностью их организующего, формирующего сознания воздействия на социальную систему, развивающуюся затем автономно, без управляющих воздействий. Становление мировых религий — прекрасный образец самоорганизации, запущенной мудростью пророков, координируемой затем их учениками, учениками учеников и так далее. Здесь координация — это адаптация правил и текстов к новым условиям, их модернизация.

Попытки контроля всех общественных процессов свойственны диктатуре, абсолютной монархии. Такие формы управления существовали во все времена, порой очень долго и успешно. Однако логично предположить, что контролировать ситуацию, выживать этим иерархиям помогали многочисленные нелегитимные и невидимые иерарху связи — как позитивные, так и негативные. Впрочем, этические оценки здесь весьма условны, но ... окружение делает и короля, и президента. Эти скрытые процессы всегда самоорганизуются неотвратно и порой создают иллюзию центральной власти о полной управляемости системы, повышая риск потери контроля.

Так же сомнительна жизнеспособность совершенно децентрализованных систем, где цель спонтанно формируется из индивидуальных целей, где нет признаков центральной власти, которая декларировала бы и уточняла системную цель, подчиняя личные интересы. Распад империй случался как при жестком централизме, так и при либеральных методах управления. Как найти и регулировать баланс между этими полярными структурами, компромисс подчиненности и коллегиальности, подотчетности и автономии? Можно ли мечтать о саморегулировании отношения централизм-демократия? И можно ли подобную регулировку называть управлением?

Пример другого плана и масштаба. Часто удается долго сдерживать социальную напряженность материальной помощью малоимущим слоям населения, но не переломить эту самоорганизацию человеческого несчастья, порочный круг отчаяния и безысходности. Рано или поздно эта напряженность прорвется неожиданным образом. Мудрее строить дома и школы вместо ночлежек, давать налоговые льготы, а не деньги и продукты, менять законодательство, администрацию. Другими словами, изменения должны быть инновационными, меняющими социальный климат, отношение к жизни, к обществу, к власти. Это очень трудно, требует продуманных решений, постоянного отслеживания эффектов с последующей коррекцией правил и законов — это координация самоорганизующихся тенденций. Это мало похоже на управление в обычном понимании этого слова. Это управление управлением, культивация самоуправления.

Управляемо развитие дерева с применением некоей агротехники? Известно, что, уколов икринку лягушки, можно запустить процесс развития эмбриона, и после каскада таких привычных и удивительных изменений мы получим взрослую, хотя и бесплодную лягушку. Но станет ли кто-нибудь утверждать, что эта лягушка есть результат указанного воздействия, что дерево с плодами и птицами на ветвях возникло оттого, что бросили в землю горчичное зерно? Все это было в зерне потенциально. Конечно, уколоть нужно правильно и поддерживать условия, но все же... Создавая условия для развития ребенка, разве мы управляем становлением его личности? Это не так хотя бы потому, что результат известен лишь приблизительно и мало предсказуем. Последнее особенно верно в общественной жизни. Люди, считающие, что можно контролировать все в социальном процессе, должны были бы по крайней мере управлять экскаватором, прокатным станом и тому подобными системами, где точно известны реакции на управляющие воздействия, где не нужно искусно формировать контекст, чтобы хотя бы в среднем продвигаться к цели.

Были и есть руководители, знающие точно, что можно «управлять, не управляя», управлять присутствием, участием. Многие сознательно отказываются от тщательного планирования действий в сложной сети человеческих связей, продумывают лишь поисковые, разведочные шаги. В этой

сети зарождаются такие «тонкие» материи как доверие, солидарность, преданность. Этими категориями нельзя командовать, их нужно «растить». Но там же возникают неисполнительность, паразитирование, коррупция, их невозможно отменить приказом. История знает выдающихся личностей, которые чувствовали динамику связей между людьми и умело манипулировали ими — иногда даже с пользой этим людям и делу, как ни кощунственно это звучит. Опыт великих педагогов и политиков подтверждает эти мысли. Авторитет лидера позволяет ему «власть употребить», и считается, что это во благо. В социальных системах животных волк или обезьяна могут уйти из стаи. Но лучше им подчиняться вожаку, «терпеть унижения» ради собственного выживания, а, значит, спасения вида. И, что характерно, можно увидеть и альтруизм в социальном поведении животных [1].

Возвращаясь к людям, мы понимаем, что масштаб личности лидера, его этические установки вместе с уровнем образованности и культуры подчиненных, со степенью интеллектуальности и ответственности решаемых задач, определяют степень взаимного доверия этих людей и компромисс между автократией и демократией в характере их взаимодействия.

Рассмотрим особенности управления инновационным проектом [5]. Такие задачи исключают стандартные решения, и прошлый опыт малополезен. Эту сложность может преодолеть лишь групповой интеллект творческого взаимодействия людей. Но при этом взаимодействие в группе должно развиваться в согласии с принципами социальной самоорганизации. Именно устойчивая неравновесность самоорганизующихся систем гарантирует чувствительность и надежность в поиске оптимальных решений. Однако для становления и поддержки этого феномена нужна ювелирная точность координации в условиях коллегиальности и автономии человеческой креативности.

Как же координировать самоорганизацию в инновационном процессе? В ходе целенаправленного решения задач рекурсивное движение от достигнутого уровня направляется ожиданиями, предвосхищениями результатов. При этом увеличивается зависимость последующих действий от предшествующих, сужается выбор, коридор для движения к решению задачи, к воплощению проекта как смысла взаимодействия людей и как собственного значения этой рекурсии. Руководитель проекта вместе с координатором самоорганизации обсуждают ход этих рекурсивных изменений, консультируются с другими участниками, чтобы уточнить ключевые определения, контекст, почувствовать, догадаться «куда идем». Проводятся расширенные совещания по сути с той же целью рекурсивного углубления понимания задачи, ситуации. И становится ясной необходимость координирующего воздействия, чтобы повысить темп и надежность полезной тенденции, пресечь или хотя бы взять под контроль самоусиление тенденции, признанной вредной.

Для опытных руководителей ничего нового в этом нет. Будем считать это подтверждением правильности наших рассуждений. Новизна начинается при выборе средств координации. Как вмешаться в автономию отделов, какие структурные изменения и изменения правил дадут желаемый эффект? Ясно, что система поощрений и наказаний – инструмент грубый и бесполезный для стимулирования интеллекта, для культивации творческой атмосферы. Посмотрим, что предлагает теория самоорганизации [2].

Тотальная комплементарность, ответственная зависимость людей с неизбежными противоречиями в субъективных оценках и критериях, но связанных глобальной целью системы, создает команду и укрепляет ее жизнестойкость. Такой взгляд на социальную группу позволяет идентифицировать ее в виде сети гомеостатов [2-5]. Это устройства, влияющие друг на друга, взаимно удерживающие свои и чужие параметры поведения в некоторых рамках, называемых гомеостатической областью. Причем дрейф поведения, да и самой области, определяется характером этой взаимной параметризации, равно как неустранимой зависимости и тлеющего конфликта. Однако именно этот конфликт поддерживает чувствительность баланса интересов, обеспечивая гибкость и адаптацию к обстоятельствам.

В социальной группе такая устойчивая неравновесность обеспечивается балансом между перспективными и текущими делами, внешней мотивацией и внутренней стабильностью, формой и функцией и тому подобными противоречивыми критериями. Мы давно, если не всегда, так и живем и действуем в своих системах. Общество не распадается именно из-за гомеостатического своего устройства, сохраняет и возобновляет себя в безопасных границах за счет взаимодействия полярных сил: классов, полов, поколений, национальностей, религий и тому подобных конфликтующих начал.

Глобальная цель системы надежнее и безопаснее достигается усилиями противоположных по интересам людей в столкновении их локальных интересов. Вместо бесполезной борьбы с негативной тенденцией следует создать позитивный противовес и опекать затем гомеостатический баланс «добра и зла». Поэтому надо придумывать альтернативный, мешающий коррупции законный способ обогащения и регулировать баланс правовыми нормами, чтобы сдерживать нарастание зла. Это дьявольски трудно, но нет другой силы, способной противостоять человеческой изобретательности кроме человеческой изобретательности.

Управленческая кибернетика С. Бира базируется на законе необходимого разнообразия Эшби и утверждает, что выравнивание разнообразия достигается комбинированием методов сужения разнообразия проблемных ситуаций и методов расширения разнообразия наших вмешательств [3,12]. Гомеостатический баланс этих двух средств выравнивания разнообразия регламентируется руководством, что и ограничивает амплитуду колебаний

невыровненного разнообразия, риск потери управляемости. Мы то уступаем, приспосабливаемся к разнообразию обстоятельств, расширяя свои возможности контроля, то ужесточаем свое отношение к обстоятельствам, сужая, запрещая, частично игнорируя вариативность среды. Это управление управлением, распределенным по системе. В инновационной группе можно усмотреть гомеостаты типа «индивидуальная – групповая работа», «быстрый результат – надежное решение», «конструктор – технолог».

Координатор должен культивировать эту сеть гомеостатов, распознавать ее динамику, не допускать безразличной уступчивости, равно как и нарастания конфликта, вносить комплементарность и состязательность в отношения людей. Он должен объяснять и оправдывать неизбежность этой метасистемной деятельности заботой о жизнеспособности системы.

Противоречия в целях могут опасно нарастать, особенно при распределении общего ресурса. Координировать этот процесс следует в тщательно организованных переговорах. Переговоры, как важнейшая функция координации, повышают у участников сомнения в собственных позициях и тем склоняют к необходимости компромиссов и соглашений. Здесь необходим талант коммуникатора. В ходе обсуждения уточняется смысл, который определяет, что является разумным вопросом и каков разумный ответ. Разнообразии возможных сценариев совещания и его результатов поглощается быстро и необратимо, сжимаясь к собственному значению, собственному конкретному составу участников, контексту, стилю обсуждения.

Известный кибернетик Г. Паск [7,8] трактует переговоры как попытку понять другие точки зрения, договориться о значении, смысле проблемы. В переговорах мы ищем наши сходства и, пусть ненадолго, игнорируем наши различия. Мы пытаемся приблизиться к чужому видению ситуации. Оно не только не совпадает, но часто и не пересекается с нашим. Мы иными словами излагаем свои позиции, отходя незаметно от первоначальных представлений, пока не возникнет «резонанс». Это и есть соглашение по пониманию, которое мы фиксируем в протоколе. Происходит некоторая потеря индивидуальности, но в обмен на взаимное и, что характерно, самопознание. Понятно, что понимание позиций собеседников необязательно ведет к их сближению, но выявляется все отчетливее источник противоречий. Излагая взгляд на проблему, мы дистанцируем свое представление, чтобы собеседники могли максимально к нему приблизиться. Тогда неизбежно начнется трансформация субъективных представлений. Общая, разделяемая всеми часть представления о проблеме, как общий смысл и как результат обсуждения, существует теперь в метаконтексте независимо от нас.

В отечественных исследованиях этот рефлексивный подход интенсивно развивается последователями работ Г.П. Щедровицкого и В.А. Лефевра. В статьях авторов сборников [9,10] разрабатываются теоретические схемы

и практические инструменты выхода на метауровень, приемы активизации рефлексии для успешности интеллектуальной работы. Многообразие подходов при идеологической общности этой школы вселяет надежду. Рефлексия в ходе группового творческого поиска подразумевает осмысление собственных моделей и их места в общем видении проблемы. Даже простое сопоставление схем группового взаимодействия, построенных его участниками, может показать расхождение схем и этим включить и скоординировать рефлексию. Польза взгляда на себя со стороны несомненна. Вспомните зеркальные стены балетных классов, использование видеосъемки для совершенствования техники спортсменов. Это ускоряет достижение автоматизма и виртуозности физических навыков. Тот же эффект дает рефлексия для роста интеллектуального мастерства.

Координатор искусно выводит мышление на метауровень для конструктивного обсуждения индивидуальных моделей ситуации и их влияния на становление группового восприятия, на осознание процесса сближения точек зрения, увеличения области пересечения частных моделей. Как измерить это сжатие рекурсии к общему смыслу? В частности, могут быть полезными так называемые индивидуальные профили, отражающие субъективную важность разных сторон проблемы. Ранговые корреляции предпочтений участников группы дают количественную меру сходства мнений, выявляют коалиции в группе. Мнения должны рекурсивно сближаться, этот процесс можно и нужно координировать. Понятно, что они никогда не сольются, да и не должны быть очень похожими. Необходима определенная разность потенциалов группового интеллекта, напряженность гомеостатической неуспокоенности.

Эта модель сближения похожа на автопоэзийные представления о совместном онтогенезе [1], который мы осуществляем с другими людьми, непрерывно изменяясь в этом становлении социума. Идет спонтанное структурное сопряжение автопоэзийных единиц в целях и в рамках сохранения организации, как смысла взаимодействия. Индивидуальные онтогенезы участников взаимодействуют в онтогенетической сети, что порождает социальные явления. Это та же гомеодинамика, но в свете теории автопоэзиса. Координатор должен отслеживать и этот структурный дрейф, обсуждать его в группе, обогащая тем самым возможности рефлексии, образно говоря, добавляя еще одно зеркало.

Есть мнение о невозможности достигнуть желаемого эффекта, смысла системы, если он заявлен как цель. В. Франкл [11] называет парадоксальной интенцией психотерапевтический прием — намерение делать якобы не то, что на самом деле нужно. Мы подменяем страх чего-либо желанием этого, и фобия отступает, теряет силу. Главная цель достигается как побочный эффект движения к иной декларируемой цели, как следствие намерений, а не их объект. Координатор должен мастерски комбинировать декларируе-

мые второстепенные и скрытые главные цели управления. И здесь опять возникает мысль об этической стороне такого управления, о степени доверия и подотчетности.

Каждый участник встраивается в систему со своими целями, явными или скрытыми, и нужно создать такую структуру (автономные сети взаимодействий, ориентированных на поддержку этой автономии и невозможные без нее) и обеспечить такой дрейф структуры, чтобы общая цель - тоже явная или скрытая - приближалась. Координатор должен видеть процесс трансформации моделей, точек зрения и корректировать контекст, контролируя сближение и опережая нежелательное нарастание различий. Именно так специалист по самоорганизации отслеживает становление общего смысла как отношения к реальности, обсуждает этот процесс с участниками группы, разрывая семантическую замкнутость метауровня. Такова надсистемная роль координатора как регулировщика степени централизма системы как формирователя контекста, стимулятора активности рефлексии, культиватора гомеостатического баланса полярных сил.

Координация такого уровня - это процесс формирования сознания, придания человеческого смысла событиям и обстоятельствам, процесс формирования норм и правил, определяющих границы разумного поведения. Так что, ответ на вопрос статьи отрицательный - самоорганизация исключает управление в его привычном системотехническом понимании типа «стимул - реакция». Такое управление губительно для самых сильных, сохраняющих идентичность системы проявлений самоорганизации, и легко может запустить или спровоцировать разрушающие настроения. Манипулирование людьми противоречит демократической этике современного общества, ущемляя автономию человеческого духа, его все более сложно осуществлять в силу гибкости и обучаемости «людей-инструментов» и контингентности всей сети их отношений.

Еще раз напомним о необходимости оперативно и осторожно ограничивать автономию подсистем с целью противодействия губительной самоорганизации негативных тенденций, если они уже вырвались из гомеостатических областей. Об этом убедительно пишет С.Бир [12]. Кроме того, есть неоспоримые преимущества централизованных структур: скорость принятия решений, пусть не самых мудрых, но спасительных в экстренных ситуациях; как хочется верить, в этих иерархиях более компетентные люди высших уровней существенно влияют на выбор и реализацию лучших решений. В общем, нужен метагомеостат для чуткого балансирования между авторитарностью и коллегиальностью, между гибкостью и стабильностью правил взаимодействия, правил структурных изменений, нужны безопасные технологии этого баланса. Методы и инструменты такой поддержки самоорганизации нужно создавать и апробировать в междисциплинарных

научных лабораториях, возможно, в сетевых самоорганизующихся объединениях специалистов разного профиля.

Экологические и социальные проблемы глобального масштаба соизмеримы по сложности лишь человеческому мозгу. Угрозы техногенных и цивилизационных кризисов может преодолеть только человеческий разум, скоординированный в специальных группах решения сложных проблем в согласии с принципами самоорганизации. Нужно совершенствовать методы и техники поддержки самоорганизации, но исследования не должны носить лишь инструментальный характер [6], познавательная сторона имеет высший приоритет. Сложность проблем того требует. Нужно обучать и готовить специалистов, координаторов, владеющих этими методами становления общего смысла и опоры на творческое общение, помогающих людям осознавать свое сознание и размышлять о своем мышлении, а также усомниться в несомненности собственного мнения и почувствовать креативную силу этой рефлексии.

Перечитав свой текст, я отрефлексировал, как обычно, некоторые противоречия, но решил оставить эту широту, как гомеостатическую напряженность, стимулирующую поиск дальнейшего совершенства мысли и познания сложности социальной самоорганизации.

Литература

1. Матурана У. Р., Варела Ф.Х. Древо познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
2. Хиценко В.Е. Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения. – М.: Комкнига, 2005.
3. Хиценко В.Е. Социальная самоорганизация и управленческая кибернетика С.Бира. <http://www.sim-mfti.ru/content/?fl=284&doc=1134>
4. Хиценко В.Е. Феномен социальной самоорганизации <http://spkurdyumov.narod.ru/Hits.pdf>
5. Хиценко В.Е. Инновационный потенциал социальной самоорганизации. <http://spkurdyumov.narod.ru/Hitsenko10.html>
6. Хиценко В.Е. К вопросу формирования экологического мышления. В сб. Проблемы устойчивого развития: иллюзии, реальность, прогноз. / Под ред. А.В.Позднякова. – Томск: ТГУ, 2002.
7. Pask G. Conversation Theory. – N. Y.: Elsevier, 1977.
8. Pask G. Developments in Conversation Theory: Actual and Potential Applications // Applied Systems and Cybernetics. Vol. III / G. Lasker ed. – N. Y.: Pergamon Press, 1981. Pp. 1326-1338.
9. На пути к постнеклассическим концепциям управления / Под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. – М.: Институт философии РАН, 2005.
10. Рефлексивные процессы и управление. Тезисы V Международного симпозиума 11-13 октября 2005г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского – М.: Институт философии РАН, 2005. (электронное издание) www.reflexion.ru.
11. Франкл В. Психотерапия на практике / Пер. с нем. – СПб.: Речь, 2000.
12. Бир С. Мозг фирмы. – М.: Комкнига, 2006.

ПСИХОЛОГИЯ

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И САМОРЕГУЛЯЦИЯ: МЕТАИМПЛИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ

В.А. Петровский (*Россия*)

ГУ «Высшая школа экономики»,
член-корреспондент РАО, доктор психологических наук

В настоящей статье мы предлагаем психолого-математическую модель саморегуляции индивида. Прототипом построения авторской математической модели послужили булева модель готовности субъекта к биполярному выбору (Лефевр [11], [12]) и рефлексивной модели нормированного поведения (Таран [38]).

Психологическая интерпретация элементов моделей В.А. Лефевра и Т.А. Таран затрагивает как переменные, в них фигурирующие («давление среды», «представление о давлении среды», «интенция»), так и оператор связи между этими переменными (материальная импликация). Уточняя для себя возможный психологический смысл этих элементов, мы исходили из собственной мультисубъектной теории личности (В.А. Петровский [22], [24], [34]). Опорными элементами этой психологической теории являются понятия «индивид», «субъект», «личность», «личностность», «индивидуальность».

Термину «индивид» («индивидуум») в психологии соответствует представление о живом существе, сходном с другими живыми существами (о них говорят как об «отдельных представителях одного и того же вида»), причем оно понимается как общность психофизических свойств, обеспечивающих их существование в определенной среде обитания, своего рода «сумма психотехнологий» жизни. Независимо от того, идет ли речь о человеке — носителе сознания, или, например, насекомых — обладателе сенсорной психики (А.Н. Леонтьев подчеркивал присутствие у них психических свойств «гораздо более уверенно», чем у высших инфузорий), под термином «индивид»

подразумевается некое «психофизическое целое», а, следовательно, и проблески «субъективности»: чувствительность, чувствования, «чувственная ткань», ощущения, переживания и др. ¹).

Однако субъективность, как таковая, еще не делает индивида *субъектом*. Понятие субъекта значительно богаче определениями. «Субъект» — и таков образ субъекта в культуре! — не просто ощущающее, живущее (движущееся, растущее) существо. Субъект заключает в себе источник своего существования. К примеру, он не просто *пребывает* в движении, а производит это движение «сам», воспроизводя себя в процессе своего движения. Здесь речь может идти о восстановлении энергии, структуры, свойств, процессов и функций живого существа, его места в мире, вообще говоря, — о воспроизведении любых измерений его жизни, если только они рассматриваются как существенные и неотъемлемые.

Имея в виду это особое качество — способность к самодвижению, в ходе которого живое существо воспроизводит себя, — говорят, что оно представляет собой *субъект* активности. «Быть субъектом» значит: воспроизводить себя, быть причиной своего существования, на философском языке — быть «причиной себя (*causa sui*)»

Из этого понимания вытекают четыре характеристики субъекта:

1) субъект — целеустремленное (то есть целепологающее и целедостигающее) существо: иначе ни о каком «воспроизводстве» нет, и не может быть, речи;

2) субъект — рефлексирующее существо, обладатель образа себя; иное немислимо, так как самовоспроизводство подразумевает наличие образа того, что должно быть воспроизведено;

3) субъект есть свободное существо (никто, кроме него самого, не отвечает за процесс, не направляет его и не заключает о том, что всё завершилось или должно быть продолжено);

4) субъект — развивающееся существо, ибо ему приходится действовать в изменчивой, непредсказуемой, среде, и по этой причине воспроизводству

¹ Заметим, что в этом ряду «субъективности» отсутствует ядерный элемент, который я называю «анимумом». В отличие от всех вышеназванных и более сложных элементов, надстраивающихся над ним, *анимум* представляет собой первичное субъективное проявление психики, не соотносимое ни с одним из объектов вовне ни по одному из мыслимых качественных критериев (вкус, цвет, запах, звук, плотность, протяженность, вес, форма и т.п.) и, кроме того, *анимум* не совпадает ни с одним из рефлексивных свойств психики (например, с переживанием «это — во мне, внутри меня», или «это — вовне меня», «по ту сторону»). *Анимум* есть *переживание* бытия, а оно — попробуйте отличить! — есть то же самое, что и переживаемое *бытие*. Существование *анимума*, на мой взгляд, дает ответ на стародавний вопрос о продуктивности внимания: является ли внимание продуктивным процессом. Ответ: «Да», если иметь в виду, что внимание есть процесс актуализации базового психического элемента: то, чего не было, посредством внимания, теперь *есть* в сознании.

подлежат новые, обозначившиеся на предшествующем шаге активности, условия и способы самовоспроизводства².

Когда говорят о *личности* индивида, то, как раз и имеют в виду его способность быть *целеустремленным, рефлектирующим, свободным, развивающимся* существом, то есть полноценным (вполне раскрывшим свою суть, сущностные свои определения) *субъектом* активности в социуме. Подчеркиваю: «Так *говорят...*»; «Так *принято* говорить...» и т.п.

Однако вопрос состоит в том, насколько понятие «субъект» (равно как и «личность» в данном контексте) совместимо с понятием «индивид».

Анализ, предпринятый нам ранее, показывает, что, при общепринятой трактовке, эти понятия неконгруэнтны [24]. Но мы можем выделить, как минимум, четыре условия, выполнение которых позволяет индивиду приобрести статус подлинного субъекта активности (а стало быть, и шанс «быть личностью»). Перечислим эти необходимые условия.

Первое условие состоит в том, что частично преодолевается целевой хаос функционирования различных подсистем индивида (для их обозначения я ввел термин «заинтересованная подсистема» [20], отталкиваясь от принципов «локального управления», выдвинутых в работах И.М.Гельфанда и И.М.Цетлина). В этом движении от целевого хаоса к целостности, никогда, впрочем, недостижимой, рождается способность к целеполаганию и целедостижению (произвольность), позволяющая индивиду воспроизводить себя, упорядочивая проявления собственной активности (возникает волевое «я», своего рода локальный центр управления).

Второе условие заключается в том, что произвольные действия приобретают активно неадаптивный характер (индивид предпочитает цели с непредрежденным результатом достижения: бескорыстный риск, творчество, непрагматические формы общения, самопознания, исследованные нами ранее (1971–1983 гг.);

Третье условие: индивид отражается в других людях значимыми для них (а не только для него самого) аспектами своего бытия, — обретая, как я говорю, свое «инобытие», идеальную представленность и продолженность в других людях (и, таким образом, в зеркале другого, а на некотором этапе жизни, и в зеркале собственного *cogito*, он находит инструмент воспроизводства, полагания своего «я» в других и в себе как другом);

Четвертое условие приобретения индивидом статуса субъектности заключается в том, что рано или поздно, но совершенно неизбежно, он обнаруживает факт несовпадения своего «в себе и для себя бытия» («Я в самосознании») и — «бытия в другом и для другого» («отраженное Я»); это стано-

² Впервые данное понимание «субъекта» было опубликовано мною в главе 10 «Активность» учебника «Введение в психологию» (под общей редакцией проф. А.В. Петровского). М., Академия, 1996.

вится источником развития индивида как личности, и, в частности, возрастных кризисов развития.

Являются ли, однако, выделенные *необходимые* условия бытия индивида как личности в тоже время условиями, *достаточными* для этого?

На данный вопрос мы также вынуждены ответить отрицательно, если продолжаем придерживаться традиционной, классической точки зрения, согласно которой личность индивида «локализована» в пространстве жизни самого индивида (то есть является исключительно внутренней детерминантой его активности), и, кроме того, если, рассматривая «индивида как личность», мы попрежнему видим в нем единственного субъекта активности, игнорируя факт множественности «я» индивида.

Предлагаемая нами *мультисубъектная теория* исходит из того, что личность индивида представлена многими субъектами, в которых он фактически обнаруживает свое бытие; при этом выделяются два полюса личности индивида — «индивидуальность» и «личностьность», а также динамика их перехода друг в друга (см. рис. 1).

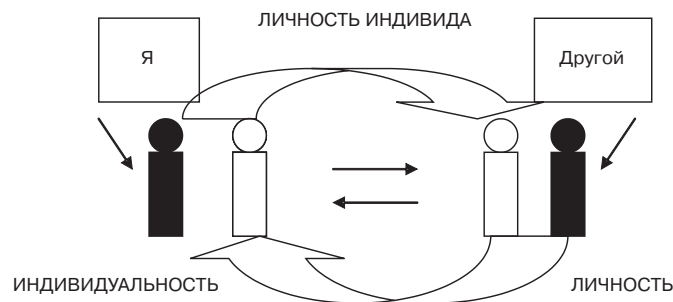

Рис. 1

Ранее, говоря о полюсе индивидуальности, мы ограничивались общими замечаниями, перенося основной акцент анализа на полюс «личности» (думается, это было естественно, так как, вводя новое понятие, мы не могли обойти вниманием как теоретические, так и эмпирические аспекты этой проблемы). В данном случае мы можем отдать должное «индивидуальности», рассматривая ее под углом зрения мультисубъектной теории личности.

Индивидуальность — «неотразимость»

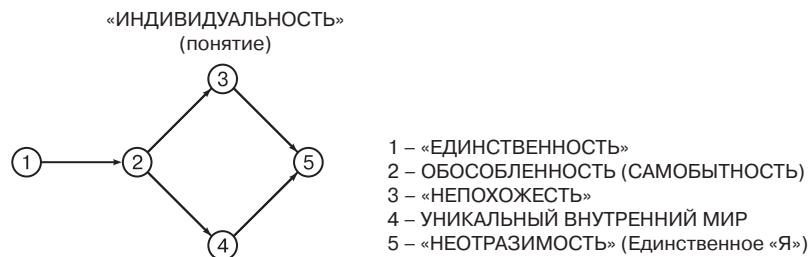
Число мыслимых психологических определений этого термина когда-нибудь приблизится к числу индивидуальностей в психологии. Тут трудно

³ Концептуально, мне близка ставшая уже крылатой фраза А.Г. Асмолова: «Индивидом рождаются, личностью становятся, индивидуальность отстаивают» [2].

что-либо поделаться! Каждый – по себе судит, от себя отталкивается, свою индивидуальность отстаивает...³

Интуитивные концепции индивидуальности – формализуются, латентные – легализуются, личные превращаются в публичные. Было бы удивительным, если бы дефиниции, порожденные гением индивидуальности каждого из исследователей, совпадали. Существуют, доподлинно, такие категории в психологии, имя которым «контроверзы» (А.В.Петровский, В.А.Петровский [19]). Достаточно кому-нибудь одному из нас, смелому, дать дефиницию, как кто-нибудь другой, отважный, непременно заявит, что дело обстоит ровным счетом наоборот. Среди таких категорий-контроверз, я думаю, есть и занимающая нас сейчас категория индивидуальности. Уникальность исследователя, спроецированная на терминологическое пятно Роршаха, вот вам и рецепт построения искомого концепта!

В ситуации хаоса существующих и потенциально возможных определений термина «индивидуальность» могут быть выделены несколько опорных точек, позволяющих описать способы его психологического осмысления (см. рисунок):

Первая точка – это общее значение термина «индивидуальность», укорененное в культуре и представленное в языке повседневной речи.

Четыре других точки указывает на область возможных психологических интерпретаций данного термина, значимых для проведения специальных теоретических и эмпирических исследований индивидуальности.

Начнем с центральной, «лингвистической», точки отсчета, «1».

«1». У Александра Блока, в дневнике, есть запись, которую цитирует Георгий Адамович в своей статье о Зинаиде Гиппиус [3]. Всего три слова:

«Единственность Зинаиды Гиппиус»

«1» «*Единственность*». Быть чем-то единственным, как говорят, «единственным в своем роде» - тут, на мой взгляд, самая суть «индивидуальности» (как она осмысливается в культуре): уникальность, своеобразие, отличительность индивида. Здесь же и основание для выделения производных смысловых форм; они представлены сложными комбинациями слов, оттеня-

ющими разные грани термина «индивидуальность» (символизируются точками «2», «3», «4», «5»)

«2» *Обособленность (Самобытность)* – социо-природно-культурная неслиянность, нетождественность индивида с кем-либо или с чем-либо; уникальный узор разнородных образующих индивида (между ними существуют, по словам В.С. Мерлина, «много-многозначные» связи);

«3» *«Непохожесть»* – несходство с другими, значимое для других. Термин «непохожесть» заимствуем у автора «Бригантины», поэта Павла Когана: «Пьем за яростных, за непохожих, за презревших грошевой уют!...» Пафос поэта, разумеется, не распространяется на «акцентуации характера» (в этой связи, еще один пример «непохожести»: для «тихого невротика» проблема заключается в нем самом, психопат – это проблема для окружающих);

4. Уникальный внутренний мир. В этой трактовке индивидуальности автор солидарен с В.Д. Шадриковым [41]. Я подчеркиваю при этом три момента:

- *Самоценность*: привилегированное положение «внутреннего» по сравнению с «внешним». «Индивидом рождаются, личностью становятся, индивидуальность отстаивают» (А.Г. Асмолов)

- *Надситуативность*: индивид поднимается над ситуацией, преодолевая внешние и внутренние ограничения в реализации себя как субъекта; в этой связи мы говорим не только о «надситуативности», но и об «активной неадаптивности» индивида, – о постановке целей, мотивированных непредрешенностью результата их достижения⁴.

- *Потаённость*. Индивидуальность *всегда* остается за кадром для других, значима для самого человека и в этом смысле являет собой признак «для себя бытия» его единственности. Мне близка в этой связи точка зрения А.Г. Асмолова и В.Н. Дружинина, согласно которой психика человека

⁴ В разные годы экспериментально автором и под его руководством были исследованы такие формы «надситуативности» как «влечение к краю» (тенденция индивидов действовать вблизи пространственного маркера границы), «бескорыстный риск», превращение нетворческой деятельности в творческую, прагматический отказ от подсказок, «презумпция существования решения» и пр., а также сценарные решения, ограничивающие возможности «надситуативного» поведения [13]. Осуществляя ситуативно-избыточное преодоление внешних и внутренних ограничений, личность раскрывает себя как субъект, бросающий вызов ситуации, оспаривающий непредрешенность ее исходов (принцип «активной неадаптивности» Я) [23], [24]. Получены экспериментальные подтверждения того, что надситуативная активность образует ядро одаренности личности, независимо от сферы проявления одаренности (в совместных исследованиях с В.Г. Грязевой и Н.М. Маркиной [14]).

Исследования показывают, что основу подобных актов образует собственная динамика деятельности, фонд новых возможностей («могу») как источник новых побуждений к действию («хочу») (В.А. Петровский [20], [21], [23]). Личность избыточна в своих проявлениях, – действует над порогом ситуативной необходимости, неадаптивна; активность личности не выводима из социального и несводима к нему (В.А. Петровский [21]).

обладает самодвижением, одно из проявлений которого – творчество – порождает в ходе жизни множество «субъективных миров»; лишь некоторые из них будут реализованы. Я бы хотел особо подчеркнуть эту мысль: «внутренний мир человека», именно внутренний, не обнаруживаемый никогда до конца, не редуцируемый к чему-то внешнему, и вместе с тем интригующий наблюдателя своей трансцендентностью, есть характеристика индивидуальности, я бы сказал, *по определению*, – как что-то своеобразное, данное только этому человеку и для него значимое, бытие в качестве «самости», – предела «индивидуации» (К. Юнг).

Иногда здесь можно разглядеть основание для игр-заигрываний с окружающими. Как говаривал Эрик Берн, спереди на футболке написано: «Никто не знает, что я испытал!..» А сзади на футболке – «Никто и не узнает!» [6]. Вдобавок, не всегда, конечно, это своеобразие есть основание для игр и интриг; не только с другими, но и с самим собой ⁵.

По поводу дурной индивидуальности можно шутить, но истинная индивидуальность наводит на серьезные размышления. Ибо здесь есть некое противоречие, которое я считаю базовым противоречием психологии индивидуальности. Если моя неповторимость, «единственность» есть ценность, если в ней всё дело, если я без нее не единица, а ноль, то субъектность не составляет сути индивидуальности. Потому что существовать – значит: воспроизводиться, повторяться, отражаться в ком-то. Повтор, вторичность по отношению к себе, – это удар по ценности неповторимости. А сознание – будь то чужое сознание или мое самосознание – удваивает, и, стало быть, не может не разрушать то, что удвоению не подлежит.

«5» **«Неотразимость»**. Истина индивидуальности – в невозможности получить сколько-нибудь заверченный и внутренне достоверный автопортрет индивида как субъекта активности. Детский вопрос: «Сколько яиц можно съесть натошак?» Хорошо известно, что только одно. Ведь второе – это уже не натошак. Так и с индивидуальностью как единственностью. Удвоению не подлежит. Индивидуальность есть то, что, будучи своеобразием индивида, неотразимо, – в чужом сознании или самосознании – неважно. Ибо ценность этого своеобразия именно в том, что оно непередаваемо, невоспроизводимо, дорефлективно, исключает повтор.

Я бы сказал так: если мы придаем единственности и неповторимости индивида статус особой ценности, рассматриваем эту ценность как существенную характеристику индивидуальности, то индивидуальность никогда не имеет формы чего-то ставшего, наличного, обретенного, а всегда пребыва-

⁵ В Интернете однажды я прочитал: «Все скорпионы похожи... Все знаки Зодиака одинаковы... Чушь! Ты – индивидуален!» Чувствовать себя не просто каким-нибудь обыкновенным скорпионом, а скорпионом с индивидуальностью – это, конечно, замечательно! Об этом можно мечтать!

ет в состоянии становления. Индивидуальность человека это его неотразимость.

Выделим этот тезис особо:

Индивидуальность = неотразимость

Заметим, здесь есть несовпадение с понятием «личность». Личность индивида, как мы уже говорили, подразумевает открытую для него возможность отражаться в других. Но только индивидуальность, и именно индивидуальность, неотразима. И не только в том смысле, в каком говорят, что «кто-то подпадает под влияние кого-то», «не может отразить его влияния», «поставить щит», но и что этот другой остается некой загадкой. Он по ту сторону моего полного знания и понимания.

Для себя так: я могу знать что-то, и при этом не знать, что знаю. В этом, как известно, отличие «проблемного» («я знаю, что я не знаю»), от потаенного, тайного («не знаю, что знаю»).

Рассмотрим некоторые иллюстрации.

ЗНАЕТ ЛИ ГАМЛЕТ ЛАЭРТА?

О з р и к . Вам небезызвестно, какими совершенствами обладает Лаэрт. Г а м л е т . Этим знанием я не могу похвастаться, чтоб не равнять себя с ним, так как знать совершенно другого – значит знать самого себя. Знал ли себя совершенно Гамлет? Был бы Гамлет Гамлетом, если бы знал себя наперед? Разумеется, можно попытаться выразить одно неизвестное через другое, но дело это абсолютно бессмысленное...

«ТАКИМ ПУТЕМ!» – ПУТИ НЕ БУДЕТ

Отношения супружества. Известен такой факт: «Я знаю его», «Я знаю ее» – равносильно распаду, в лучшем случае стагнации отношений. А поэзия отношений – подобно тому, как поэзия «вся» у Маяковского, – это «езда в незнаемое», или, как я предпочитаю говорить, «в непредре-шенное...».

ПАРАДОКС ЭДИПА

Еще факт, полученный экспериментально - я называю его «парадоксом Эдипа» (В.А. Петровский, Т.А. Тунгусова, [26]), по аналогии с описанным в философии и интересующем социологов парадоксом, он состоит в том, прогноз, будучи известен, оказывает влияние на прогнозируемые события, и поэтому всегда «промахивается»

Человеку говорят: мы расскажем тебе, что думает о тебе психолог; он знает тебя, он догадывается о том, как ты ответишь на эти вопросы – и предъявляют испытуемому заранее заполненную форму опросника. «Сверхчеловеческая проницательность» психолога имеет под собой вполне прозаическую причину. После заполнения испытуемыми первой формы опросника, им предъявляется параллельная форма того же опросника. Она-то и заполнена психологом в соответствии с ответа-

ми, которые испытуемый дает на вопросы первой формы опросника. Иными словами, испытуемым показывают их собственные суждения о себе — под видом прогнозов, которые осуществляет в отношении их возможных оценок компетентный психолог.

Выяснилось, что в этих условиях испытуемые обнаруживают тенденцию отмежевываться от своих старых решений; в частности, на статистически достоверном уровне значимости, у них повышаются показатели интроверсии (словом, «счастье — когда тебя понимают», но «несчастье — когда тебя раскусили...»). Человек сам себе мера, и он никому не позволит думать иначе...

Я — НЕ РОВНЯ ЕМУ (ИЛИ ЕЙ), ДАЖЕ ЕСЛИ ОН (ОНА) — ЭТО Я

С использованием авторской методики «Я-конфронтаций» и «Я-заимствований», было показано: когда человеку под видом самооценок другого человека предъявляют его собственные самооценки, он отказывается их принимать, оценивает себя заново, — иначе, чем прежде. Более того, если испытуемый видит, что другой человек, решая задачу, точно также как и он сам, не может с ней справиться, то тенденция «быть другим» способна подтолкнуть его к правильному решению — даже когда речь идет о «задачах на сообразительность». Выяснилось: чем больше я отвергаю свое сходство с другим, отклоняя свою самооценку, если считаю, что так себя оценивает этот другой человек, тем сильнее эффект креативизации, выход за рамки шаблона в решении задачи [22]. Это ли не демонстрация силы действия того, что Карл Юнг называет тенденцией к индивидуации?

Всё сказанное приводит нас к непривычному выводу. Подобное понимание индивидуальности — удар в самое сердце идеи субъектности, если, конечно, отождествлять, как это обычно делается, «индивидуальность» с «субъектностью». В действительности же,

Индивидуальность ≠ субъект

Почему? Одним из определяющих признаков «субъекта» является *рефлексивность* или — по Сартру — «интеллигибельность» (самопрозрачность, самоданность). «Субъект» — целеполагающее, целедостигающее существо, обладающее образом самого себя и результата того, что делает [24]. Картезианское «Я мыслю» — это всегда «я мыслю, что я мыслю» (М. Мамардашвили). Но ведь помыслить себя — это повторить себя в рефлексии, а «индивидуальность» неповторима, она всегда «первой свежести».

В этом случае нам важно понять, как такое возможно. Одно из решений состоит в том, чтобы психологически интерпретировать индивидуальность как мультисубъектное образование. В то время как «единственность» — *лингвистическая* точка опоры в развертке интересующего нас понятия, «единомножие «Я» — это вторая искомая точка, острие *психологической* трактовки

этого термина. Итак:

Индивидуальность = мультисубъектное объединение = единомножие «Я»

Не одно «я», а множество «я», или, как говорили старые русские философы, «единомножие» «я» — вот это и есть подлинная индивидуальность, если, конечно, принять, что композиция этих «я» уникальна, неповторима. Такой взгляд радикальным образом противостоит мнению о том, что индивидуальность — это субъект деятельности, как бы широко не понимать деятельность. Я думаю, А.Н. Леонтьев, говоря о полимотивированности деятельности [10], забрасывал вперед, в будущее, идею мультисубъектности личности, а в повороте «на индивида» — идею мультисубъектности индивидуальности. И этот «заброс» в будущее имел «замах» в прошлом — в работах Л.С. Выготского, с его идеей интериоризации «субъект-субъектных» отношений. С.Л. Рубинштейн, мне кажется, был близок к этому взгляду, когда говорил, что «каждое «я», поскольку оно есть и всеобщность «я», есть «республика субъектов» [37].

Личность как объемлющая система, а внутри нее индивидуальность как ее особая ипостась представлены множеством субъектов (множеством «я»), в которых обнаруживает свое бытие индивид. И они, эти субъекты, *вряд ли* могут быть поняты как покорные исполнители воли некой высшей инстанции, «верховного субъекта» или «монарха». Ведь республика есть республика, и если какой-нибудь республиканец попытается узурпировать власть, ему будет сделать это непросто.

Я мог бы назвать ряд направлений в психологии и психологических системах, в которых индивидуальность рассматривается как содержащая в себе множество субъектов и через них понимаемая. Фрейдовские интроекты, архетипы Юнга, фигурки сна Минделла, различные «я» Ассаджиоли, наконец, федерновские, а далее берновские эго-состояния, такие как Родитель, Взрослый, Дитя, множественные идентификации-«идентичности».

Продуктивное понятие «двойной субъект», введенное В.Е. Лепским [10], выражает факт сосуществования и координированной деятельности двух источников и центров активности в составе индивидуальности, их несводимость друг другу, и в то же время невыводимость из какого бы то ни было «центрального» «я», лежащего в основании.

Этот список может быть расширен, если иметь в виду работы Дж. Брэдшоу, Г. и С. Стоун и др. авторов. Спектр разработок по проблеме множественной идентичности представлен в работе Е.П. Белинской [4]. Многообразие Я таково, что есть смысл припомнить остроумную метафору Тессера: «зоопарк Я». Современные авторы выделяют феномен многоликого «возможного Я» (Розенберг, Каплан, а также Маркус, Нуриус и др. авторы — см. [4]).

Четверть века назад автор этих строк провел свои первые исследования феноменов инобытия человека в человеке, идеальной представленности и

продолженности в нас других людей, их «отраженной субъектности», их «личности» [22], [23].

Индивидуальность: триумвират субъектов

Среди всех авторов-психотерапевтов, понимавших суть несовпадения разных «я» и непредставимости индивидуальности как формы существования «Верховного «я»», ближе всего мне Эрик Берн. Я уже писал о том, что Берн – это Выготский современной психотерапии [27], создатель – как он сам ее называл, *социальной психиатрии*, рассматривающей психику как поле брани интериоризированных значимых других (сам он, впрочем, не использовал таких слов...).

Несколько слов о реальности для самого Берна эго-состояний Взрослый, Родитель, Дитя. Для него это не слова, не метафоры, а именно «феноменологические реальности». «...Терапевту следует задаться вопросом: почему пациент позволяет себя разоблачать? Может быть, это его Родитель предаёт Ребенка? Или Взрослый уговаривает Ребенка рассекретиться? Или это Ребёнок продолжает свою игру с целью «спасти лицо», хотя и упрощает её для терапевта, надеясь, что его спасут, подобно тому, как мальчуган попискивает из своего укрытия во время игры в прятки, помогая себя обнаружить?» [5].

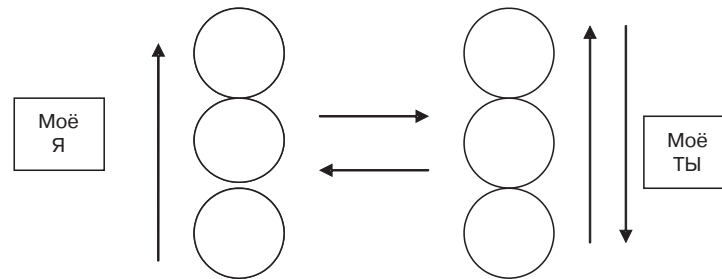
Берновская модель позволяет более дифференцировано описать взаимоотношения между такими полюсами сознания как «Мое Я» и «Мое Ты». Говоря, так – «Мое Я», «Мое Ты» – я иду за Ф.Д. Горбовым, за его психологическими исследованиями диалогов Я – ВТОРОЕ Я, и, опосредовано, за Бахтиным, за теми исследователями, для которых «внутренний диалог» – ключевое понятие. Развивая этот подход, уточняю: говоря «мое Я», имею в виду полюс субъективности и субъектности человека в самосознании, а «Мое Ты» – это полюс овнешнения Я. «Мое Ты» – это тот, к кому я и кто ко мне обращается в пустой комнате (примерно так сформулировал мою мысль один из моих коллег). Фактически, мы признаем и можем прочувствовать существование «Моего Ты», когда спорим с собой, приказываем себе, убеждаем себя, «отпускаем» себя, хвалим себя, успокаиваем себя. «Возьмите себя в руки» – сказали ему; и он взял себя в руки, прижал к груди и отнес в тихое место: нечто подобное я прочитал некогда у одного писателя. Оставим это в качестве метафоры для «Моего Ты».

Каждое «Мое Я» и «Мое Ты» могут быть представлены в виде трехчастной структуры Родитель, Взрослый, Дитя [27] (см. рисунок на стр. 69).

Различение и соотнесение конструкторов «Мое Я» – «Мое Ты» послужило основой для проведения ряда экспериментов, проясняющих трактовку личности как «единомножия» взаимодействующих субъектов.

Один из примеров: в дипломном исследовании М.В.Анисимовой [1] фиксировались внутренние диалоги испытуемого в момент решения интел-

Транзакция в пространстве индивидуальности

Стрелочками обозначены потоки катексиса

лектуальных задач – диалоги «Мое Я» – «Мое Ты». При различении во внутреннем диалоге, во всех этих самообращениях и ответах самому себе, определении эго-состояний «Взрослый», «Родитель», «Дитя» выяснилось, что нахождение ответа на вопрос задачи подразумевает Взросло-Взрослую внутреннюю коммуникацию. При этом Родительски-Детские внутренние транзакции не содействуют решению.

Эти и многие другие данные, полученные в русле мультисубъектного подхода, содействуют преодолению мифа (или, точнее, некоего скрытого постулата) изначальной «моносубъектности» личности. Между тем, именно он, лежит в основе большего числа исследований, в которых мы застаем человека перед лицом выбора (я имею в виду как психологические, так и социологические исследования).

Выбор, как правило, имеет под собой мультисубъектную основу, особенно если речь идет о выборах важных, судьбоносных, я называю их экзистенциальными выборами. Наш тезис состоит в том, что

Экзистенциальные выборы – мультисубъектны

Отталкиваясь от транзактной модели личности, мы с коллегами (Ж.В. Пыжиковой и М.К. Худышевой [40]) предлагали испытуемым проанализировать 16 жизненных ценностей – с позиций в одном случае Дитя (мечты, сокровенные желания), во втором – Родителя (голос долга), в третьем – Взрослого (разумный взгляд, то, что человек сам считает для себя необходимым делать).

Что выяснилось? Если вдуматься, скандальный факт! Процент значимых корреляций между выборами с позиций трех инстанций – эго-состояний Дитя, Родитель, Взрослый, – минимален. Где же тут место целостности? Чаще встречаются значимые корреляции между двумя инстанциями (Родитель – Дитя; Родитель – Взрослый, Взрослый – Дитя), но еще чаще от-

сутствие корреляций между инстанциями: ортогональность предпочтений! Не напоминает ли подобная ситуация хрестоматийный триумвират таких «субъектов» как Лебедь, Рак да Щука? И, следовательно, правомерен вопрос: «Если я выбираю, то кто во мне выбирает?»

В недавних исследованиях (дипломная работа студентки МГППУ О.Паниной) удалось показать, что понятие самооценки личности расщепляется минимум на три: «самооценка Взрослого», «самооценка Родителя» и «самооценка Дитяти», причем эти самооценки статистически независимы друг от друга. Быть может, поэтому не столь уж нелепы, как может показаться первый взгляд, высказывания вроде: «У меня, знаете, *неадекватно заниженная* самооценка» и т.п. И в самом деле, казалось бы, коль скоро человек *осознает* неадекватность своей самооценки, то он и корректирует ее по ходу дела, или, по меньшей мере, должен воздерживаться от неадекватных высказываний! Однако, отмечаемый факт сосуществования независимых самооценок в наших глазах вполне «реабилитирует» высказывающегося: его Взрослая самооценка может быть высока (показатели «уверенности в себе – неуверенности в себе»), но его Родительская (шкала «амбициозность – приниженность») или Детская самооценки (шкала «самонадеянность» – «растерянность») оставляют желать лучшего...

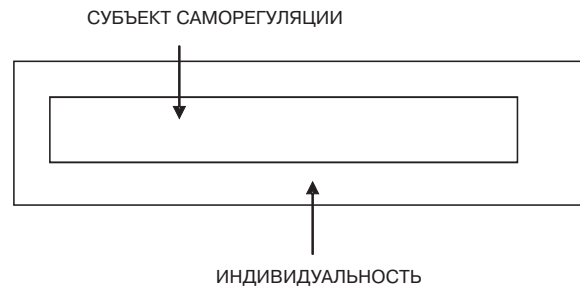
Всё сказанное отнюдь не означает, что индивидуальность, будучи отличной от субъекта как рефлектирующего себя, целеустремленного и целодостигающего существа, лишена возможности обнаруживать вовне субъектность составляющих ее «частей». Отнюдь нет! Каждое эго-состояние способно строить образ себя, ставить перед собой цели и воплощать их в соответствии со своими возможностями и замыслом. В таком случае какое-то одно из них берет верх над другими, включает их в свои интересы, опирается на них и т.п. Индивидуальность приобретает черты одного из таких субъектов активности, но в то же время сохраняет «дистанцию свою» по отношению к другим субъектам внутри, «выбиваясь» из-под диктата их возможной «исполнительной власти». В случае если Взрослый берет на себя эту роль, «простраивая» свои отношения с другими внутренними субъектами и подчиняя их своей воли, такой процесс может рассматриваться как *саморегуляция*.

Транзактная модель саморегуляции в структуре индивидуальности

В процессе саморегуляции, индивидуальность, как поле взаимодействий эго-состояний, может быть схематически изображена следующим образом:

В этом описании фигурируют инстанции Взрослый, Родитель, Дитя. Они рассматриваются как носители запросов и ресурсов, соотношение которых детерминирует выборы, совершаемые индивидом. Запросы Взрослого опираются на ресурсы, предоставляемые Родителем, а Взросло-Родительская эго-система рождает запросы, опирающиеся на ресурсы Дитяти. Стрелочка

«=>» характеризует механизм реализации запросов через ресурс. Здесь Взрослый выступает как субъект регуляции, Родитель – как посредник, а Дитя – как объект регуляции. Будем называть эту схему – или, если воспользоваться изящным словом О.А. Конопкина и представителей его школы [8], [9], [17], [18], – «контур» саморегуляции, *эго-построением Взрослый-Родитель-Дитя (или, кратко, ВРД-построением)*. Вслед за этими авторами позволим, на свой страх и риск, говорить о *транзактном контуре саморегуляции*.

Вводя количественные меры при описании запросов и ресурсов, а также меру реализуемости запросов через ресурс (она характеризует состоятельность носителей запросов) и, наконец, математически интерпретируя отношение реализуемости, предлагаем формулу, которая характеризует **состоятельность саморегуляции**. Эта формула, как мы уже отмечали, преемственна по отношению к «функции готовности субъекта к биполярному выбору», предложенной В.А. Лефевром [11], [12]. В нашей собственной модели получают особую психологическую интерпретацию переменные, определяемые В.А. Лефевром как «интенция» x , «представление о давлении среды» y , «давление среды» z , «готовность к биполярному выбору» w .

Кроме того предлагается интерпретация и обобщение оператора материальной импликации, используемых в булевой модели рефлексивного выбора. В отличие от оператора материальной импликации, имеющей дело с «четкими» значениями 0 и 1, оператор метаимпликации распространяется на любые промежуточные рациональные значения отрезка [0, 1]; результатом его реализации является некоторый разброс значений и их средние ожидаемые значения [31], [33].

Рассматривая средние ожидаемые значения оператора метаимпликации, <заключенные в угловые скобки>, мы можем записать:

$$\begin{aligned} \langle x \rightarrow^* y \rangle &= 1 - x + x \cdot y; \\ \langle \langle x \rightarrow^* y \rangle \rightarrow^* z \rangle &= z + (1 - z) \cdot (1 - y) \cdot x. \end{aligned} \quad (*)$$

Приведем несколько примеров вычисления средних ожидаемых значений метаимпликации:

- (a) $\langle 1 \rightarrow^* 0 \rangle = 1 - 1 + 1 \cdot 0 = 0;$
 (b) $\langle 0 \rightarrow^* 0 \rangle = 1 - 0 + 0 \cdot 0 = 1;$
 (c) $\langle \langle 1 \rightarrow^* 0 \rangle \rightarrow^* \rangle = 1 - 1 + 1 \cdot 1 \cdot 1 = 1;$
 (d) $\langle 0.5 \rightarrow^* 0.5 \rangle = 1 - 0.5 + 0.5 \cdot 0.5 = 0.75;$
 (e) $\langle \langle 0.666 \rightarrow^* 0.5 \rangle \rightarrow^* 0.5 \rangle = 0.5 + 0.5 \cdot 0.5 \cdot 0.666 \approx 0.666.$

Случаи а) и (b) соответствуют исходам «обычной» материальной импликации, оперирующей «четкими» значениями 0 и 1: $\langle 1 \rightarrow^* 0 \rangle = 1 \rightarrow 0 = 0;$ $\langle 0 \rightarrow^* 0 \rangle = 0 \rightarrow 0 = 1.$ Случаям (c) и (e) соответствует введенное В.А. Лефевром понятие «интенционального выбора» (субъективные интенции x воплощаются в равную им объективную готовность субъекта осуществлять выбранное поведение; автор рефлексивной теории называет субъекта интенционального выбора «реалистом»).

ТРАНЗАКТНЫЙ КОНТУР САМОРЕГУЛЯЦИИ

w *Индивидуальность* = $\langle \langle x_{\text{Взрослый}} \rightarrow^* u_{\text{Родитель}} \rangle \rightarrow^* z_{\text{Дитя}} \rangle$
 w *Индивидуальность* ~ *устремленность к цели («готовность»);*
 $x_{\text{Взрослый}}$ ~ *интенции к действию со стороны Взрослого («намерен», «считаю»);*
 $u_{\text{Родитель}}$ ~ *директивы Родителя («следует делать», «вот что требуется»);*
 $z_{\text{Дитя}}$ — *чаяния Дитя («хочу», «мечтаю», «полагаюсь на чудо»);*
 \rightarrow^* ~ *оператор метаимпликации («реализация», «запрос опирается на ресурс»);*
 w, x, u, z *принимают рациональные значения на отрезке [0, 1]*

Первоначально предложенная мною модель, представляющая собой транзактную версию «рефлексивной модели нормированного поведения», разработанную Т.А.Таран [38], в «первой редакции» была названа «транзактной моделью рефлексивного выбора». Она была не только поводом формализации некоторых положений транзактного анализа и собственных разработок в области мультисубъектной теории личности, но и инструментом психологического консультирования — как дополнительный стимул продвижения клиентов в решении их личных проблем. Из данной модели, чисто формально, следовало, что нереализованные мечты Дитя поддерживают личность в состоянии постоянной готовности к поиску объекта мечты. Это, к слову сказать, соответствовало взглядам З. Фрейда. Любопытно, что в случае, когда Дитя «отворачивается» от чего-то значимого с точки зрения других частей

индивидуальности, то единственная сила, способная повлиять на его выбор (в сторону предпочтения объекта) – это Взрослый. Только он, и никто другой, может «уговорить» Дитя; главное, чтобы Родитель не слишком помогал в этом Взрослому. Есть и другие наблюдения того же рода, прогнозируемые на основе транзактной модели выбора и подтверждаемые практикой.

Позже были предприняты шаги к экспериментальной апробации модели. Вместе с О.В. Митиной [16] мы сопоставили оценки, которые индивид получал по шкалам опросников Кетелла и Айзенка, с оценками терминальных ценностей с позиций Взрослого, Родителя и Дитя, а также с интегральной, или, иными словами, *мультисубъектной*, оценкой ценностей из списка терминальных ценностей (среди них такие, как «Творчество», «Активная деятельная жизнь», «Свобода», «Честность» и др.).

Нас интересовало, насколько «работает» предложенная модель «состыковки» Взрослых, Родительских и Детских интересов, будет ли предпочтение ценностей, «вычисленное» по модели, соответствовать характеру людей, совершающих выбор. Так оно и оказалось. Кроме того эти данные углубляли представления о взаимосвязи ценностей, которые исповедует личность, и гранями индивидуальности как мультисубъектного образования.

Например, выяснилось, что ценность *Творчества* выбирают люди с низкими показателями по фактору «G», то есть морально независимые, свободно трактующие существующие правила; люди с высоким уровнем психотизма (эгоцентризм, бесстрастность, неконтактность) выбирают *Свободу*, а с низким (характеризующимся сильным суперэго) – *Честность*.

Таким образом, мультисубъектные предпочтения, вытекающие из метаимплицативной модели выбора, по-видимому, неслучайным образом связаны с определенными индивидуальными проявлениями, то есть семантически им адекватны.

Понятие «саморегуляции» *вообще* выступит перед нами с большей отчетливостью, если мы противопоставим его другим эго-построениям: например, $(D \Rightarrow V) \Rightarrow P$, $(P \Rightarrow V) \Rightarrow D$, $(D \Rightarrow D) \Rightarrow V$, $(V \Rightarrow V) \Rightarrow V^6$ и т.п. Во всех этих случаях перед нами не «саморегуляция», а, скорее, процессы либо противоположные ей по сути, либо лишаящие ее специфической функции – настраивать индивидуальность на поведение, адекватное реальности «здесь и теперь», опосредствовать отношения между опытом, заимствованным у других, и собственным архаичным опытом жизни (эго-состояниями Родитель и Дитя).

В этом плане представляет интерес исследование того, что я называю «действительностью» эго-состояний [29, 32], то есть меры соответствия готовности индивидуальности к действию от: 1) Интенций Взрослого («интен-

⁶ Первый опыт обсуждения этих отношений содержится в [30].

циональные выборы»), 2) Указаний Родителя и 3) Чаяний Ребенка. О.В. Митина предложила использовать для анализа этих соответствий («действенности») метод детерминационного анализа Чеснокова; результаты нашего совместного исследования отражены в статье [16].

Вычислялись значения коэффициентов корреляции L (« L » - «личность», готовность индивидуальности к выбору, определяемая согласно формуле эго-построения РВД) с каждым из эго-состояний D , P , B для каждого респондента. Согласно нашей гипотезе, эго-состояния и готовность индивидуальности к выбору L как функции от эго-состояний, должны детерминировать определенные черты характера, выявляемые с помощью стандартных опросников. В экспериментальном исследовании каждый респондент характеризовался значениями переменных по показателям ряда личностных методик и коэффициентом корреляции вектора значений выборов ценностей L с векторами значений выбора ценностей B , P , D .

В результате специальной математической обработки данных (вычисление так называемой *существенности*), количественно определялась степень детерминированности личности со стороны эго-состояний Взрослый, Родитель, Ребенок: высокая существенность детерминации L со стороны эго-состояния B , P или D свидетельствует об акцентуированности личности в качестве носителя данного эго-состояния. Вводя представления о Взрослой, Родительской и Детской акцентуациях, мы, по предложению Митиной, вводим также и новые имена для «акцентуантов»: «Человек-Взрослый», «Человек-Родитель» и «Человек-Ребенок».

Приведем некоторые из полученных данных.

«Человек-Родитель» характеризуется внутренним локусом контроля (как в области неудач, так и в ситуациях, связанных с достижением успеха).

О «Человеке-Взрослом» подобного сказать нельзя. Последний, руководствуясь принципами целесообразности, отказывается признавать себя виновным во всех неудачах, соблюдая в этом принцип разумной середины. «Человек-Ребенок», полностью отказывается признавать себя ответственным за неудачи.

Высокие показатели по фактору G (сила - слабость Сверх-Я) детерминируются эго-состоянием Родитель, а низкие — Ребенок. Человеку-Родителю легче выдержать серьёзные трудности, чем пойти против своей совести. Принятых правил морали он придерживается не потому, что это выгодно, а потому, что считает это своим кредо. Если деятельность акцентуированного Родителя сопровождаются частые конфликты, то это, скорее всего, связано с тем, что он слишком последовательно и прямолинейно проводит в жизнь свои принципы.

Человек-Ребенок часто демонстрирует моральную независимость, существующие правила трактует свободно, даёт окружающим повод сомне-

ваться в своей надёжности. Его несобранность расценивается людьми как пренебрежение интересами тех, кто вместе с ним вкладывает усилия в общее дело, что, в свою очередь, может послужить причиной низкой оценки деловых качеств. Возможно, он не всегда находит нужным соблюдать общепринятые требования и нормы поведения. Принципы, по которым живёт акцентуированный Ребенок, далеко не всегда понятны людям.

Эго-состояние Родитель детерминирует высокие показатели по фактору Q3 (высокий – низкий самоконтроль поведения), что свидетельствует об организованности, умении контролировать себя, способности упорно и планомерно следовать поставленной цели. Человек-Родитель хорошо знает социальные требования, старается их выполнить, заботится о своей репутации.

В противоположность этой детерминации эго-состояние Ребенок детерминирует низкие показатели по фактору Q3, свидетельствующие о пониженном самоконтроле, импульсивности, жизни по настроению. Человеку-Ребенку трудно организовать, продумать и упорядочить свою деятельность, подчинить желания требованиям дела.

Существуют личностные характеристики, задающие оппозицию между разными эго-состояниями. Так, шкалы Интернальность – Экстернальность в области неудач, Сила Сверх-Я – Слабость Сверх-Я, Контроль желаний – Импульсивность задают оппозицию Родитель – Ребенок.

Таким образом, в контексте многофакторного исследования индивидуальности, при использовании схемы эго-построения ($B \Rightarrow P \Rightarrow D$), мы получаем вполне согласующиеся с транзактными представлениями и нашей собственной интуицией факты: личностные черты индивидуумов, устанавливаемые по многим методикам, **соответствуют** тем выборам, к которым их «подталкивают» эго-состояния Взрослый, Родитель, Ребёнок⁷.

Эти исследования подготавливают нас к постановке вопроса о том, насколько совершенной является саморегуляция индивидуальности, если иметь в виду сопоставление свойственных ей запросов (уровень притязаний различных агентов в структуре личности) и их достижений.

«Совершенная» и «несовершенная» саморегуляция

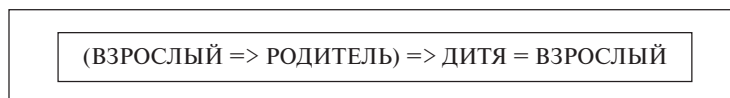
При разграничении «совершенной» и «несовершенной» саморегуляции мы опираемся на критерий «реализма», предложенный В.А. Лефевром [12]; реалистические выборы (то же самое, что и «интенциональные») характеризуются соответствием: «Интенция = Готовность». В наших терминах, речь

⁷ Существуют примеры опытной оценки меры соответствия данных эмпирического исследования интуиции экспертов (В.А. Петровский, [24], О.В. Митина, В.А. Петровский [15]). Но обсуждение этого вопроса выходит за пределы целей настоящего исследования.

идет о соответствии между субъективной необходимостью и объективной возможностью действовать в заданном направлении (или воздерживаться от подобных действий).

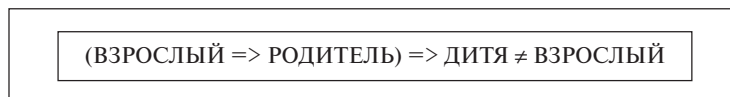
1. **Совершенная саморегуляция.** Отталкиваясь от идеи «интенциональных выборов» В.А. Лефевра, и воплощая ее в схемах транзактной модели, мы называем саморегуляцию совершенной в том, и только в том, случае, когда интенции Взрослого совпадают с внутренней состоятельностью индивида. Имея в виду этот особый случай, мы могли бы сказать: каковы намерения Взрослого, такова и состоятельность индивидуальности как целого (то есть ее внутренняя подготовленность действовать в соответствие с принятым намерением) (см. рис.).

СОВЕРШЕННАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ

2. **Несовершенная саморегуляция,** как ни прискорбно, богаче исходами. Во всех мыслимых случаях мы могли бы записать:

НЕСОВЕРШЕННАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ

В психологическом плане представляют интерес, по крайней мере, два случая (используем сокращенную запись):

$$A) (B \Rightarrow P) \Rightarrow D = P (P \neq B)$$

$$B) (B \Rightarrow P) \Rightarrow D = D (D \neq B)$$

Случай А) – пример несовершенной саморегуляции, которая может быть обозначена как *драйверное поведение*⁸. Следуя указаниям: «Будь Сильным!», «Будь лучшим!», «Старайся!», «Радуй других!», «Торопись!», человек входит в негативные сценарии, такие как «Никогда...» («Тантал»), «Пока не...» («Геракл»), «Опять и опять...» («Арахна»), «Почти...» («Сизиф»), «Потом...» («Дамокл») и др.

Случай Б) – пример несовершенной саморегуляции, которая, в терминах транзактного анализа, может быть адекватно описана как *сход с драйвера* [7]. Перед нами «прорывы сценария», выражающиеся в том, что взрослый чело-

⁸ Термин «драйвер» был введен транзактным аналитиком Таиби Калером (см. [7]).

век следует своим ранним (детским) решениям: «Не будь!», «Не взрослей!», «Не доверяй никому!», «Не думай!», «Будь беспомощен!» и т.п., а также проявляет необузданную раскованность, импульсивность, легкомыслие.

Примеры несовершенной саморегуляции не исчерпываются случаями А) и Б), могут быть рассмотрены другие формы и несоответствия между объективной готовностью действовать определенным образом и субъективной склонностью индивидуума действовать намеченным образом. Несостоятельность субъекта здесь может быть осмыслена так: «Взрослый *не в состоянии* действовать так, как считает нужным».

«Задача по вкусу»: реализм выбора

Со временем, конечно, будут установлены общие формы и найдены общие формулы, описывающие архитектуру деятельности как многоуровневой «ВРД-системы», распределения «сил» между разными эго-состояниями, которые вовлечены в деятельность и со-производят ее результат. Будут исследованы феномены взаимосвязи особенностей саморегуляции и содержания осуществляемой деятельности, меры ее значимости для индивида, ее места в иерархии других деятельностей, осознанности ее мотивов и т.д. и т.п.

Однако в данном случае мы остановимся на обсуждении значительно более узкого и вполне конкретного вопроса (он может рассматриваться как «стартовый» для всех последующих в данном направлении поиска), а именно: насколько *совершенной* является саморегуляция в деятельности, связанной с постановкой и разрешением задач, отвечающих личным предпочтениям индивида — его собственным интересам и ценностям? Каждую такую задачу условимся называть в дальнейшем «**задачей по вкусу**».

Выбирая для себя задачу «по вкусу» и оценивая перспективы ее решения, люди, как правило, придерживаются стратегии **реализма**, то есть соответствия субъективных интенций к действию (намерения) и объективной нацеленности на его осуществление (внутренняя состоятельность).

Поделимся результатами пилотажного исследования, посвященного проверке этой гипотезы и предпринятого автором на небольшой выборке испытуемых (37 человек). Испытуемым предлагалось описать свои мысли и чувства при решении наиболее привлекательной для них задачи, — «задачи по вкусу» («идеальной задачи»). Ниже мы приводим список отобранных вопросов. Читатель увидит справа от каждого из них в фигурных скобках числа «1» или «0». Они маркируют присутствие или отсутствие в утверждениях таких моментов как «намерение действовать» (первый элемент), «предвидение позитивного исхода» (второй элемент), «предчувствие позитивного исхода» (третий элемент). В самом опроснике, разумеется, фигурные скобки с соответствующей маркировкой смысловых аспектов

вопроса отсутствовали. Требовалось поставить крестик «х» на шкале «редко – часто», отвечая на общий вопрос о том, как часто, при решении такой задачи:

Вы:

1. Перепроверяете себя, пытаясь удостовериться в правильности своих догадок и предположений (как бы испытывая их на прочность)? {1,0,1};

редко ----- часто

2. Считаете нужным дождаться «того самого» счастливого случая, когда ситуация сама подскажет, как быть и что делать дальше (полагаетесь на удачное стечение обстоятельств, как был наталкивающий на открытие)? {0,1,1} (оценочную шкалы в тексте статьи больше не изображаем);

3. Исходите из необходимости «отмести» версии, кажущиеся Вам сомнительными? {1,0,0};

4. Думаете: вот бы пришел кто-нибудь и сказал, что делать дальше (да только, увы, не будет этого)? {0,1,0};

5. Верите в то, что не совершите ошибки, действуя так, а не как-то иначе? {1,1,1};

6. Отказываетесь решать задачу по-старому, «отстраиваетесь» от ситуации, внутренне подготавливаете к новому решению («переключаетесь»)? {0,0,1};

7. Вам не хочется ничего делать, нет никаких идей, не испытываете ничего, кроме ощущения полной бесперспективности? {0,0,0};

8. Думаете: «Надо попробовать!», хотя и чувствуете, что это совершенно напрасно? {1,1,0}⁹

При обработке материалов крайнему левому положению крестика на шкале «редко – часто» придавалось значение 0%, а крайнему правому – значение 100% (все другие значения рассматривались как пропорциональные расстоянию между местонахождением крестика на шкале и крайней левой точкой шкалы). Таким образом, по каждой из восьми шкал ($i = 1, 2, 3, \dots, 8$) мы получали характеристику «субъективной встречаемости» F_i состояния s_i . Величину F_i рассматриваем как абсолютную весовую характеристику «субъективной встречаемости» состояния s_i , а величину $f_i = F_i / (F_1 + F_2 + F_3 + F_4 + F_5 + F_6 + F_7 + F_8)$ как показатель относительной субъективной встречаемости данного состояния. Показатели относительной субъективной встречаемости могут рассматриваться как «слагаемые успеха» в процессе решения задачи «по вкусу».

⁹ В исходном опроснике каждая из восьми категорий вопросов включала в себя несколько вопросов сходной смысловой структуры {интенция, предвидение, предчувствие}. В результате интеркорреляционного анализа оставлены 8 вопросов, ответы на которые не коррелируют друг с другом, за исключением вопросов 7) (человек «в тупике») и 4) (человек «ищет соломинку»).

Далее определяется, как часто, с точки зрения самих испытуемых, они склонны действовать, а не избегать действия, то есть **сила интенции**. Этот показатель произведен от состояний: «бдительность» {1,0,1}, «скептицизм» {1,0,0}, «надежда умирает последней» {1,1,0}, «уверенность в успехе» {1,1,1}, $\text{Сила интенции} = f_1 + f_3 + f_5 + f_8$.

Таким же образом вычисляется показатель **шанс на успех**, образуемый состояниями: {0,1,1} – «везение», {0,1,0} – «соломинка», {1,1,1} – «уверенность в успехе», {1,1,0} – «надежда умирает последней». $\text{Шанс на успех} = f_2 + f_4 + f_5 + f_8$.

Тем же путем подсчитывается показатель **сила предчувствия**, определяемый состояниями: {1,0,1} – «осмотрительность», {0,1,1} – «везение», {1,1,1} – «убежденность в успехе», {0,0,1} – «как-нибудь само собой». $\text{Сила предчувствия} = f_1 + f_2 + f_5 + f_6$.

Показатель «сила предчувствия» рассматривался нами как источник для получения важного производного показателя – «ставка на чудо», «вера волшебство». В отличие от Взрослой «силы интенции» («необходимость») и Родительского «шанса на успех» («данность»), «ставка на чудо» (мечта, волшебство), как и предчувствие, есть проявление Дитя, но оно противоположно предчувствию: чем сильнее предчувствие, тем меньше востребовано чудо; последнее восполняет дефицит первого: $\text{Ставка на чудо} = 1 - \text{«сила предчувствия»} = 1 - (f_1 + f_2 + f_5 + f_6)$.

Итак, уровень внутренней состоятельности испытуемых определялся согласно формуле:

$$\begin{aligned} & \text{Внутренняя состоятельность} = \\ & = (\text{Сила интенции} \rightarrow * \text{Шанс на успех}) \rightarrow * \text{Ставка на чудо} = \\ & = \text{Сила интенции} \end{aligned}$$

Условие реализма, напомним, заключается в том, что сила интенции индивида совпадает с его внутренней состоятельностью в процессе решения задачи. Рассмотрим результаты исследования. Среднее значение показателя «силы интенции» по группе испытуемых равно 0,630; среднее значение «шансов на успех» – 0,477; среднее значение «ставки на чудо» – 0,404; среднее значение состоятельности испытуемых, выбирающих «задачу по вкусу» равно 0,603. Реализация Т-критерия с зависимыми выборками демонстрирует отсутствие значимого различия между силой интенции и внутренней состоятельностью испытуемых ($p < 0,05$).

Итак, выдвинутая гипотеза подтвердилась. Испытуемые в момент расчета собственных сил, имея дело с «задачей по вкусу», проявляют себя как подлинные «реалисты». Их саморегуляция, согласно принятому критерию, отвечает критерию совершенства: интенции, исходящие из эго-состояния Взрослый находит свое адекватное воплощение в эффекте готовности ин-

дивида действовать на уровне целого – «триумвирата» Взрослого, Родителя и Дитя.

В контрольной группе (37 человек) испытуемые-студенты были лишены возможности выбирать задачу самостоятельно (им было известно, что задача будет поставлена перед ними преподавателем, ведущим занятия). Выяснилось, что сила интенций к решению такой задачи значимо ниже, чем в основной группе испытуемых (что, конечно, неудивительно). Главное же состоит в том, что внутренняя расположенность (состоятельность) испытуемых контрольной группы решать задачу оказывается значимо *выше* ($p < 0,05$) субъективной интенции к ее решению (0,618 против 0,577). «Совершенный контур» саморегуляции мы прослеживаем в ситуациях деятельности, связанных с решением задач «по вкусу», а «несовершенный» – с решением задач «по указанию».

Еще один факт, полученный в этих экспериментах, имеет особое значение при описании проявлений индивидуальности *как целостности* во взаимоотношениях с миром. Трудно не обратить внимание на то, что уровень внутренней состоятельности испытуемых обеих групп колеблется вокруг «золотого сечения» (в первой группе это значение равно 0,603, во второй – 0,618). При объединении двух выборок получаем среднее значение состоятельности, равное 0,611 («золотое сечение» равно 0,617). Чем можно было бы объяснить этот факт?

Формула гармонии

Определяющей характеристикой субъектности индивида является его готовность к самовоспроизводству, и в частности, – благоприобретений опыта (мы отмечали этот признак ранее – см. первый раздел статьи). Из этого следует: если я однажды добился чего-то важного для своего существования, то в дальнейшем буду стремиться воспроизвести достигнутое. Положим, моя внутренняя состоятельность на предшествующем витке активности равна W . При этом появляются новые возможности, а значит и новая мотивация действия (объем невоплощенных усилий, «уровень притязаний»).

Теперь я готов «вкладывать» $W = R$ (новый ресурс, равный достигнутому уровню состоятельности) = N (новый уровень притязаний), чтобы в итоге воспроизвести всё то же W , но уже в качестве цели нового устремления¹⁰:

$$N \rightarrow R' = R \rightarrow R' = W = R, \text{ где } R' \text{ – искомый внешний ресурс.}$$

Как мы уже говорили ранее, логично считать оптимальной взаимную дополнительность (комплиментарность) усилий, направленных вовне, R , и

¹⁰ Заметим, что здесь действует ранее описанный нами постулат «какова амуниция, таковы и амбиции» («что достигнуто, то и вкладывается») [31].

внешних ресурсов, R' , которые при этом осваиваются.

$$R + R' = 1.$$

Таким образом, мы имеем здесь дело с двумя ранее рассмотренными критериями гармонии во взаимоотношениях между притязаниями и ресурсами индивидуальности. Вкладывая и воспроизводя W , я опираюсь на недостающий мне внешний ресурс, в точности равный дефициту ранее приобретенных возможностей. Но ранее мы показали, что уровень притязаний агента в таком случае равен «золотому сечению» (0,617...).

И таким образом остается только найти внешний ресурс, позволяющей воспроизвести уровень предшествующих благоприобретений.

Итак, перед нами формула гармонии человека во взаимоотношениях с миром, – «золотая формула»

$$W = W \rightarrow (1 - W) = 1 - W^2, \\ W = 0,617...$$

Люди организуют свою активность так, чтобы их притязания удовлетворялись за счет внешних ресурсов, объем которых восполняет дефицит ранее приобретенных возможностей.

Полагаем, что именно это обстоятельство объясняет эмпирическую картину колебания внутренней состоятельности людей при решении разных задач вокруг «золотого сечения».

Метаимплицативная модель выбора уровня трудности задачи

Рассмотрим еще сюжет – на этот раз, классический - относящийся к одной из наиболее разработанных глав психологии мотивации. Речь идет об исследовании деятельности человека в ситуации достижения. В какой мере мультисубъектная модель индивидуальности могла бы оказаться полезной для разработки этой классической темы, прежде всего проблематики «уровня притязаний», свободного выбора испытуемыми задач определенной степени трудности?

Определяющую роль в формировании гипотез и построения экспериментов, посвященных данной проблеме, играет «модель выбора риска», предложенная Дж. Аткинсоном [42, 43] полвека назад. Она предсказывает существование двух феноменологически различных групп испытуемых. Согласно модели, одни из них должны предпочитать, скорее, задачи среднего уровня трудности, а другие – выбирать для себя либо очень легкие, либо очень трудные задачи.

Известно, что модель Аткинсона «приблизительно верно» предсказывает поведение людей в ситуации свободного выбора задачи. Многие исследователи пытались добиться более точных прогнозов [39]. Настоящим

камнем преткновения было то, что испытуемые, мотивированные, скорее, успехом, чем неудачей, предпочитали не *средний*, а *повышенный* уровень трудности задач, вероятность решения которых находилась в диапазоне (0.3 – 0.4), а не на уровне 0,5, как предсказывала эта модель Аткинсона.

Попробуем подойти к решению этой проблемы, исходя из предложенной нами *метаимплекативной модели мотивации выбора* [31]. Будем считать, что в ситуации свободного выбора субъектом уровня трудности задачи информация о ее доступности запечатлена в его *предвидениях у* («представление о шансе на успех») и *чаяниях z* (*мечты, ставка на чудо, волшебные силы*); «Свободный выбор» задачи определяем как одновременное формирование *интенции* к ее решению (мобилизации усилий) *x* в сочетании с уровнем *предвидимой* вероятности ее решения *y* и *мечтой z*.

Как и в ранее рассмотренном нами случае (решение «задачи по вкусу»), ожидаемое удовлетворение от решения задачи соответствует значению метаимпликации $w^* = \langle \langle x \rightarrow^* y \rangle \rightarrow^* z \rangle$.

Исходим из следующих трех посылок (*постулатов адекватности предпочтений*):

1) Ожидаемое удовлетворение от решения задачи пропорционально затрачиваемым усилиям; максимуму усилий соответствует максимум ожидаемого удовлетворения (постулат пропорциональности ожиданий; другое название – «постулат интенциональности», в соответствии с принципом интенционального выбора в работах В.А. Лефевра [11, 12]). Из этого следует: $w = x$.

2) Усилия *x*, мобилизуемые для решения выбранной задачи, пропорциональны предвидимой трудности этой задачи y_d ; максимуму трудности соответствует максимум усилий (постулат пропорциональности затрат). Поскольку $y = 1 - y_d$, (доступность = уровень трудности наоборот), имеем $x = 1 - y_d$.

3) «Амбиции» субъекта, $\langle x \rightarrow^* y \rangle$, пропорциональны ощущению несбыточности мечты, то есть предчувствию неудачи $z_- = 1 - z_+$ (принимается также, что максимальная выраженность амбиций и предчувствия неудач равно 1). Из этого следует: $\langle x \rightarrow^* y \rangle = z_- = 1 - z_+$.

Суммируя сказанное, мы приходим к системе уравнений, описывающих выборы субъекта задач различного уровня доступности:

$\langle \langle x \rightarrow^* y \rangle \rightarrow^* z_+ \rangle = x$ <p>(из постулата пропорциональности ожиданий интенциям; «условие интенциональности выборов» В. Лефевра)</p> $x = 1 - y$ <p>(из постулата пропорциональности затрат предвидимой трудности задачи)</p> $\langle x \rightarrow y \rangle = 1 - z_+$ <p>(из постулата пропорциональности амбиций предчувствию неудачи)</p>
--

В результате подстановок и преобразований мы приходим к уравнению: $(1 - (1 - y)^2)^2 = y$, и находим три приемлемых его решения:

$$x_1 = 0.618... \text{ («золотое сечение»), } y_1 = 0.382..., z_{+1} = 0.382...;$$

$$x_2 = 0, y_2 = 1, z_{+2} = 0;$$

$$x_3 = 1, y_3 = 0, z_{+3} = 1.$$

Корни (x_i, y_i, z_{+i}) дают нам формулу «рационалиста», выбирающего задачи повышенного уровня трудности (вероятность решить задачу равна 0,382...), а корни (x_2, y_2, z_{+2}) и (x_3, y_3, z_{+3}) — «идеалиста», действующего либо на минимуме (вероятность решения близка к 1), либо на максимуме своих возможностей (вероятность решения близка к 0).

Метаимплицативная модель мотивации выбора, устраняя неточность, вытекающих из модели принятия риска Дж. Аткинсона прогнозов, позволяет назвать «идеальные точки» предпочтений для двух контингентов испытуемых. «Рационалисты» — это те, у кого Родительские и Детские предпочтения совпадают. «Экстремалы» — те, чьи Детские предпочтения конфликтуют с Родительскими. Так вот, «экстремалы» выбирают граничные значения трудности: либо эпатающе простые, либо сверхтрудные задачи. А «рационалисты» предпочитают задачи, трудность которых равна 62% (субъективная вероятность решения — 0,38). Я думаю, люди, знакомые с «золотым сечением» вообще и «золотыми сечением» как психологическим феноменом (например, по работам Лефевра), обнаружат в этих числах нечто большее, чем просто числа, — увидят символ некой гармонии. А если вернуться к прозе жизни, то перед нами оценки, соответствующие эмпирической картине выборов испытуемых с доминированием мотива достижения успеха над страхом неудачи — и мотива избегания неудачи над мотивом достижения успеха. Только сами эти мотивы оказываются раскрыты и переосмыслены в рамках мультисубъектного представления о об индивидуальности.

Взрослое эго рационалистов во взаимоотношениях с Родителем и Дитя придерживается принципа «Живи и давай жить!». А экстремалы, по сути, рассуждают так (цитирую Владимира Даля [36]): «Да, дело это нехорошее (Родитель)... А дай-ка попробуем!» (Дитя).

Высказанные соображения возвращают нас к проблеме индивидуальности как мультисубъектного образования. Является ли транзактный контур эффективной саморегуляции способом подлинного учета интересов и возможностей внутренних субъектов, что объединяются под эгидой Взрослого? Думается, лишь частично.

Со временем в поле ведения экспериментаторов (а не только практикующих психологов) окажутся феномены «разрегуляции» поведения индивидуальности вслед за достижением состояния «отрегулированности» — «стран-

ные» реакции людей, хорошо умеющих подчинять своему Взрослому эго интересы как Дитя, так и Родителя. В их числе:

- франкловские невроты людей, «умеющих жить правильно»;
- берновские проделки «демона»
- лермонтовские мотивы «паруса»;
- перфекционизм, неудовлетворенность достигнутым и т.д. и т.п.

короче всё то, что автор именуется общим термином: «неадаптивность» (грибоедовское «шел в комнату, попал в другую»), подчеркивая, вслед за В. Вундтом, а стало быть, опосредствованно, за Г. Гегелем, идею несовпадения целей активности и достигаемых результатов. Формальные основания для этого вывода следуют из предложенной модели. Положим, Взрослая часть личности в составе индивидуальности представляет собой субъекта эффективной саморегуляции: интенции x воплощаются в адекватную ей готовность к действию $w = x$. Кроме того, указания Родителя y столь же *действены*, то есть они воплощаются в готовность $w = y$. Наконец, допустим, что «хотения» («чаянья») Дитя также находят действенное, то есть равное им по уровню воплощение в готовности вести себя соответствующим образом, $w = z$. Итак, имеем:

$$\langle\langle x \rightarrow *y \rangle \rightarrow *z \rangle = w = x = y = z$$

Из этого равенства, в частности, следует:

$$\langle\langle x \rightarrow *x \rangle \rightarrow *x \rangle = x.$$

Из чего вытекает $\langle\langle x \rightarrow *x \rangle \rightarrow *x \rangle = x + (1 - x) \cdot (1 - x) \cdot x = x + (1 - x)^2 \cdot x = x$ (см. соотношение (*)).

Таким образом, получаем: $(1 - x)^2 \cdot x = 0$, $x = 0$, либо $x = 1$. В итоге есть два возможных варианта эго-построений:

$$1) \langle\langle 0 \rightarrow *0 \rangle \rightarrow *0 \rangle = 0;$$

$$2) \langle\langle 1 \rightarrow *1 \rangle \rightarrow *1 \rangle = 1.$$

Итак, мы имеем дело с двумя феноменами «всестороннего и полного» удовлетворения запросов индивидуальности посредством эффективной саморегуляции - назовем их «сюррегуляцией»:

Первый ее вариант $\langle\langle 0 \rightarrow *0 \rangle \rightarrow *0 \rangle = 0$: все части индивидуальности одинаково ничего не хотят, ничего не могут дать друг другу, индивидуальность не подает признаков жизни, саморегуляция отсутствует – в ней никто не нуждается.

Второй $\langle\langle 1 \rightarrow *1 \rangle \rightarrow *1 \rangle = 1$: все части индивидуальности в полном согласии друг с другом, имеют в избытке все, что необходимо друг другу, тем самым, необходимость в какой-либо саморегуляции отпадает сама собой.

Выводы

1) Индивидуальность – это особый полюс личности индивида. В отличие «личности», погруженности в других людей, это единственность и неповторимость индивида, а, стало быть, она не подлежит удвоению, копированию, имитации. Она – это потенциал субъектности, но сама не есть субъект, а скорее «республика субъектов», единичное «я».

2) В транзактных категориях описания, индивидуальность есть совокупный потенциал эго-состояний, «непостижимое» (неотразимое) условие саморегуляции.

3) Транзактный контур саморегуляции в структуре индивидуальности определяется следующими моментами: субъект саморегуляции есть эго-состояние Взрослый; объект саморегуляции – эго-состояние Дитя; посредник в процессах саморегуляции – эго-состояние Родитель

4) Механизм саморегуляции представлен метаимпликацией:

$\langle \langle x_{\text{Взрослый}} \rightarrow *y_{\text{Родитель}} \rangle \rightarrow *z_{\text{Дитя}} \rangle$. При этом

а) ближайший результат совершенной саморегуляции есть готовность Взрослого поступать согласно своим собственным намерениям, или, говоря другими словами, – внутренняя состоятельность индивидуальности при достижении собственных (разумных) целей:

$\langle \langle x_{\text{Взрослый}} \rightarrow *y_{\text{Родитель}} \rangle \rightarrow *z_{\text{Дитя}} \rangle = x$;

б) несовершенная саморегуляция – это, в частности, драйверное поведение, при котором Взрослый не может противостоять Родителю:

$\langle \langle x_{\text{Взрослый}} \rightarrow *y_{\text{Родитель}} \rangle \rightarrow *z_{\text{Дитя}} \rangle = y$,

или импульсивное поведение, «сходы с драйвера», при которых Взрослый не способен справиться с диктатом Дитя:

$\langle \langle x_{\text{Взрослый}} \rightarrow *y_{\text{Родитель}} \rangle \rightarrow *z_{\text{Дитя}} \rangle = z$.

5) Ставя перед собой «задачу по вкусу», индивид обнаруживает способность к совершенной саморегуляции (сила интенции и внутренняя расположенность к действию совпадают).

6) «Золотая» формула гармонии во взаимоотношениях индивидуальности с собой и миром имеет вид $W = \langle W \rightarrow (1 - W) \rangle = 1 - W^2$, символизируя тот факт, что люди, запрашивая то, чего не имеют, и находя то, что запрашивают, мобилизуют объем усилий W , равный «золотому сечению».

7) Модель саморегуляции позволяет уточнить эмпирическую картину свободного предпочтения людьми задач, отличающихся уровнем сложности, составляя альтернативу к модели принятия риска Дж. Аткинсона.

8) Саморегуляция рано или поздно заканчивается «разрегуляцией», в силу того, что эго-состояние Взрослый не может быть отождествлено в своих предпочтениях с эго-состояниями «использованных» при этом Родителя и Дитя.

9) Гипотетический результат саморегуляции – полнота проявления потенциала всех субъектов, образующих индивидуальность – предстает как недостижимая цель; она не может быть предвосхищена Взрослым, обеспечена Родителем, отвоевана Дитя. Существуют всего два варианта подобной гипотетической сюррегуляции («всестороннего и полного удовлетворения потребностей» посредством «эффективной саморегуляции»); в каждом из этих вариантов саморегуляция, по сути, бессмысленна: в первом случае, $\langle\langle 1 \rightarrow *1 \rangle \rightarrow *1 \rangle = 1$, ее осуществлять незачем, во втором случае, $\langle\langle 0 \rightarrow *0 \rangle \rightarrow *0 \rangle = 0$, – некому.

10) Могут быть обозначены и противопоставлены друг другу два подхода к пониманию индивидуальности, и, соответственно, места саморегуляции в её структуре: три лица одного субъекта versus три субъекта одного лица.

Литература

1. *Анисимова М.В.* Внутренний диалог в решении творческой задачи. Дипломная работа ст. 4-го курса факультета психологии, кафедра психологии личности, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.
2. *Асмолов А.Г.* Психология индивидуальности: Методологические аспекты развития личности в историко-эволюционном процессе. – Москва: Изд-во МГУ, 1986.
3. *Адамович Г.* Зинаида Гиппиус. // Зинаида Гиппиус. Живые лица. Санкт-Петербург. Изд. «Азбука-классика», 2004.
4. *Белинская Е.П.* Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива. – М.: Прометей. МПГУ, 2005.
5. *Берн Э.* Транзактный анализ в психотерапии. – М., 2001.
6. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. – Екатеринбург: 2004.
7. *Джойнс В., Стюарт Я.* Современный транзактный анализ. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996.
8. *Конопкин О.А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. – М.: Наука, 1980.
9. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975.
10. *Лепский В.Е.* Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. – М.: Институт психологии РАН. 1998. – 204 с.
11. *Лефевр В.А.* Алгебра совести. – М., 2004.
12. *Лефевр В.А.* В. Космический субъект. – М.: Ин-квартио. 1996.
13. *Максимова С.В.* Творчество: созидание или деструкция? – М., Академический проект, 2006.
14. *Маркина Н.М.* Соотношение ситуативной и надситуативной активности одаренных учащихся. Автореферат на соиск. уч. ст. к. пс. наук, 2003.
15. *Митина О.В., Петровский В.А.* Нетривиальность научного факта и психологическая экспертиза психологов как экспертов // Мир психологии. № 4, 2001.
16. *Митина О.В., Петровский В.А.* Транзактная модель рефлексивного выбора: опыт эмпирического обоснования // Образование и наука. Российская научно-методическая конференция 6-7 февраля 2004 г.: Сборник статей. – Самара, 2004. С. 138 – 145.

17. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции. – М., 1998
18. Моросанова В.И. Субъект и личность в исследованиях осознанной саморегуляции произвольной активности человека (Введение) // Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека / Под ред. В.И.Моросановой. – М.: ПИРАО. 2006. С. 3-10.
19. Петровский В.А., Петровский В.А. Категориальная система психологии // Вопросы психологии. № 5, 2000.
20. Петровский В.А. К психологии активности личности // Вопросы психологии, № 3, 1975.
21. Петровский В.А. Активность как «надситуативная деятельность»: Тез. научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. – М., 1976.
22. Петровский В.А. К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии, № 2. 1981.
23. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. – М.: Горбунок, 1992.
24. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов на/Д: Феникс, 1996.
25. Петровский В.А. Мультисубъектная персонология: Сб. трудов конференции Института экзистенциальной психологии и жизнотворчества. – М., 2004.
26. Петровский В.А., Тунгусова Т.А. Влияние прогноза на развитие событий. Экспериментальные методы исследования личности в коллективе. Ч. 1. – Даугавпилс, 1985.
27. Петровский В.А. Метасловарь транзактного анализа (предисловие) // Берн Э. Транзактный анализ в психотерапии. – М., 2001.
28. Петровский В.А. Транзактная модель рефлексивного выбора. Рефлексивные процессы и управление: Тез. III Международного симпозиума. – М., 2001.
29. Петровский В.А. Модель рефлексивного выбора: транзактная версия. (июль 2002) (рукопись, см. www.petrovskiy.ru)
30. Петровский В.А. «Эго-состояния» и готовность к рефлексивному выбору: Тез. конференции по практической психологии // Ежегодник Российского психологического общества: Психология и ее приложения. Вып. 9. – М. 2002.
31. Петровский В.А. Метаимплицативная модель экзистенциального выбора. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». – Самара, 2002.
32. Петровский В.А., Таран Т.А. Модель рефлексивного выбора: транзактная версия // КИИ-2002. VIII национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием: Тр. конференции. Т. 1. – М.: Физматлит, 2002.
33. Петровский В.А., Таран Т.А. Импульсная модель экзистенциального выбора // КИИ-2002. VIII национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием: Тр. конференции. Том 1. – М.: Физматлит, 2002.
34. Петровский В.А. Уровень трудности задачи: метаимплицативная модель мотивации выбора. // Психологический журнал. № 1, 2006.
35. Петровский В.А. Импликация: экспликация имплицитного // Рефлексивные процессы и управление. – М., 2006.
36. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. – М., 1957.
37. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М., 1973. – 337 с.
38. Таран Т.А. Многозначные булевы модели рефлексивного выбора // Рефлексивное управление / Сборник статей. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2000, с. 122–132.

-
38. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. В 2 т. / Под ред. Б.М.Величковского. – М.: Педагогика, 1986.
 39. Худышева М.К. Условия становления личностной состоятельности будущего профессионала. Автореферат дисс. на соиск. уч. степени к. пс. н., – М. 2004.
 40. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. – М.: Логос. 2006.
 41. Atkinson J.W. Motivational determinants of risk-taking behavior // Psychological Review. 1957. No. 64.
 42. Atkinson J.W. An Introduction to motivation. – N. J.: Princeton, 1964.

РЕФЛЕКСИЯ И МОСКОВСКИЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КРУЖОК

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ РОЛЬ МЕТОДОЛОГИИ Г.П.ЩЕДРОВИЦКОГО В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ФИЛОСОФИИ И ЛОГИКИ С РЕФЛЕКСИВНОЙ ПСИХОЛОГИЕЙ И ПЕДАГОГИКОЙ

И.Н. Семенов (*Россия*)

Российская академия государственной службы,
профессор, доктор психологических наук

Наиболее эффективно развиваются те области научного познания, где интенсивно осуществляется междисциплинарное взаимодействие. Его мощным катализатором в сфере социально-гуманитарных наук во второй половине XX века послужила системоделятельная методология и игротехника Георгия Петровича Щедровицкого (1929-1994). Фундаментальная роль принадлежит его новаторской методологической деятельности в становлении таких новых направлений современной науки, как рефлексивная психология (В.А.Лефевр, В.Е.Лепский, И.Н.Семенов, С.Ю.Степанов) и рефлексивная педагогика (Н.Г.Алексеев, О.С.Анисимов, В.В.Давыдов). Их возникновение и развитие во многом обусловлено междисциплинарным взаимодействием философии (где возникла проблематика рефлексии – Дж. Локк, И.Фихте, Г.Гегель), методологии и логики (где разрабатывались категориально-понятийные средства ее изучения – Г.П.Щедровицкий, В.А.Левфевр, Н.Г.Алексеев, И.С.Ладенко, Э.В.Ильенков, В.А.Лекторский, А.П.Огурцов, М.А.Розов, Т.Кун, М.Поляни,) с психологией и педагогикой (где формировались научные подходы ее исследования и развития – Д.Дьюи, Ж.Пиаже, Д.Флейвелл, П.П.Блонский, С.В.Кравков, О.С.Анисимов, В.В.Давыдов, А.З.Зак, В.Е.Лепский, В.В.Рубцов, В.И.Слободчиков, Я.А.Пононарев, И.Н.Семенов, В.И.Слободчиков, С.Ю.Степанов, А.А.Тюков, П.Г.Щедровицкий и др.).

Важно подчеркнуть, что при этом Г.П.Щедровицкий не только анализировал развитие психологии и педагогики извне (как методолог), но и рефлексировал (и конституировал) его изнутри – как профессиональный психолог и педагог. Ведь после окончания философского факультета МГУ он преподавал психологию в школе (1953 - 1958 г.г.), работал редактором в издательстве АПН РСФСР и в отделе теории журнала «Вопросы психологии» (1958 – 1960), научным сотрудником лаборатории психологии и психофизиологии НИИ дошкольного воспитания АПН РСФСР (1960 - 1965), лаборатории психологии принятия решений НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (1980-1983годы) и т.д. Помимо этого Г.П.Щедровицкий с титанической энергией участвовал в научной работе Общества психологов, создав в 1958 г. Комиссию по логике и психологии мышления и регулярно выступал с докладами как на заседаниях Комиссии, так и на Всесоюзных съездах (1959, 1961, 1963, 1971) Общества психологов СССР и различных психологических и педагогических конференциях. Но, разумеется, воздействие научной деятельности Г.П.Щедровицкого на психологию этим далеко не исчерпывается. Для характеристики этого воздействия необходимо выяснить роль его психологических работ в эволюции как собственного научного творчества, так и в развитии психологической и педагогической науки.

Рассмотрим в связи с этим ключевые прецеденты взаимодействия ММК с психологией и педагогикой в целях анализа роли логико-методологических разработок Г.П.Щедровицкого и его ближайших соратников в развитии отечественной общей, рефлексивной, педагогической, социальной и организационной психологии во второй половине XX века.

Вторая половина XX века была для отечественного обществоведения и человекознания периодом поиска и обретения самостоятельных путей развития через возвращение к традициям мировой научной мысли, а главное – через разработку новаторских принципов и инновационных методологических средств современного научного познания и организации социальной деятельности. Социально-исторические условия для этого открылись в период «оттепели»: именно на рубеже 1950-1960-х годов идеи содержательно-генетической логики и деятельностной методологии, разрабатывавшиеся в Московском методологическом кружке, стали оказывать все возрастающее воздействие не только на философию и методологию, но и на ряд социальных наук: лингвистику и социологию, психологию и педагогику, историю и культурологию, дизайн и проектирование, семиотику и эвристику, системотехнику и науковедение.

Начало экспериментальному исследованию мышления на рубеже XIX – XX веков положила знаменитая Вюрцбургская школа, на наш взгляд, экспериментальной психологии мышления, с критическим анализом работ которой молодой Н.Г.Алексеев познакомил Г.П.Щедровицкого в середине

1950-х годов. Наибольшее влияние методологические разработки ММК и теоретико-экспериментальные исследования Г.П.Щедровицкого оказали именно на общую и педагогическую психологию мышления. Это влияние осуществлялось в процессе становления ММК, развития в его рамках методологических представлений и способов мышления.

Логика развития ММК рельефно представляется следующим образом: 1) в начале (в 1950-е годы) доминировала разработка содержательно-генетической логики, 2) в 1960-е годы разрабатывалась системоделятельная методология, 3) в 1970-е годы была развита теория деятельности, 4) в 1980-е годы были созданы и получили массовое распространения организационно-деятельностные игры, 5) в 1990-е годы начало разворачиваться социально-методологическое движение 6) на рубеже 1990 – 2000-х годов была создана Школа культурной политики (см.: Семенов И.Н. Стенограмма выступления на съезде ММК. – М., 1993). В этом идейно-методологическом контексте происходила разработка психологической проблематики в ММК, осуществлявшаяся в виде ряда научно значимых прецедентов активного взаимодействия методологии Г.П.Щедровицкого с традиционной общей, социальной и педагогической психологией и педагогикой.

Первым прецедентом такого рода явилось обсуждение в ММК философско-методологической проблематики научного изучения мышления и разработка идей содержательно-генетической логики. Это нашло свое отражение в разработке Г.П.Щедровицким совместно с Н.Г.Алексеевым (1958) программных для ММК принципов анализа мышления как деятельности.

Вторым прецедентом стало участие Г.П.Щедровицкого и других членов ММК (Н.Г.Алексеев, В.А.Костеловский, И.С.Ладенко, В.А.Лефевр, В.М.Розин, В.Н.Садовский, В.С.Швырев, Э.Г.Юдин и др.) наряду со многими психологами (А.В.Брушлинский, В.В.Давыдов, В.П.Зинченко, А.А.Леонтьев, А.М.Матюшкин, Н.И.Непомнящая, Н.С.Пантина, Я.А.Пономарев, С.Г.Яacobсон и др.) в работе Комиссии по логике и психологии мышления Общества психологов АПН РСФСР во главе с П.А.Шеваревым.

Третий прецедент связан с конструктивной работой Г.П.Щедровицкого редактором издательства АПН РСФСР вместе с видными психологами В.В.Давыдовым, А.М.Матюшкиным, Я.А.Пономаревым, В.А.Костеловским. Так, эталонное значение приобрело редактирование Г.П.Щедровицким «Избранных трудов» крупного отечественного философа, психолога и педагога П.П.Блонского (1961), автора, на наш взгляд, классических работ по психологии мышления и первого в отечественной науке экспериментального исследования рефлексивности мышления школьников, проведенного в контексте педагогики обучения культуре рассуждения.

Четвертым прецедентом явился 10-летний проект ММК и Г.П.Щедровицкого по научному изданию, методологической критике и психологичес-

кому анализу трудов крупнейшего зарубежного философа-эпистемолога, психолога-экспериментатора и одного из зачинателей системного подхода в человекознании и психологии Ж. Пиаже. В рамках этого проекта Н.Г.Алексеев перевел его работу «Логика и психология», Н.И.Непомнящая опубликовала статьи в «Вопросах психологии» (1964, № 4) и других изданиях. Венцом же этого проекта явилась публикация ряда статей из ММК по психологии и методологии пиажизма в знаменитой «Педагогике и логике» (М.1968, 1993), а также издание тома с русскими переводами «Избранных трудов» Ж.Пиаже (под редакцией В.Н.Садовского и Э.Г.Юдина), но опубликованного лишь в 1969 году. Критический же анализ логико-психологической концепции мышления Ж.Пиаже и его системной методологии, проведенный участниками ММК с позиций содержательно-генетической логики (Г.П.Щедровицкий, 1960) и системно-деятельностной методологии, содержался не только во вступительной статье В.А.Лекторского, В.Н.Садовского и Э.Г.Юдина (1969), но и в ряде статей сборников «Обучение и развитие» (М.1966) и «Педагогика и логика» (М.1968, 1993). Особенно важную роль сыграла опубликованная в последнем сборнике статья Г.П.Щедровицкого «О системе педагогических исследований (методологический анализ)», которая имела конструктивное значение в методологическом и концептуальном плане для педагогических и психологических исследований (прежде всего мышления) и внедрения их результатов в инновационную образовательную практику.

Пятым прецедентом явилось приглашение в 1960 году Г.П.Щедровицкого академиком АПН А.В.Запорожцем в возглавлявшийся им Институт дошкольного воспитания. Здесь Г.П.Щедровицкий разработал (1960) и начал реализовывать стратегию нормативно-деятельностного подхода к логико-психологическому изучению мыслительной и игровой деятельности на материале педагогической организации учебной деятельности дошкольников. Идеи этой стратегии восходят к известным его совместным работам с Н.Г.Алексеевым «О возможных путях исследования мышления как деятельности» (1957-1962) и с В.А.Лефевром и Э.Г.Юдиным о различении «естественного» и «искусственного» (1965-1967), которые явились программными для ММК. Реализовалась же эта стратегия в психологическом плане в совместных экспериментах Г.П.Щедровицкого с С.Г.Якобсон (1962-1964) по нормативному анализу мышления на материале решения простых косвенных арифметических задач и с Р.Г.Надежиной (1964-1966) по философско-культурологическому, социально-психологическому и психолого-педагогическому анализу игры в целях интеллектуального и нравственного воспитания дошкольников.

В развитии этого нормативного подхода Г.П.Щедровицкого, Н.Г.Алексеева, В.А.Лефевра, В.М.Розина, Э.Г.Юдина, С.Г.Якобсон (1957-1971) нами

стал разрабатываться нормативный анализ способов решения творческих задач «на соображение» (Семенов И.Н., 1968, 1977) и изучаться мыслительная деятельность и ее рефлексивная регуляция с системно-деятельностных позиций (1976, 1979). Это привело позднее к созданию (И.Н. Семенов, 1992) научной школы рефлексивной психологии и педагогики творческого мышления (1979 – 1988) на базе системодеятельностной методологии.

Шестым прецедентом участия Г.П.Щедровицкого в развитии психологии явилось системодеятельностное изучение зарубежных классических психологических исследований творческого (продуктивного) мышления в лаборатории общетеоретических проблем ВНИИТЭ в 1965–1968 годах. Интерес Г.П.Щедровицкого и его сотрудников (О.И.Генисаретского, В.Л.Глазычева, В.Я.Дубровского, И.Б.Даунис, Н.С.Пантиной и др.) к указанной психологической проблематике объяснялся тем, что главными задачами лаборатории являлись: методологический анализ, теоретическое обобщение, концептуальное переосмысление и социотехническое проектирование дизайнерской деятельности в целях конструирования теории дизайна как целостной системы и педагогики обучения дизайнеров.

Для достижения этих целей, согласно стратегии Г.П.Щедровицкого, предполагалась, помимо всего прочего, ассимиляция основных достижений классической психологии мышления, в особенности гештальтизма и когнитивизма. Конструктивным опытом этого явилась методологическая реконструкция в «Педагогике и логике» (М.1968) концепции интеллектуального развития крупнейшего зарубежного психолога XX века Жана Пиаже. В этой лаборатории был подготовлен в 1967 году Научный отчет «Мышление дизайнера. Средства и методы исследования проектировочной деятельности».

Этот фундаментальный и объемный отчет состоял из трех разделов: 1) Психологические теории мышления. Критическое обсуждение (И.Б.Даунис, Н.С.Пантина, с. 12-142); 2) Элементы теории деятельности (О.И.Генисаретский, с. 144-219); 3) Исследование проектировочной деятельности (В.Л.Глазычев, с. 220-269). Первый собственно психологический раздел этого отчета состоял из двух глав: «Психология продуктивного мышления» К.Дункера (И.Б.Даунис, с. 12-76) и «Средства и методы психологического исследования мышления в работах Н.Майера и Л.Секея» (Н.С.Пантина, с. 77-142). Как отмечает в предисловии к отчету О.И.Генисаретский: «Материал глав принадлежит к социальному плану исследований деятельности и содержит схематическое описание процессов индивидуального решения задач, связи деятельности в норме с ее реализацией в механизмах сознания, а также критику психологического подхода к мышлению, выполненную с позиций деятельности. Результаты этих работ могут быть использованы в решении методической и образовательной проблем дизайна, а также при формировании его теории.» (О.И.Генисаретский, В.Л.Глазычев, 2004, с. 226).

Дизайнерская часть этого отчета издана лишь недавно (О.И.Генисаретский, В.Л.Глазычев, 2004), а психологическая до сих пор не опубликована.

Эта системоделятельная реализация одной из, на наш взгляд, фундаментальных для психологии и педагогики научно-исследовательских стратегий на системно-нормативное изучение (в т.ч. логико-психологическое и проектно-дизайнерское) мышления осуществлялась Г.П.Щедровицким с его соратниками и последователями в течение трети века на различном эмпирическом материале: 1) нормативного решения простых арифметических задач (Г.П.Щедровицкий, 1960, 1965; Г.П.Щедровицкий, С.Г.Якобсон, 1963, 1964; А.С.Москаева, 1963, 1968), 2) алгебраических задач (Н.Г.Алексеев, А.С.Москаева, 1964; Н.Г.Алексеев, 1968), 4) геометрических задач (В.М.Розин, 1963, 1964), 5) физическим задач (В.И.Дубовская, 1970, В.А.Лефевр, 1963), 6) творческих задач «на смекалку» (Н.Г.Алексеев, 1983; Н.Г.Алексеев, И.Н.Семенов, 1979; И.Н.Семенов, 1973, 1976), 7) творческих задач в сфере дизайна (Г.П.Щедровицкий, О.И.Генисаретский, В.Л.Глазычев, И.Б.Даунис, Н.С.Пантина, 1967).

В конце 1968 года Г.П.Щедровицкий был вынужден уйти из ВНИИТЭ и в 1969–1974 годах работал в Центральной учебно-экспериментальной студии Союза художников СССР, где продолжал интересоваться проблемами творческой деятельности и мышления. Необходимо отметить, что его соратник по ММК Э.Г.Юдин в 1975 году организовал во ВНИИТЭ лабораторию методологии деятельности, куда пригласил участников ММК Н.Г.Алексеева и И.Н.Семенова, они с системоделятельными позициями позднее в группе методологических проблем эргономики развивали нормативно-эргономический подход к инженерно-психологическому изучению мышления на материале решения задач поиска и принятия решения оператором (Н.Г.Алексеев, И.Н.Семенов, 1977; 1991). Одной из конструктивных предпосылок этому послужила разработка Г.П.Щедровицким (1971) и его соратниками В.Я.Дубровским и Л.П.Щедровицким (1971) методологических проблем инженерной психологии. Эти исследования методологов-эргономистов послужили экспериментальной базой для теоретической разработки методологических средств эргономики (Н.Г.Алексеев, И.Н.Семенов, А.Б.Шейн, 1979; Э.Г.Юдин, 1976, 1978), что явилось одной из предпосылок возникновения созданной Н.Г.Алексеевым Останкинской методологической школы (см.: И.Н.Семенов, 1992) и, одновременно, конструктивной формой социализации системоделятельных принципов ММК в эргономике и в дизайне.

Седьмым прецедентом научной деятельности Г.П.Щедровицкого в сфере психологии явился разработанный им социокультурный проект по социализации достижений ММК (сначала в виде концептуальных принципов и методологических средств содержательно-генетической логики, а за-

тем в форме психотехники и социопрактики организационно-деятельностных игр) в философско-методологическом, социально-экономическом и психолого-педагогическом научном сообществе.

Восьмым прецедентом взаимодействия методологии Г.П.Щедровицкого с педагогической психологией и педагогикой явилась его преподавательская, исследовательская и организационная деятельность в Московском институте физической культуры, где он работал преподавателем в 1974 – 1980 годах. Здесь во второй половине 1970-х годов Г.П.Щедровицкий являлся инициатором и руководителем инновационных разработок по применению системодетальной методологии для решения проблем комплексной организации подготовки в спорте высших достижений, психологического обеспечения групповых взаимоотношений в спортивных командах, психологии и педагогики взаимоотношений в системах «тренер – спортсмен», «тренер – команда», «тренеры – руководители». С 1974 г. Г.П.Щедровицкий входит в Научный совет Спорткомитета СССР, руководит созданной им «Комиссией структурно-системных исследований и разработок в сфере физкультуры и спорта». Здесь, как всегда и везде, он организует и проводит (совместно с Н.Г.Алексеевым, Д.А.Аросьевым, В.И.Астаховым, В.В.Давыдовым, С.И.Котельниковым, В.Д. Неверковичем, А.А. Тюковым, П.Г.Щедровицким и др.) многочисленные семинары и конференции по проблемам системодетального анализа в спорте и методологии взаимодействия различных специалистов в научно-педагогическом обеспечении спортивной деятельности и управлении ею. Одним из важных для психологии результатов этой многогранной концептуально-методологической и организационно-педагогической работы является трансформация учебно-деловых игр (с тренерами, работавшими в центрах олимпийской подготовки) в организационно-методологические игры-семинары по решению предметно-ориентированных (в данном случае, спортивно-педагогических) проблем. В дальнейшем эти управленческо-методологические игры стали прообразом знаменитых организационно-деятельностных игр и одним из истоков социально-методологического ОДИ-движения.

Девятым весьма значимым для психологии и педагогики *прецедентом* явилась организация Г.П.Щедровицким в 1981 г. специального симпозиума в рамках ММК, посвященного проблемам рефлексии. Архив этого симпозиума опубликован лишь частично (см. напр.: доклад О.И.Генисаретского, 1999). В своих исследованиях и разработках Г.П.Щедровицкий (1973, 1975, 1994, 1998 и др.) постоянно обращался к проблематике рефлексии и развивал философско-методологические принципы ее теоретического изучения и практического использования, в т.ч. организационно-психологического и социально-педагогического. Сам Г.П.Щедровицкий (1998, с. 132-133) в докладе на одном из методологических семинаров, состоявшемся 6 октября

1977 г., относит начало систематических разработок проблемы рефлексии в ММК к концу 1964 года: «И вот с того момента, когда была впервые зарисована эта схема (декабрь 1964 года) впервые произошла «онтологизация» и «объективация» представления о «групповой интеллектуальной деятельности». ... И появилось понятие (уже в рамках этой «групповой интеллектуальной деятельности») о «рефлексии». Термином мы пользовались и до этого, и, скажем, обсуждали роль рефлексии в процессе учения, и это, фактически, было осознание. А здесь представление перевернулось. Этот момент нужно исследовать специально — в чем здесь был поворот. ... Первоначально — еще лет пять — эти две вещи тоже разворачивались параллельно, но уже как теоретические — возникла «теория рефлексии» — как интеллектуальной деятельности, и «теория мышления», которая оставалась индивидуализированной. ... И когда Лефевр рисовал свою «групповую деятельность» и рефлексивные процессы — это шло в контексте «игры», а не мышления, шло в контексте «деятельности». ... Именно из расщепления представлений о «кооперации» и об управлении и возникло понятие рефлексии. И первоначально была взята та же графика». (Г.П.Щедровицкий, 1998, с. 133).

В связи с этим необходимо отметить, что позднее в научной школе педагогической психологии В.В.Давыдова рефлексия первоначально трактовалась именно как рассмотрение или осознание субъектом оснований способов деятельности, а статья Н.Г.Алексеева в «Педагогике и логике» (1968) была посвящена проблеме рефлексии в контексте формирования осознанности способов решения алгебраических задач. Замечу, что наш собственный научно-психологический интерес к проблематике рефлексии также восходит к периоду активной работы в кружке Г.П.Щедровицкого во второй половине 1960-х годов. Оттуда и берет свое методологическое начало научная школа рефлексивной психологии и педагогики творческого мышления (см.: Семенов И.Н., 1973, 1976, 1992), развивавшаяся в тесном взаимодействии с другими научными школами, прежде всего с созданными Г.П.Щедровицким и его соратниками по ММК Н.Г.Алексеевым, И.С.Ладенко и В.А.Лефевром (об их вкладе в рефлексивную психологию см. наши статьи в ж. «Рефлексивные процессы и управление» 2001, № 1; 2004 и 2005 № 2) а также — классиками отечественной психологии мышления П.Я.Гальпериным и Я.А.Пономаревым (см. наши статьи в ж. «Мир психологии», 2006 № 1 и в сборнике «ММК в лицах», Ч 1. М. 2006 и Ч.2. — М., 2007).

Важно подчеркнуть, что интерес Г.П.Щедровицкого к рефлексии углублялся с 1964 года на протяжении тридцати лет (1973, 1973, 1993). В декабре 1986 года Г.П.Щедровицкий приехал в Новосибирск, где в Академгородке И.С.Ладенко и И.Н.Семенов организовали вторую междисциплинарную конференцию по рефлексии на тему «Проблемы логической организации

рефлексивных процессов». На конференции соратники по ММК обсуждали логику его развития, приведшую на новом витке эволюции к разработке новых подходов к изучению рефлексии в различных аспектах - логическом, психологическом, педагогическом.

Многолетние конструктивные дискуссии с Г.П.Щедровицким во многом привели его соратников и учеников к концептуальному самоопределению относительно трактовки рефлексии, формированию собственных исследовательских позиций и стратегий ее изучения и, в конечном счете, — к созданию самостоятельных научных школ в сфере психологии рефлексии (Н.Г.Алексеев, О.С.Анисимов, В.В.Давыдов, И.С.Ладенко, В.Е.Лепский, В.А.Лефевр, И.Н.Семенов, В.И.Слободчиков, С.Ю.Степанов, А.А.Тюков и др.), изучение ее проблематики принимает в последнее время общенаучное значение в человекознании и практическое применение в социальной практике, в особенности в организации множества разнообразных ОДИ и в психотехнике школы культурной политики.

Десятым прецедентом воздействия методологии Г.П.Щедровицкого на организационно-рефлексивную психологию и инновационно-игровую педагогику являются созданные им методы и психотехнологии организационно-деятельностных игр. Важной в этом плане является работа в 1980–1983 годы в лаборатории психологии принятия решений НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, где он занимался организационной психологией оргуправленческой деятельности. Методологической базой для этого служит онтологическая экспликация и системно-структурная реинтерпретация концептуальной схемы мыследеятельности, опубликованная Г.П.Щедровицким позднее в Ежегоднике «Системные исследования. Методологические проблемы» за 1986 год.

Этому обобщению предшествовала подготовка им фундаментальной монографии «Постановка проблем и решение задач в условиях коллективной мыследеятельности», которая состояла из восьми глав: 1) Исследование коллективной мыследеятельности как социокультурная, методологическая и научно-практическая задача; 2) Проблемы организации исследований: от теоретико-мыслительной к оргдеятельностной методологии анализа; 3) Онтологические основания исследований процессов решения задач и проблематизации; 4) Организационно-деятельностная игра как новая форма исследований коллективной мыследеятельности; 5) Критический анализ существующих концепций; 6) Задачи и задачные формы организации коллективной мыследеятельности; 7) Проблемы и проблемная организация мыследеятельности; 8) Программирование мыследеятельности по решению проблем и задач (на материале руководства курсовыми работами в вузе). Две главы (вторая и третья) из этой монографии опубликованы в журнале «Вопросы методологии» в 1996 году (см.: Щедровицкий Г.П., 1996).

Здесь, во-первых, содержится краткая реконструкция и методологическая рефлексия изучения мышления в ММК; во-вторых, проводится методологический анализ и концептуальное обобщение собственных теоретико-экспериментальных исследований решения задач (в том числе с С.Г.Якобсон, 1960-1964); в-третьих, задается парадигмальный переход от теоретико-мыслительной к оргдеятельностной методологии; в-четвертых, проводится критический анализ традиционных философских и психологических концепций мышления; в-пятых, разрабатывается проблемная организация мыследеятельности; в-шестых, организационно-деятельностная игра трактуется как новая форма исследований коллективной мыследеятельности; в-седьмых, программируется мыследеятельность в педагогическом контексте обеспечения руководства курсовыми работами в вузе. Тем самым развитие коллективной мыследеятельности с соответствующим методологическим, психологическим и педагогическим обеспечением обосновывается как важная социокультурная и научно-практическая задача, которая конструктивно решается на базе системодетельностной методологии, реализуемой, в частности, посредством организационно-деятельностных игр.

Следует отметить, что наибольшую известность и несомненную популярность среди практических психологов и педагогов, профессионально работающих в социальной практике образования, управления, бизнеса и политики, имеют именно научные труды и практическая деятельность Г.П.Щедровицкого по методологии проектирования и проведения организационно-деятельностных игр как инновационная форма и эффективная метода современной психотехники.

Эта фундаментально-практическая работа по игротехнической социализации оргдеятельностной методологии началась на рубеже 1970-1980-х годов. Нам довелось участвовать в 1979 году на одной из первых ОДИ, проведенной Г.П.Щедровицким в пансионате «Новая утка» под Свердловском. Вскоре он начал формировать (из участников ветвящихся методологических семинаров) оперативные команды игротехников (Н.Г.Алексеев, О.С. Анисимов, Ю.В. Громыко, С.И. Котельников, С.В. Попов, Б.В. Сазонов, А.А. Тюков, П.Г. Щедровицкий и др. — см. «ММК в лицах». М.2006), которые во многом обеспечили радикальный инновационный сдвиг в мыследеятельности управленческой страты, приведший к формированию так называемого «нового мышления», реализовавшегося в эпоху перестройки 1985-1991 гг.

Стратегии проектирования и проведения ОДИ в теоретико-методологическом и организационно-методическом плане первоначально базировались на корпусе работ Г.П.Щедровицкого (1983, 1987, 1996 и др.) по системодетельностной и оргмыследеятельностной методологии. Затем игротехника стала развиваться и совершенствоваться от игры к игре, а опыт их подготовки и проведения описываться, рефлексироваться, транслироваться,

модифицироваться и множиться, что привело вылилось в мощное, самостоятельное саморазвивающееся социально-инновационное методологизированное движение. За четверть века проведены сотни, если не тысячи, ОДИ для конструктивной постановки и эффективного решения разнообразных актуальных теоретических проблем и, в особенности, многообразных насущных практических задач.

Таким образом, организационно-деятельностные игры являются мощным социотехническим механизмом, обеспечивающим не только эффективное решение социокультурных проблем, но и социализацию концептуально-методологических инноваций Г.П.Щедровицкого в современную науку и практику, и, в частности, в психотехнику и в проектно-игровую педагогику.

Содержательно-генетическая логика и системодетельностная методология Г.П.Щедровицкого, ее научно-концептуальная и организационно-методическая реализация в человекознании оказали инновационное воздействие на современную психологию и педагогику. При оценке выдающегося конструктивного вклада Г.П. Щедровицкого в психологию и педагогику, прежде всего, поражает диапазон его оригинальных исследований и конструктивных разработок во многих конкретных предметных областях психологической науки, в их числе культурно-историческое развитие мышления, соотношение обучения и развития, формы и содержание мышления, его средства и методы, процессы и способы решения стандартных и творческих задач, специфика понятийного, программированного, проблемного, продуктивного мышления, понимание и смысл, рефлексия и эвристика, психолингвистика и коммуникация, детская игра и детское сообщество, малые группы и организация коллективов, принятие решений и управление, дизайнерская и спортивная деятельность, педагогическая и инженерная психология, социальная и организационная психология, организационно-деятельностные игры и психотехника, методология психологии и педагогики.

Методологическую школу Г.П.Щедровицкого (на разных этапах своего профессионального становления в плодотворных дискуссиях с ним) прошли многие видные отечественные философы, психологи и педагоги: А.В. Брушлинский, О.И.Генисаретский, Б.А.Грушин, В.В.Давыдов, А.А.Зиновьев, В.П.Зинченко, В.В.Краевский, В.А.Лекторский, А.А.Леонтьев, М.К.Мамардашвили, А.М.Матюшкин, Я.А.Пономарев, В.Н.Пушкин, В.Н.Садовский, В.В.Столин, В.С.Швырев, В.С.Шехтер, Б.Г.Юдин, Э.Г.Юдин и др. В процессе возникновения и эволюции ММК Г.П.Щедровицким создан уникальный в социокультурном плане ветвящийся механизм порождения все новых генераций методологически мыслящих профессионалов, способных творчески вести оригинальные междисциплинарные исследования и системно-технологические разработки на переднем крае науки и практики. Под непосред-

ственным руководством Г.П.Щедровицкого и/или в сотворческих диалогах и теоретических дискуссиях с ним сформировалась целая плеяда методологически мыслящих профессионалов психологов нового типа, которые создали собственные научные коллективы и школы, оригинально разрабатывающие инновационные проблемы современной психологии и психотехнической практики.

Именно в разработке системно-концептуальных проектов и социокультурной организации прецедентов их социотехнической реализации на базе системодетельностной методологии ММК, а также в создании основ конструктивной рефлексивно-методологической культуры профессионалов-психологов и заключается основной вклад творческой деятельности Г.П.Щедровицкого как в современную психологическую и педагогическую науку (в особенности в общую, социальную, педагогическую, инженерную, спортивную и организационную психологию и педагогику деятельности, мышления, рефлексии, игры), так и в игровую психотехническую и социокультурную практику. Ее эффективность во многом основана на конструктивном междисциплинарном взаимодействии философии и логики с психологией и педагогикой, обеспеченном системодетельностной методологией, разработанной Г.П.Щедровицким с соратниками по ММК.

Литература

1. *Алексеев Н.Г., Зарецкий В.К., Семенов И.Н. и др.* Методология рефлексии концептуальных схем поиска и принятия решений. – Новосибирск. НГУ. 1991.
2. *Алексеев Н.Г., Семенов И.Н., Шеин А.Б.* Развитие методологических исследований в эргономике // *Техническая эстетика*. 1983. № 3.
3. *Генисаретский О.И., Глазычев В.Л.* Мышление дизайнера. Средства и методы исследования проекторочной деятельности. // *Теория дизайна*. – М. 2004
4. *Лепский В.Е.* О видах рефлексивного управления. // *Материалы IV съезда Общества психологов*. – Тбилиси. 1971.
5. *Лефевр В.А.* О различии «процесса решения» и «способа решения» задач // *Тезисы докладов на II съезде Общества психологов*. – М., 1963.
6. *Лефевр В.А.* О самоорганизующихся и саморефлексирующих системах и их исследованиях // *Проблемы исследования систем и структур*. – М. 1965.
7. *Лефевр В.А., Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г.* «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // *Семиотика и восточные языки*. – М. Наука. 1967.
8. *Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Алексеев Н.Г. и др.* Исследование проблем психологии творчества. – М. 1983.
9. *Семенов И.Н.* Методологические основы Московской школы рефлексивно-гуманитарной психологии и педагогики творчества // *Методологические концепции и школы в СССР*. / Вып. 2. – Новосибирск. 1992.
10. *Семенов И.Н.* Проблемы рефлексивной психологии решения творческих задач. – М. НИИОПП АПН СССР. 1990.
11. *Семенов И.Н.* Георгий Петрович Щедровицкий – выдающийся философ и педагог современности // *Инновационная деятельность в образовании*. 1994. № 2.

12. *Щедровицкий Г.П.* О принципах анализа объективной структуры мыслительной деятельности на основе понятий содержательно-генетической логики // Вопросы психологии. 1964. № 2.
13. *Щедровицкий Г.П.* Место логических и психологических методов в педагогической науке // Вопросы философии, 1964, № 7.
14. *Щедровицкий Г.П.* Исследование мышления детей на материале решений простых арифметических задач // Развитие познавательных и волевых процессов у дошкольников. – М., 1966.
15. *Щедровицкий Г.П.* Методологические замечания к педагогическому исследованию игры // Психология и педагогика игры дошкольника. – М. 1966.
16. *Щедровицкий Г.П.* Лингвистика, психолингвистика, теория деятельности // Теория речевой деятельности. – М. 1968.
17. *Щедровицкий Г.П.* Человек и деятельность в инженерно-психологических исследованиях // Проблемы инженерной психологии. Вып. 1.– М. 1971.
18. *Щедровицкий Г.П.* Коммуникация, деятельность, рефлексия // Исследование речемыслительной деятельности. – Алма-Ата. 1973.
19. *Щедровицкий Г.П.* Онтологические основания программы исследований мыслительной деятельности по решению проблем и задач // Вопросы методологии. 1996. № 3-4.
20. *Щедровицкий Г.П.* Организационно-деятельностная игра как новая форма организации коллективной мыследеятельности // Методы исследования, диагностики и развития международных трудовых коллективов. – М. 1983.
21. *Щедровицкий Г.П.* Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986. – М., 1987.
22. *Щедровицкий Г.П.* Мышление, понимание, рефлексия. – М., 2005.
23. *Щедровицкий Г.П.* Процессы и структуры мышления (курс лекций) / Из архива Г.П.Щедровицкого. Т. 6. – М. 2000.
24. *Щедровицкий Г.П.* Психология и методология (1): Ситуация и условия возникновения концепции поэтапного формирования умственных действий / Из архива Г.П.Щедровицкого. Т. 2. Вып. 1. – М. 2004.
25. *Щедровицкий Г.П., Алексеев Н.Г.* О возможных путях исследования мышления как деятельности // Доклады АПН РСФСР. 1957. № 3; 1958. № 1, 4; 1959. № 1, 2, 4; 1960. № 2, 4 - 6; 1961. № 4, 5; 1962. № 2-6.
26. *Щедровицкий Г.П., Якобсон С.Г.* К анализу процессов решения простых арифметических задач. Сообщения 1–V // Доклады АПН РСФСР, 1962, № 2-6.
27. *Щедровицкий Г.П., Якобсон С.Г.* Заметки к определению понятий «мышление» и «понимание» // Вопросы психологии, 1975, № 5.

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

РЕФЛЕКСИВНЫЙ АГЕНТ В ГРУППЕ

В.А. Лефевр (США)

Калифорнийский университет,
г. Ирвайн

В работе вводится модель агента, входящего в группу, члены которой способны оказывать влияние на его выбор. Агент обладает системой образов себя, которая предопределяется числом членов в группе и отношениями между ними. Модель позволяет предсказывать ограничения, накладываемые группой на выбор агента.

Введение

Мы строим модель рефлексивного агента, включенного в группу из нескольких агентов. У агента есть система образов себя, структура которой предопределяется структурой группы. Далее эту систему мы будем называть интегральным образом себя. Модель основана на конструкции, описанной в двух наших предшествующих работах (Lefebvre, 1982, 2007), а также на работе Таран (Taran, 2001), в которой рефлексивная модель была распространена на булеву алгебру со многими элементами. Мы полагаем, что каждая пара агентов, входящих в группу, находится в состоянии либо союза (консенсус), либо конфронтации (отсутствие консенсуса). Мы полагаем также, что существует непустое множество действий, которые могут быть реализованы Агентом (мы пишем это слово с большой буквы, чтобы отличить Агента, модель которого мы строим, от других агентов).

Каждый из входящих в группу агентов склоняет Агента выбрать из множества действий некоторое подмножество. В частности, это подмножество может быть и пустым. Если некоторый агент склоняет Агента выбрать пустое подмножество, это означает, что воздействующий агент стремится

удержать Агента от какого бы то ни было действия. В когнитивную сферу Агента заложено правило интеграции воздействий агентов группы. Итогом такой интеграции является подмножество, которое есть воздействие всей группы на Агента.

Агент обладает способностью генерировать интенции. Подмножество действий, которое Агент намерен выбрать, есть его интенция. Она может как зависеть, так и не зависеть от воздействий других агентов. Интенция рассматривается как самовоздействие. Мы назовем Агента интенциональным, если его выбор совпадает с его интенцией.

Интенциональному Агенту соответствует уравнение выбора. Каждое решение этого уравнения есть выбор подмножества действий. Такое уравнение может и не иметь решений. Это означает, что Агент не в состоянии ни произвести выбор, ни отказаться от выбора. Это уравнение может быть и таким, что любое подмножество действий (включая пустое) является его решением. В этом случае мы будем считать, что Агент обладает свободой выбора.

1. Множества

Рассмотрим непустое множество, которое далее будем называть универсальным, и обозначим его I . Пусть M есть множество всех подмножеств этого множества, включая пустое, обозначаемое 0 . Выражение $A \supseteq B$ означает, что B есть подмножество A . Выражение $A \supset B$ означает строгое включение B в A , т.е. $B \neq A$. Условимся операцию объединения двух множеств обозначать '+', а операцию пересечения — '•'. Черта над буквой обозначает унарную операцию нахождения дополнительного множества, т.е. \bar{A} есть множество элементов универсального множества, не входящих в A .

Для упрощения оперирования с множествами можно использовать диаграммы Венна. Например, на рис. 1.1 они приведены для объединения двух множеств, пересечения двух множеств и множества, дополнительного к данному.

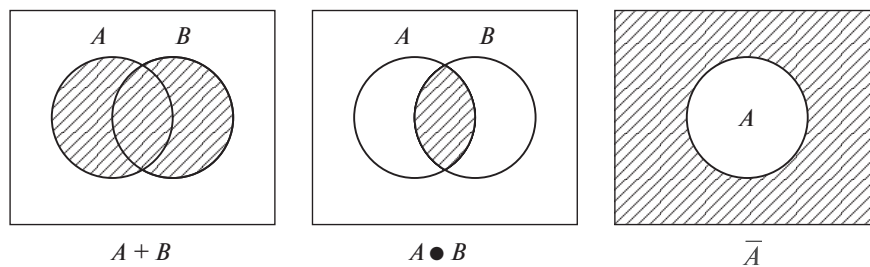

Рис. 1.1. Диаграммы Венна.

Квадрат соответствует универсальному множеству. Заштрихованная часть – результат соответствующей операции.

Для операций $+$, \bullet , $\bar{}$ справедливы следующие соотношения:

1. $A + A = A$	2. $A \bullet A = A$
3. $A + B = B + A$	4. $A \bullet B = B \bullet A$
5. $A + (B + C) = (A + B) + C$	6. $A \bullet (B \bullet C) = (A \bullet B) \bullet C$
7. $A \bullet (B + C) = (A \bullet B) + (A \bullet C)$	8. $A + (B \bullet C) = (A + B) \bullet (A + C)$
9. $A + B = \overline{\overline{A} \bullet \overline{B}}$	10. $A + 0 = A$
11. $A + I = I$	12. $\overline{\overline{A}} = A$
13. $A + \overline{A} = I$	14. $\overline{\overline{1}} = 0$

На множестве M могут быть заданы функции вида $y = F(a_1, a_2, \dots, a_k)$, принимающие значения из M , где переменные a_1, a_2, \dots, a_k определены на M . Далее мы будем рассматривать уравнение

$$f(x) = x, \quad (1.1)$$

представимое как

$$Ax + B\bar{x} = x, \quad (1.2)$$

где A и B не зависят от x . Оно имеет решения лишь при условии, что

$$A \supseteq B. \quad (1.3)$$

(см. *Taran, 2001*). Эти решения даются неравенствами

$$A \supseteq x \supseteq B. \quad (1.4)$$

Соотношения 1-14, приведенные выше, совпадают с системой аксиом для булевой алгебры. Поэтому, как хорошо известно, множество M с операциями $+$, \bullet , $\bar{}$ и отношением \supseteq может быть рассмотрено как булева алгебра. Если универсальное множество состоит из одного элемента, α , то булева алгебра состоит из двух элементов: единицы, $1 = \{\alpha\}$, и нуля, $0 = \{\}$.

Если универсальное множество состоит из двух элементов — α , β , то булева алгебра состоит из четырех элементов, $1 = \{\alpha, \beta\}$, $\{\alpha\}$, $\{\beta\}$, $0 = \{\}$. В общем, если универсальное множество состоит из k элементов, то соответствующая булева алгебра состоит из 2^k элементов.

Булевы алгебры удобно представлять в виде решеток (рис. 1.2 и 1.3).

Ребрам решеток соответствует отношение $A \supseteq B$, где B есть элемент, расположенный ниже на диаграмме.

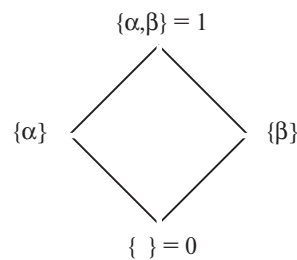

Рис. 1.2. Булева решетка, соответствующая универсальному множеству из двух элементов

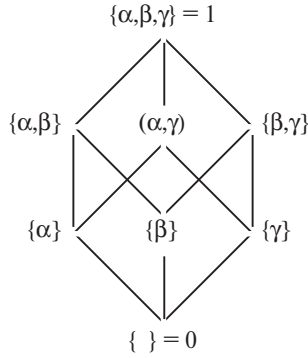

Рис. 1.3. Булева решетка, соответствующая универсальному множеству из трех элементов

Условимся представлять функцию

$$f(A, B) = A + \bar{B} \tag{1.5}$$

в экспоненциальной форме

$$f(A, B) = A^B \tag{1.6}$$

Легко видеть, что выполняются следующие равенства:

$$A^0 = 1$$

$$A^1 = A$$

$$A^B \bullet A^C = A^{B+C}$$

$$(A + B)^C = A^C + B^C$$

$$(A \bullet B)^C = A^C \bullet B^C$$

Условимся, что выражение A^{B^C} означает $A^{(B^C)}$.

2. Полные графы и их декомпозиция

Граф называется полным, если он либо элементарен, т.е. состоит из одного узла, либо если каждая пара его узлов, a и b , соединена ребром (a, b) . Ребра (a, b) и (b, a) эквивалентны. Мы разделяем все ребра неэлементарного полного графа на два непересекающихся множества (одно из которых может быть пустым) и называем эти множества отношениями R и \bar{R} . Если $(a, b) \in R$, то a и b связаны ребром R , что записывается как $a R b$. Если $(a, b) \in \bar{R}$, то a и b связаны ребром \bar{R} , что записывается как $a \bar{R} b$. Все последующие определения для R сохраняются и для \bar{R} .

Если каждый узел полного графа A связан с каждым узлом полного графа B ребром R , мы записываем это как ARB . Если полный граф G содержит подграфы A_1, \dots, A_n , находящиеся попарно в отношении R , мы говорим, что граф G разделен на эти подграфы и $G = A_1 R A_2 R \dots R A_n$. Полный граф, содержащий узлы a, b, c, \dots , мы будем обозначать $\langle a, b, c, \dots \rangle$.

Мы называем полный граф G стратифицируемым по R , если $G = A R B$. Графы A и B мы называем стратами. Если граф A есть страта графа G по R и если граф A не стратифицируем по R , то A есть минимальная страта графа G по R . Страта, состоящая из одного узла, называется элементарной.

Полный граф G называется декомпозируемым, если каждый его неэлементарный подграф стратифицируем либо по R , либо по \bar{R} . Такой граф может быть разделен на минимальные страты по некоторому отношению R . Каждая полученная неэлементарная страта может быть разделена на свои

минимальные страты по отношению \bar{R} . Эта процедура может повторяться до тех пор, пока среди минимальных страт не останется ни одной неэлементарной страты. Таким образом граф может быть представлен как дерево декомпозиции. Это дерево единственно, с точностью до нумерации ветвей (Lefebvre, 2001).

Не каждый полный граф с ребрами R и \bar{R} может быть декомпозирован. Рассмотрим, например, граф (рис. 2.1).

Граф на рис.2.1 не может быть представлен ни как ARB , ни как $\bar{A}\bar{R}\bar{B}$, поскольку он двусвязен. Мы обозначим его S_4 . Справедливо следующее утверждение: полный граф с двумя отношениями декомпозируем тогда и только тогда, когда среди его подграфов нет графа, изоморфного S_4 (см. Lefebvre, 2001). Это утверждение позволяет выяснить, является ли данный граф декомпозируемым. Заметим, что графы с двумя и тремя узлами всегда декомпозируемы.

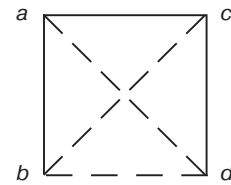

Рис. 2.1. Граф S_4 .
Сплошные линии соответствуют отношению R , а пунктирные – \bar{R}

3. Графы, каркасы и диагональные формы

Каждый декомпозируемый граф может быть представлен в виде линейной записи, состоящей из имен узлов, знаков R , \bar{R} и скобок. Рассмотрим, например, граф на рис. 3.1. Пусть сплошные линии соответствуют отношению R , а пунктирные \bar{R} . Этот граф не изоморфен S_4 . Поэтому он декомпозируем.

Его описывает линейная форма:

$$a\bar{R}(bR(c\bar{R}d)). \quad (3.1)$$

Она отражает следующие факты. Граф $\langle a, b, c, d \rangle$ разделен на два подграфа $\langle a \rangle$ и $\langle b, c, d \rangle$. Эти подграфы являются минимальными стратами в отношении \bar{R} . Граф $\langle b, c, d \rangle$ разделен на два подграфа: $\langle b \rangle$ и $\langle c, d \rangle$, которые являются минимальными стратами в отношении R . Наконец, граф $\langle c, d \rangle$ разделен на минимальные страты $\langle c \rangle$ и $\langle d \rangle$ в отношении \bar{R} , которые далее уже неразделимы, поскольку они элементарны.

Знаки R и \bar{R} в линейной записи могут быть заменены знаками \bullet и $+$. В результате получим запись, которую назовем каркасом полинома, или просто каркасом. Например, если заменить R знаком \bullet , а \bar{R} знаком $+$, то линейная форма (3.1) будет соответствовать каркасу (3.2):

$$a + (b \bullet (c + d)) \quad (3.2)$$

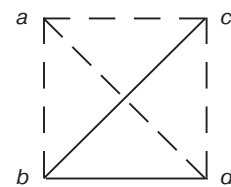

Рис. 3.1. Декомпозируемый граф

Условимся при записи каркасов делать ряд упрощений. Выражение вида $[(A)]$ может быть заменено выражением $[A]$. Запись $(A \bullet B)$ может быть заменена записью $A \bullet B$ или AB . Условимся называть знак $+$ сложением, а знак \bullet — умножением. Каркас, соответствующий декомпозируемому графу G , представим либо как сумма, либо как произведение других каркасов, каждый из которых соответствует минимальной страте графа G по одному и тому же отношению R . Мы будем называть эти каркасы минимальными слагаемыми и минимальными множителями.

Слагаемое минимально тогда, когда оно не может быть представлено как сумма других слагаемых, а множитель минимален тогда, когда он не может быть представлен как произведение других множителей. Мы будем называть каркас элементарным, если он содержит только одну букву.

Перейдем теперь к построению лингвистических конструкций, которые мы назовем диагональными формами. Каждая из них строится на основании некоторого каркаса полинома. Процедура построения такова:

1. Помещаем каркас полинома в квадратные скобки.
2. Если каркас элементарен, процедура заканчивается.
3. Если каркас является суммой минимальных каркасов, мы пишем справа-наверху-наискосок минимальные слагаемые, помещенные в квадратные скобки и соединенные знаком $+$.
4. Если каркас является произведением минимальных каркасов, мы пишем справа-наверху-наискосок минимальные множители, помещенные в квадратные скобки и соединенные знаком \bullet .
5. Для каждого каркаса, записанного справа-вверх-наискосок, повторяем процедуру, начиная с пункта 2.
6. Диагональная форма построена, когда каждый неэлементарный каркас имеет диагональные элементы.

В качестве иллюстрации построим диагональную форму, соответствующую каркасу (3.2). Во-первых, упростим запись каркаса, после чего помещаем его в квадратные скобки:

$$[a + b(c + d)]. \quad (3.3)$$

Мы видим, что этот каркас есть сумма двух каркасов: a и $b(c + d)$, каждый из которых есть минимальное слагаемое, поскольку не может быть представлен как сумма других каркасов. Следующим шагом мы пишем справа-наверху-наискосок сумму двух минимальных слагаемых, заключенных в квадратные скобки:

$$[a] + [b(c + d)] \\ [a + b(c + d)]. \quad (3.4)$$

На втором этаже есть два каркаса; первый, $[a]$, элементарен и не может быть представлен как сумма или произведение других каркасов, а второй

может быть представлен как произведение $[b] [c + d]$. Написав это выражение справа-вверх-наискосок от выражения $[b (c + d)]$, получаем

$$\begin{array}{r} [b] [c + d] \\ [a] + [b (c + d)] \\ [a + b (c + d)] \end{array} \cdot \quad (3.5)$$

Каркас $[b]$ элементарен, однако, каркас $[c + d]$ может быть представлен как $[c] + [d]$. В итоге мы получаем следующую диагональную форму:

$$\begin{array}{r} [c] + [d] \\ [b] [c + d] \\ [a] + [b (c + d)] \\ [a + b (c + d)] \end{array} \cdot \quad (3.6)$$

Эта форма соответствует графу на рис. 3.1, если знак умножения обозначает сплошное ребро, а знак сложения - пунктирное.

4. Полиномы и диагональные формулы

Наделим теперь понятия каркаса и диагональной формы операциональным смыслом. Будем рассматривать каждую букву, входящую в каркас, как переменную, определенную на множестве M , где M есть множество всех подмножеств непустого универсального множества. Далее будем рассматривать знак \bullet как операцию пересечения двух множеств, а знак $+$ как операцию объединения двух множеств. При такой интерпретации каркас превращается в некоторую функцию, представленную в виде полинома. Рассмотрим теперь каркас (3.2), полагая что он определен на множестве всех подмножеств универсального множества $\{\alpha, \beta, \gamma\}$ (см. рис. 1.3). Пусть

$$a = \{\alpha\}, b = 0, c = \{\alpha, \beta\}, d = \{\beta, \gamma\}.$$

Подставив эти значения в (3.2) и совершив преобразования, находим

$$\{\alpha\} + 0 (\{\alpha, \beta\} + \{\beta, \gamma\}) = \{\alpha\}. \quad (4.1)$$

Каркас, наделенный таким операциональным смыслом, будет называться полиномом. Диагональная форма теперь может быть рассмотрена как дерево полиномов. Зная значения букв, мы можем вычислить значения полиномов, расположенных на всех этажах. Отметим, что одна и та же буква, входящая в различные полиномы, может принимать различные значения. Чтобы превратить диагональную форму в инструмент вычисления, мы должны связать полиномы, лежащие на разных этажах. Заметим, что каждая диагональная форма, кроме элементарной, может быть представлена в виде укрупненного дерева, показанного на рис. 4.1. Корень этого дерева соответствует исходному полиному.

Белые кружочки соответствуют диагональным формам, чьи корни находятся на втором этаже. Эти формы связаны одним и тем же знаком (либо \bullet ,

либо +). Пусть нам известно множество, соответствующее сумме или произведению форм. Обозначим это множество Q . Пусть P есть множество, соответствующее корню дерева, показанного на рис. 4.1. Мы полагаем, что

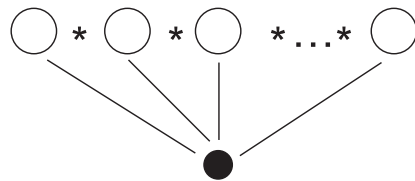

Рис. 4.1. Укрупненное дерево, соответствующее диагональной форме

диагональной форме соответствует множество

$$R = P + \bar{Q}. \tag{4.2}$$

Теперь мы можем вычислить значение, соответствующее любой диагональной форме. Для этого мы должны начинать вычисление с элементарных форм, которым соответствуют узлы дерева, из которых не выходят ветви.

Положим, например, что в выражении (3.6) a на первом этаже равно 1, а на втором 0; значения остальных букв равны $b = 1, c = 0, d = 1$. После подстановки и вычислений получаем

$$\begin{aligned} & [0] + [1] \\ & [1] [0 + 1] \\ & [0] + [1 (0 + 1)] \\ [1 + 1 (0 + 1)] & = 1. \end{aligned} \tag{4.3}$$

Диагональную форму, для которой задано множество возможных значений переменных и определены операции, мы называем диагональной формулой. Относительно каждой переменной, входящей в диагональную формулу, может быть записано уравнение. Пусть, например, в выражении (3.6) переменная a есть неизвестная величина, $b = 1, c = 0, d = 0$. Рассмотрим уравнение

$$\begin{aligned} & [0] + [0] \\ & [1] [0 + 0] \\ [a] + [1 (0 + 0)] & = a. \end{aligned} \tag{4.4}$$

После преобразований приходим к уравнению

$$a + \bar{a} = a, \tag{4.5}$$

из которого находим, что

$$a = 1. \tag{4.6}$$

В более сложных случаях следует использовать соотношение (1.4).

5. Моделирование Агента

Каждая диагональная формула имеет вид дерева, узлам которого соответствуют полиномы. Узлы дерева распределены по этажам. Мы полагаем, что все дерево соответствует Агенту. Деревья с корнями на втором этаже

соответствуют образам себя у Агента. Деревья с корнями на третьем этаже соответствуют образам себя, которые есть у образов себя, и т.д. Значение формулы, соответствующей Агенту, есть выбор Агента. Значение формулы, соответствующей образу, есть выбор этого образа. Концы ветвей дерева, которым соответствуют полиномы, состоящие из одной буквы, мы будем называть примитивными образами себя. У этих образов нет образов себя. На первом этаже находится лишь один полином. Его значение есть воздействие всей группы на Агента, которое им не осознается. Значения полиномов, находящихся на втором этаже, есть воздействия на себя, с точки зрения Агента. Значения полиномов, находящихся на третьем этаже, есть воздействие на себя с точки зрения образов себя и т.д. Все образы себя принадлежат сфере сознания Агента. За такой интерпретацией стоит предположение, что в когнитивной системе Агента происходит разложение графа на минимальные страты. Как мы показали выше, минимальные страты связаны друг с другом каким-либо одним отношением. Мы также считаем, что образы себя связаны друг с другом тем же отношением, каким, с точки зрения Агента, связаны воздействующие на них страты.

Пусть $\{\alpha, \beta, \gamma, \dots\}$ множество действий, которые может совершать Агент. Пусть M есть множество всех подмножеств этого множества. Множество M мы будем называть множеством альтернатив. Пусть также относительно каждого непустого $m \in M$ известно, совместимы ли все действия, входящие в него. Совместимость означает, что они могут быть реализованы одновременно. Мы считаем, что каждое действие совместимо с самим собой. Поэтому в любом множестве m есть непустое подмножество, состоящее из совместимых действий. Мы полагаем, что выбрав m , Агент способен реализовать любое непустое подмножество множества m , состоящее из совместимых действий.

Каждая из букв a, b, c, \dots соответствует некоторому члену группы. Ее значение есть множество действий, к выбору которых данный член группы стремится склонить Агента в реальности, или с точки зрения Агента, или его образов себя; причем точка зрения Агента может отличаться от точек зрения его образов. Поэтому в различных полиномах диагональной формулы значения одной и той же буквы могут быть различными. Одна из букв всегда соответствует Агенту. Ее значение есть самовоздействие или интенция Агента выбрать определенное множество.

Перейдем теперь к интерпретации операций \bullet и $+$. Выражение $b \bullet c$ означает, что агенты b и c находятся в союзе, и когнитивная система Агента «полагает», что между ними возникает консенсус, в результате которого появляется давление группы, состоящей из b и c , являющейся пересечением множеств, соответствующих b и c . Аналогично, выражение $B \bullet C$ интерпретируется как союз между группами B и C .

Выражение $b + c$ означает, что агенты b и c находятся в конфликте, и группа, состоящая из этих агентов, склоняет Агента выбрать множество действий, которое является объединением множеств, соответствующих b и c . Выражение $B + C$ интерпретируется как конфликт между группами B и C .

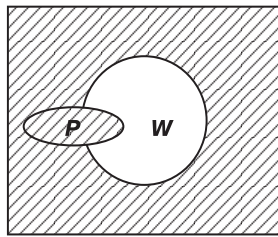
Агент, его непримитивные образы себя, а также непримитивные образы себя, которые есть у образов, могут быть представлены в виде выражения (5.1):

$$q = P^W = P + \overline{W}, \quad (5.1)$$

где

$$W = A_1 * A_2 * \dots * A_k, \quad (5.2)$$

* есть либо \bullet , либо $+$; P – воздействие группы на Агента; W – система образов себя; A_i – отдельные образы себя. Каждый образ себя, A_i , есть агент, и он способен совершать выбор элемента из M . Группа образов себя, находящихся в попарных отношениях \bullet или $+$, может быть рассмотрена как интегральный образ себя, способный к выбору. Переменная W (см. 5.2) представляет множество действий, которое выбирает интегральный образ себя. Функции (5.1) соответствуют следующая диаграмма Венна (рис. 5.1). Обоснование использования именно этой функции дается в разделе 8.

$$q = P + \overline{W}$$

Рис. 5.1. Выбор Агента. Множество, которое соответствует его выбору, заштриховано

Предположим, что на всех этапах своей рефлексии Агент правильно отражает воздействия других агентов, поэтому значение одной и той же буквы во всех полиномах, входящих в формулу, одно и то же.

Агент может быть представлен как функция

$$y = \Phi(a, b, c, \dots), \quad (5.3)$$

где значение a представляет самовоздействие или интенцию. Это то множество действий, которое Агент намерен выбрать. В модели, которую мы построили к этому моменту, множества a и y могут быть различны. Это означает, что выбор Агента может не совпадать с его интенцией (намерением). Сделаем теперь следующий шаг. Назовем выбор Агента интенциональным, если $a = y$, т.е. Агент совершает именно тот выбор, который желает совершить. Такому выбору соответствует уравнение

$$a = \Phi(a, b, c, \dots). \quad (5.4)$$

При заданных значениях b, c, \dots интенциональный выбор возможен лишь тогда, когда уравнение (5.4) имеет по крайней мере одно решение. Далее будем анализировать Агента, стремящегося совершить интенциональный выбор.

6. Примеры анализа

Рассмотрим следующую ситуацию. Пусть a – сын, b – отец, c – мать. У сына отличные отношения и с отцом, и с матерью, которые находятся в конфликте между собой. Сын собирается жениться и может выбрать либо девушку Альфа, либо девушку Бета, но может и не жениться.

Пусть действие α есть женитьба на Альфе, а действие β – женитьба на Бете. Универсальное множество в этом случае есть $\{\alpha, \beta\}$. Множество альтернатив M есть множество всех подмножеств универсального множества:

$$M = \{\{\alpha, \beta\}, \{\alpha\}, \{\beta\}, \{\}\}. \quad (6.1)$$

Множество M представлено в виде решетки на рис. 6.1. Группе, состоящей из сына, отца и матери, соответствует граф на рис. 6.2. Поскольку он имеет три узла, он декомпозируем.

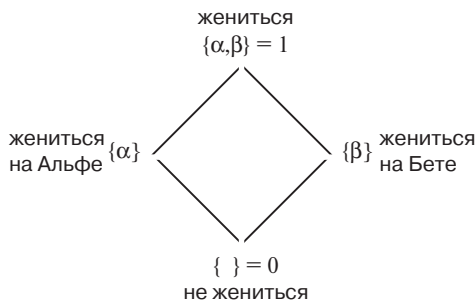

Рис. 6.1. Булева решетка альтернатив

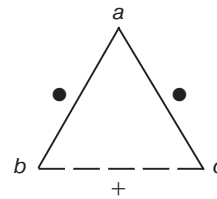

Рис. 6.2. Граф отношений. Сын (a) в союзе с отцом (b) и с матерью (c). У отца с матерью конфликт

Этому графу соответствует полином

$$a(b+c). \quad (6.2)$$

Построим диагональную формулу и запишем уравнение интенционального выбора для a :

$$\frac{[a][b+c]}{[a(b+c)]} = \frac{[b]+[c]}{[a]}. \quad (6.3)$$

Значения b и c из множества (6.1) есть давления отца и матери на сына с целью склонить его произвести тот или иной выбор.

Уравнение (6.3) после преобразований может быть записано как

$$(b+c)a + 1\bar{a} = a. \quad (6.4)$$

Исследуем это уравнение (см. 1.3). Оно имеет решения лишь при условии, что

$$(b+c) \geq 1. \quad (6.5)$$

Такое возможно, лишь если $(b + c) = 1$. Пусть, например, отец склоняет сына жениться на Альфе, а мать на Бете. В этом случае $b = \{\alpha\}$, $c = \{\beta\}$, $(b + c) = \{\alpha\} + \{\beta\} = 1$. В силу соотношения (1.4)

$$1 \supseteq a \supseteq 1, \tag{6.6}$$

т.е. сын принимает решение жениться. Но поскольку $\{\alpha\}$ и $\{\beta\}$ несовместимые действия, сын должен еще совершить выбор между ними. Этот выбор не может быть предсказан на основе нашего знания о влиянии на сына со стороны матери и отца.

Рассмотрим случай, когда и отец, и мать советуют сыну не жениться вообще. Тогда $(b + c) = 0$ и условие (6.5) не выполняется, уравнение (6.4) не имеет решений, из чего следует, что при этих воздействиях интенциональный выбор невозможен, и сын находится в состоянии фрустрации.

Проанализируем другой вариант отношений между сыном и родителями. У сына конфликт с матерью, а у отца хорошие отношения как с матерью, так и с сыном. Этой ситуации соответствует граф на рис. 6.3. Графу соответствует следующее уравнение интенционального выбора:

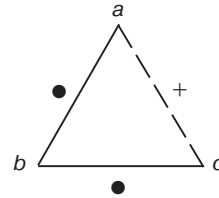

Рис. 6.3. Граф отношений. У сына (a) хорошие отношения с отцом (b) и плохие с матерью (c). У отца с матерью хорошие отношения

$$\begin{matrix} & & [a] + [c] \\ & [b] [a + c] & \\ [b (a + c)] & & = a. \end{matrix} \tag{6.7}$$

После упрощений уравнение может быть записано как

$$1a + (\bar{b} + c)\bar{a} = a. \tag{6.8}$$

Поскольку $1 \supseteq (\bar{b} + c)$, это уравнение имеет решение при любых значениях b и c . Например, $b = \{\alpha, \beta\}$ и $c = \{\alpha\}$, т.е. отец склоняет сына жениться, а мать уточняет, чтобы сын женился на Альфе. В этом случае

$$1 \supseteq a \supseteq \{\alpha\}, \tag{6.9}$$

и у сына есть две возможности: либо принять решение жениться обязательно, $\{\alpha, \beta\}$, либо жениться именно на Альфе, $\{\alpha\}$.

Пусть $b = 1$, $a c = 0$, т.е. отец советует жениться, а мать — оставаться холостым. Этому случаю соответствует неравенство

$$1 \supseteq a \supseteq 0, \tag{6.10}$$

т.е. сын может выбрать любой элемент множества M . Мы будем полагать, что в таких случаях Агент обладает свободой выбора.

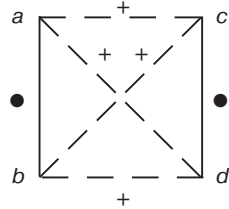

Рис. 6.4. Агенты a и b находят-
ся в союзе друг с другом и в
конфликте с агентами c и d ,
которые находятся в союзе

Рассмотрим теперь другой пример. Пусть группа, членом которой является Агент, представима графом (рис. 6.4).

Граф на рис. 6.4. декомпозируем, поскольку он не изоморфен графу S_4 . Агенту в этом примере соответствует следующее уравнение интенционального выбора:

$$\begin{array}{c} [a] [b] \quad [c] [d] \\ [a b] \quad + [c d] \\ [ab + cd] \end{array} = a. \quad (6.11)$$

Оно может быть записано как

$$(b + cd)a + cd\bar{a} = a. \quad (6.12)$$

Поскольку

$$(b + cd) \supseteq cd, \quad (6.13)$$

уравнение (6.12) всегда имеет решения, которые удовлетворяют неравенствам

$$(b + cd) \supseteq a \supseteq cd. \quad (6.14)$$

Положим, что ситуация такова. Агент (a), назовем его Питер, должен принять на работу новых сотрудников. Есть заявления от Альфы, Беты и Гаммы. Действие α означает нанять Альфу, β – нанять Бету и γ – нанять Гамму. Питер может либо нанять их всех, либо любых двух, либо одного, либо не нанимать никого. Мы видим, что действия α , β и γ в этом случае совместимы. Универсальное множество есть $\{\alpha, \beta, \gamma\}$. Ему соответствует булева решетка на рис. 1.3. Предположим, что агенты b , c и d влияют на выбор Питера, их влияния соответствуют значениям переменных b , c и d .

Пусть, например, агент b советует нанять Альфу, агент c – Бету, и агент d – Гамму, т.е. $b = \{\alpha\}$, $c = \{\beta\}$, $d = \{\gamma\}$. Подставляя эти значения в (6.14), находим, что

$$\{\alpha\} \supseteq a \supseteq 0. \quad (6.15)$$

Глядя на булеву решетку на рис.1.3, видим, что неравенству (6.15) удовлетворяют две альтернативы:

$$\{a\} \text{ и } \{\} = 0. \quad (6.16)$$

Таким образом, Питер может либо последовать совету агента b , с которым он в союзе, либо отказаться от выбора.

В заключение этого раздела отметим, что если бы агенты b , c и d склоняли Питера выбрать какого-либо одного кандидата, скажем Альфу, то уравнение (6.14) приобрело бы вид

$$\{\alpha\} \supseteq a \supseteq \{\alpha\}, \quad (6.17)$$

из чего следует, что Питер выберет именно того кандидата, которого ему рекомендуют выбрать другие члены группы.

7. Случай недекомпозируемого графа

В рассмотрении, проведенном выше, мы предполагали, что граф отношений между агентами декомпозируем. Чтобы распространить теорию на недекомпозируемые графы, предположим, что Агент способен расположить всех других агентов в порядке значимости для себя. Например, агент b более значим для него, чем агент c , агент c более значим, чем d , и т.д. Поскольку число агентов конечно, то у Агента всегда есть наименее значимый партнер. Представим себе, что Агент включен в граф, который недекомпозируем. В этом случае он удаляет незначимых для него агентов по одному, проверяя после каждого удаления, не стал ли граф декомпозируемым. Такая процедура всегда приводит к успеху, поскольку граф с тремя узлами декомпозируем.

Рассмотрим пример. Пусть граф отношений между агентами имеет следующий вид (см. рис. 7.1).

Этот граф изоморфен S_4 , т.е. недекомпозируем.

Пусть для Агента (a) порядок значимости других агентов такой: b, c, d . Наименее значимым является d , и он удаляется. В результате получается граф из трех узлов $\langle b, a, c \rangle$, который декомпозируем, и анализ которого был проведен в предыдущем разделе.

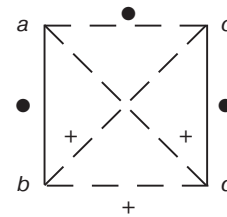

Рис. 7.1. Недекомпозируемый граф отношений между a, b, c и d

8. Функция выбора Агента

Рассмотрим произвольную булеву решетку (примеры даны на рис. 1.2 и 1.3). Она имеет два полюса, которым соответствуют множества $1 = \{\alpha, \beta, \gamma, \dots\}$ и $0 = \{\}$.

Будем считать, что множество 1 олицетворяет для Агента активность, а множество 0 — пассивность. Выражение $m_1 \supset m_2$ мы будем интерпретировать как отношение « m_1 активнее m_2 ». Таким образом мы определили на булевой решетке отношение активности. Рассмотрим теперь функцию

$$q = f(P, W), \quad (8.1)$$

где q , P и W определены на множестве M , представимую как

$$f(P, W) = AP + B\bar{P} + CW + D\bar{W}, \quad (8.2)$$

где A, B, C и D не зависят от P и W . В этом соотношении P интерпретируется как множество, к выбору которого группа склоняет Агента, а W — как интегральный образ себя.

Далее мы вводим две аксиомы:

$$f(P,0) = 1. \quad (8.3)$$

$$f(P,1) = P. \quad (8.4)$$

Аксиома (8.3) истолковывается так: если Агент видит себя пассивным, он испытывает «импульс вины» и становится активным. Истолкование аксиомы (8.4) следующее: если Агент видит себя активным, он испытывает «импульс успокоения», и любой толчок извне, в том числе в сторону пассивности, превращается в его выбор. Подставляя значения P и W , равные 0 и 1 в уравнение (8.2), получаем систему уравнений:

$$\begin{aligned} f(1,0) &= A + D = 1 \\ f(0,0) &= B + D = 1 \\ f(1,1) &= A + C = 1 \\ f(0,1) &= B + C = 0. \end{aligned} \quad (8.5)$$

Решая эту систему, находим, что $A = 1$, $B = 0$, $C = 0$, $D = 1$. Подставив эти значения в (8.2), окончательно получаем:

$$f(P,W) = P + \overline{W}. \quad (8.6)$$

Множество, которое выбирает Агент состоит из объединения двух множеств: \overline{W} - множества всех действий, из которого удалены действия, входящие в W , и множества P , состоящее из действий, к выбору которых Агента склоняет группа. Мы видим, что действие, входящее в W , может принадлежать q лишь при условии, что оно принадлежит пересечению PW .

Заключение

В рамках модели, введенной в этой работе, влияние группы не детерминирует полностью выбор Агента. В некоторых случаях он может даже обладать свободой выбора. Однако группа способна накладывать существенные ограничения на выбор Агента. Зная эти ограничения, мы можем во многих случаях отбросить значительную часть вариантов, т.е. с большей достоверностью предсказывать выбор Агента.

Автор выражает глубокую благодарность Викторине Лефевр за неоценимую помощь, а также благодарит Стефана Шмидта и Тима Кайзера за ценные советы.

Библиография

- Lefebvre, V. A.* Algebra of Conscience. D. Reidel Publishing Company, Dordrecht, Holland, 1982. 2nd enlarged edition (includes a new second part, "Moral Choice," not published before), Dordrecht: Kluwer, 2001. Алгебра совести, расширенный перевод 2-го английского издания, Москва: Когито-Центр, 2003.
- Lefebvre, V. A.* Reflexive Analysis of Groups. In: Newton Howard and Ammar Qusaibaty (Eds.) *Mathematical Models for Counterterrorism*, Springer (in press).
- Taran, T. A.* Many-valued Boolean Model of the Reflexive Agent. *Multi-Valued Logic*, 2001, Vol. 7, pp.97-127.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ НАШИХ КОЛЛЕГ

ПАМЯТИ АНАТОЛЯ РАПОПОРТА

Умер Анатолий Рапопорт. С его смертью закончилась целая эпоха в науках о конфликтах и путях их разрешения. По существу, все люди, работающие в области изучения войны и мира, используют модели, предложенные Рапопортом.

Он родился в 1911 году в небогатой еврейской семье, на станции Лозовая. В голодный 1921 год его отец решил уехать с семьей в Америку. Самой опасной частью был переход через украинско-польскую границу, которая проходила по реке Збруч и хорошо охранялась. Я слышал легенду, что Анатолий перебежал границу на коньках. Когда я спросил его об этом, он рассмеялся и сказал, что было не совсем так. Он действительно начал перебегать реку, но когда добежал до середины, пограничники заметили его и открыли огонь, и он вынужден был вернуться. Через несколько дней им с отцом удалось ночью с помощью контрабандистов перебраться на польский берег. А из Польши, получив американские визы, семья уехала за океан и обосновалась в Чикаго.

В это время у Анатолия проявились необыкновенные способности к музыке, он начал брать уроки игры на фортепиано и делал успехи. В 1929 году для продолжения своего музыкального образования Рапопорт поехал в Вену, где поступил в Высшую школу музыки и драмы. Вена двадцатых годов была удивительным городом – она являла собой центр и музыкальной культуры, и философской мысли. Все подающие надежды музыканты мечтали учиться в этом городе. Там находился *Венский кружок*, одно из самых влиятельных философских объединений того времени, членами которого были Карл Поппер, Рудольф Карнап, Мориц Шлик, Макс Блэк и многие другие австрийские, немецкие и английские философы. Насколько мне известно, Анатолий Рапопорт не имел прямой связи с членами Венского кружка. Однако их идеи носились в воздухе интеллектуальной Вены, что не могло не оказать влияния на талантливого юношу. Кроме того, Вена в те годы была ареной борьбы левой и правой идеологий, и Анатолий безоговорочно принял сторону левых, что во многом предопределило его судьбу. Мне кажется, что венский период был наиболее важным отрезком жизни Рапопорта. Неслучайно, что 50 лет спустя он был приглашен в Вену, чтобы стать директором Института высших исследований, основанным двумя выдающимися мыслителями – Паулем Лазарсфельдом и Оскаром Моргенштерном.

Вернувшись после Вены в Соединенные Штаты, Рапопорт начал карьеру концертующего пианиста. Он предъявлял к себе очень высокие требования и был чрезвычайно трудолюбив. Я гостил у него несколько раз и был свидетелем того, что он вставал в 6 утра и, выпив чашку крепкого кофе, работал до полудня. В период своей музыкальной карьеры он оттачивал мастерство пианиста-виртуоза, занимаясь по восемь часов в день. Не будучи удовлетворенным успехами, Рапопорт принял тяжелое решение прекратить концертную деятельность и поступил в Чикагский университет. Получив степень бакалавра в 1938 году, он был принят в аспирантуру на математический факультет. Через три года он защитил диссертацию по алгебраической теории чисел и получил степень доктора.

Во время пребывания в Чикагском университете в жизни Рапопорта произошло важное событие: он вступил в коммунистическую партию Соединенных Штатов. Он сам признавал позднее, что этот поступок был следствием его наивности. Как это ни странно, особое воздействие на молодого Рапопорта оказали советские фильмы, такие как «Путевка в жизнь», «Ленин в 1918 году», «Ленин в Октябре» и другие. Кроме того, Советский Союз в эти годы многими людьми в Америке рассматривался как единственная сила, способная остановить продвижение фашизма. Рапопорт принадлежал к числу таких людей. Разочарование в Советском Союзе и идеях коммунизма наступило значительно позже. 5 декабря 1941 года японцы напали на Перл-Харбор, и Америка вступила во Вторую мировую войну. Рапопорт решил пойти в армию добровольцем. Сначала он был послан инструктором в летное училище, а потом отправлен на Аляску, где стал авиационным диспетчером. Дело в том, что через Аляску осуществлялся перегон американских самолетов в Советский Союз, и там требовался диспетчер, владеющий русским языком. Затем Рапопорта перевели на базу в Индии, которая находилась на территории современного Бангладеш. Здесь он и встретил День победы.

Демобилизовавшись, Рапопорт вернулся в Чикаго, где жили его родители, и начал работать инструктором математики в Иллинойском технологическом институте. В этот период начинается сотрудничество Рапопорта с двумя учеными, которое предопределило характер его научных интересов. Во-первых, это был Николай Рашевский – создатель математической биофизики, и во-вторых, С.И. Хаякава, специалист в области семантики, будущий сенатор. Рашевский поставил перед Рапопортом задачу построить математическую модель взаимодействующих индивидов, каждый из которых стремится максимизировать свою прибыль. Рапопорт решил эту задачу и написал статью, получившую широкую известность.

Итог этой и последующих работ может быть сформулирован в виде двух утверждений.

1. Ситуации, в которых проявляется взаимодействие между индивидами, каждый из которых стремится максимизировать собственную выгоду, могут быть устойчивыми и неустойчивыми. В первом случае возможно продолжительное состояние равновесия, во втором такое состояние теоретически допустимо, но быть длительным оно не может. Малейшее отклонение выведет состояние системы в ту или иную крайность, т.е. один из индивидов превращается в паразита.

2. Независимые усилия индивидов максимизировать *получаемую* полезность ведут к уровню полезности ниже того, который мог быть достигнут при кооперации, т.е. при согласованных усилиях максимизировать *общую* полезность. (Из книги: Рапопорта А. «Уверенность и сомнения», М.1999, с.127)

Еще во время службы на Аляске, Рапопорт прочел известную книгу Хаякавы «Language in Action» и послал ему текст, основанный на своей педагогической деятельности, который был опубликован в журнале *A Review of General Semantics*, издаваемом Хаякавой. После окончания войны Рапопорт присоединился к этому журналу и в течение двадцати лет был одним из его редакторов.

Направление, в котором работали Хаякава и Рапопорт, называлось «общая семантика». Его цель заключалась в том, чтобы освободить тексты от бессмысленных утверждений. Рассмотрим, например, высказывание: «сложность задач,

стоящих перед пролетариатом, возрастает.» В этом утверждении никак не проясняется смысл таких слов как «сложность», «задачи», «возрастает», информация, содержащаяся в нем, не может быть верифицируема, т.е. ее там попросту нет. А ведь на таких фразах зиждется идеология! Работы Хаякавы и Рапопорта оказали существенное влияние на американскую культуру, способствуя массовому осознанию того, что высказывания могут быть бессмысленными.

В начале пятидесятых годов Рапопорт увлекся общей теорией систем, создателем которой обычно считают австрийского биолога Людвиг фон Берталанфи. Основная идея подхода, стоящего за общей теорией систем, состоит в том, чтобы строить такие теоретические модели, которые могут применяться к объектам различной природы. Например одна и та же модель может описывать и организм животного, и галактику. Рапопорта в основном интересовали математические модели.

В 1954 году Анатолий Рапопорт, Людвиг фон Берталанфи, Ральф Джерард и Кеннет Боулдинг организовали общество, которое они назвали Society for General Systems Research; ныне оно называется International Society for Systems Research. Это общество объединило ученых и специалистов в узких областях, которых интересовали общие вопросы, далеко выходящие за пределы их профессиональной сферы. Тем самым оно способствовало формированию американской интеллигенции. В течение четверти века Анатолий Рапопорт был главным и единственным редактором ежегодника General Systems, который публиковал наиболее яркие статьи, относящиеся к общей теории систем.

В этот период социально-политические проблемы стали интересовать Рапопорта гораздо больше, чем биологические. Поэтому он решил использовать для представления конфликта между людьми свою биологическую модель, созданную по совету Рашевского. Она позволяла изучать динамику связи между индивидуальными интересами организмов, входящих в систему, и интересами системы как целого. Оказалось, однако, что экспериментальная верификация этой модели чрезвычайно трудна. И тут Рапопорту пришла в голову мысль использовать в качестве каркаса модели игру с ненулевой суммой, которая была названа «дилеммой заключенного». Суть дилеммы поясняет следующая ситуация. Арестованы два человека, подозреваемых в совершении преступления. Их содержат отдельно, так что они не могут общаться. Им говорят, что каждый может признать себя либо виновным, либо невиновным. Если они оба признают себя виновными, каждый получит три года; если оба объявят себя невиновными, каждый получит два года; если один признает себя виновным, а второй объявит о своей невиновности, то первый получит один год, а второй десять лет.

На первый взгляд кажется, что этим двум людям следует не признаваться, тогда каждый получит два года тюрьмы. Но если одному из них станет известно, что другой решил не признаваться, то первому выгодно признаться, чтобы получить всего один год, хотя другой при этом получит десять. Поэтому, чтобы не рисковать, игроки должны избрать стратегию «признаться», но тогда каждый получит три года вместо двух, которые они бы получили, если бы предпочли «не признаваться». Далее все рассуждения повторяются, и плана удовлетворительного поведения не видно.

Рапопорт провел детальные лабораторные исследования поведения людей в играх типа «дилеммы заключенного» и предложил использовать схему этой игры для представления взаимоотношений между Америкой и Советским Союзом. Благодаря работам Рапопорта «дилемма заключенного» стала знаменитой и вошла в интеллектуальный багаж американских политиков и военных.

Анатолий Рапопорт прожил долгую жизнь. Его философские и политические взгляды эволюционировали. Сначала он был коммунистом, а к концу жизни стал одним из самых ярких американских либералов. Он научил нас анализировать конфликты и искать пути их разрешения. Он ненавидел насилие.

В.А. Лефевр

ТАТЬЯНА АРХИПОВНА ТАРАН Слово прощания

Ушла из жизни Татьяна Архиповна Таран, профессор Национального технического университета Украины (НТУУ «КПИ», г. Киев), член Российской ассоциации искусственного интеллекта (РАИИ), Ассоциации создателей и пользователей интеллектуальных систем (Украина), Европейского Координационного Комитета по искусственному интеллекту, Общества конфликтологов Украины, член редколлегии журналов «Новости искусственного интеллекта» и «Рефлексивные процессы и управление» (Москва, Россия).

«Ушла из жизни»? Но ведь это не только невозможно выговорить. Это ведь еще полуправда, кривда, осечка здравого смысла... Или неправ Хайдеггер, когда говорит: «Человек есть присутствие»? И кто, как не она, присутствует? Те, кто ее знал, подтвердит: вам даже не надо прислушиваться, как-то особенно вчувствоваться. Вы и так слышите ее голос, чувствуете на себе ее взгляд, а ее смех? – вот он, слышите?

Многое о том, как складывалась жизнь Татьяны Архиповны, мне было известно от нее лично, но кое-что я узнал уже после, и хочу поделиться...

Татьяна Архиповна родилась 4 декабря 1946 года в г. Александровске Сахалинской области в семье военнослужащего. Чуть позже семья переезжает в Севастополь. В 1964 году – у Татьяны золотая медаль по окончании средней школы. Потом – Севастопольский приборостроительный институт. 1969 год – диплом с отличием и квалификация инженера-математика.

После окончания института Татьяна Архиповна переехала в Киев. Работала в Институте сверхтвердых материалов, в Институте автоматики. С 1971 по 1973 год училась в аспирантуре Киевского политехнического института. Там и прошла путь от ассистента до профессора.

Татьяна Архиповна быстро вошла в число ведущих специалистов по искусственному интеллекту. В контактах с российскими учеными раскрылся ее исследовательский талант. В 1998 г. Д.А.Поспелов одобрил ее докторскую диссертацию, которую она с блеском защитила в 1999 году (оппонентами были известные российские специалисты по искусственному интеллекту В.К.Финн, В.Н.Вагин и

О.П.Кузнецов). К сожалению, при попытках нострифицировать докторскую степень в Украине выяснилось, что для этого нужно столько новых формальностей, что Татьяна Архиповна просто отказалась заниматься «защитой по-украински». Оказалось, что быть доктором наук «по-российски» и «по-московски» отнюдь не достаточно, чтобы быть доктором наук «по-украински» да «по-киевски». Мне, психологу по профессии, москвичу по месту жительства, харьковчанину по месту рождения, трудно понять сей этноматический фокус-покус.

«Истинный ученый», «реальный ученый», «большой ученый» – любое из этих определений правильно, но они не охватывают масштаба научной деятельности Татьяны Архиповны, широты ее интересов. Математика, логика, формализация рассуждений, представление знаний, анализ формальных понятий, многоагентные системы, когнитивный анализ ситуаций, рефлексивное управление, принятие решений в конфликтных ситуациях, обучающие системы, анализ художественных текстов, методы интеллектуального анализа общественных процессов. В последние годы увлеченно занималась разработкой проблем психологии личности (трансактный анализ, экзистенциальные выборы). И это – далеко не полный список ее увлечений и разработок. Татьяна Архиповна... Роза ветров?

Компетентность, лидерство, восприимчивость к новизне, креативность, организаторский и педагогический талант, умение доводить замыслы до воплощения – все это было ей присуще. Хорошо знавшие ее люди говорят о ее фантастической работоспособности (100 научных статей – и каких! – за 11 лет работы, все это поразительно). Свои работы она публиковала в ведущих российских и международных журналах, докладывала на конференциях РАИИ (КИИ-96 – КИИ-04), международных конференциях по многоагентным системам, мягким вычислениям, рефлексивному управлению, конференциях в США, Германии и Болгарии. Уже будучи тяжело больной, она сумела закончить (совместно с Д.А.Зубовым) первый русскоязычный учебник по искусственному интеллекту «Искусственный интеллект: теория и приложения», изданный в 2006 г. в Луганске.

А еще – учебник, выдержавший два издания (сколько их еще будет?): «Элементы дискретной математики». Мне кажется, что вся учебная литература по математике могла бы равняться на эту книгу; он стал бы настольной книгой не только для студентов технических ВУЗов, но также и для гуманитариев – столь красиво, ясно и, я бы сказал, захватывающе, изложены в нем глубокие идеи в данной области знания. Я думаю, что со временем, такие книги станут неотъемлемой частью образования всех молодых людей, независимо от сферы их интеллектуального самоопределения и профессиональной деятельности. Подобные книги – событие и, несомненно, вклад в культуру.

Мне посчастливилось познакомиться и сотрудничать с ней, начиная с 2001 года. Вместе с «булевой решеткой норм» она привнесла в мою жизнь, доподлинно, чудеса в решетке. То было общение с математиком-профессионалом, а в душе психологом. А я себя чувствовал психологом по профессии, а в душе математиком. После встречи с Татьяной Архиповной я стал именовать свои собственные разработки «психологическим моделированием математических объектов», и сейчас думаю, именно этого она ждала от меня, прочитав одну из моих работ «долефевровской эры».

Мы переписывались с ней, бывали короткие встречи, выступление на симпозиумах, «просто» общение. И она была в этом «просто общении», честно сказать, неотразима, азартна, остроумна и молода (в отличие от молодости многих других людей, ее молодость была категорией вневозрастной, вневременная; ведь даже болезнь, изменившая облик, оставила лик ее молодым). В ней совершенно не было ничего от сноба, высокомерного мастера, и с неопитом в математике она общалась, как с равным, оставив на память много чудесных подарков-слов. «Если сравнивать с числами, ты, Вадим, число комплексное...» Сама она была готова к нетрассовому слалому в психологии, которую осваивала стремительно, прочерчивая в этой новой для себя области личную траекторию...

Татьяна Архиповна, порой, бывала скупа на слово, но щедра в слове. И, как сказал мне однажды Олег Петрович Кузнецов, ее оценки «дорогостояли». Я, по правде, редко встречал людей, кто мог быть так тверд, строг и требователен, как она, и в то же время, так восторжен и нежен в выражении своих чувств и признании личных достижений других людей. Социальный статус «оцениваемых» не играл для нее ни малейшей роли. Она умела, как говорят, «открывать» людей, и табель о рангах при этом не имел никакого значения. В равной степени она могла восхищаться как своими маститыми коллегами, так и менее известными или совсем неизвестными в ее миру людьми. Никаких «игр». Никаких манипуляций в общении.

Она умела делать то, что так важно и что так часто упускается многими учителями, «шефами», «заединщиками» – разграничивать в авторстве «мое», «твое», «общее». Она могла твердо сказать: «Это – Ваша работа. Вы должны публиковать ее сами, под своим именем». Но ведь нередко рождались такие работы в контексте общего думания, были, в конечном счете, вдохновлены ее исследованиями и идеями!

А эта ее особая способность постижения-понимания! С полуслова мы понимаем лишь тех, с кем можно общаться вообще без слов. Ее паузы... Такая черта была у нее – общение «через паузу». Способность молчаливого участия. Вот и сейчас – ощущение, что она слушает и медлит с ответом. Пауза дольше обычной...

В последние недели и дни своей жизни она совсем не могла говорить, но, как я знаю от любящих ее людей, смогла передать близким свою собственную удивительную способность понимать человека без слов.

В.А. Петровский

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ

Все материалы от авторов принимаются только в электронном виде по e-mail или на дискете. Объем статьи – до 12 страниц (редактор Word, шрифт Times New Roman, размер 12, через 1,5 интервала, рисунки отдельными файлами). Литература в конце статьи с цифровыми ссылками на нее в тексте.

К статье прилагается также краткая информация об авторе, фотография автора (файл в формате TIFF), адрес, телефон, факс, адрес электронной почты (e-mail обязателен).

Контакты с авторами в процессе доработки статьи осуществляются в основном по электронной почте.

Преимущество отдается статьям, в которых получены новые результаты.

ПРИБРЕТЕНИЕ ЖУРНАЛА

Журнал можно приобрести:

В книжном киоске Института психологии РАН (Москва, ул. Ярославская, д. 13, тел. 682 01 00).

В книжном киоске Института философии РАН (Москва, ул. Волхонка, 14).

Информация о подписке на печатную и электронную версии журнала на сайте www.reflexion.ru.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Том 7. Январь-июнь 2007. № 1

Издательство «Когито-Центр»

ИД № 05006 от 07.06.01

Подписано в печать 12.09.07

Формат 60 x 90 1/16. Усл. печ. л. 8,0

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «УПП Макс-Принт»